

Л.Л.ВОЛЬНОВ

У ВРАТ ВОСТОКА

Очерки о Ливане

Москва «Мысль» 1982

ББК 26.89(5Ли)
В69

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент *Сергин Н. И.*

В $\frac{1905020000-117}{004(01)-82}$ 139-82

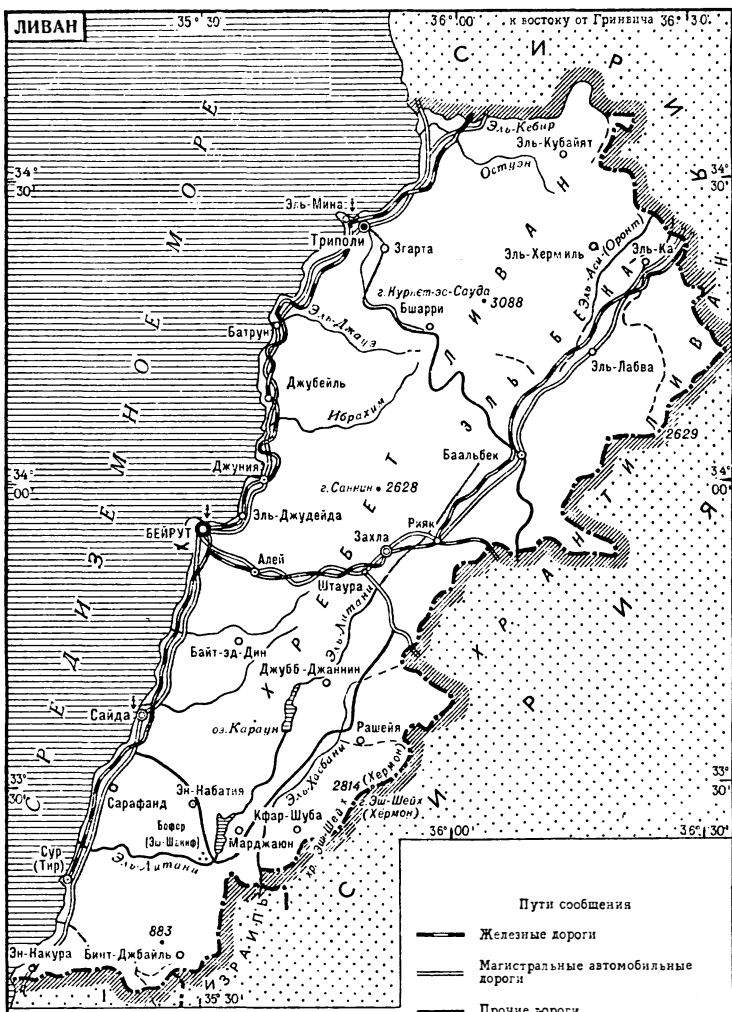
© Издательство «Мысль», 1982

Вот уже на протяжении ряда лет название небольшой арабской страны — Ливан — не сходит со страниц мировой печати. «Обстановка в Ливане», «Ожесточенные бои в Бейруте», «Израильское вторжение в Ливан», «Обстрелы палестинских лагерей» — этими и подобными заголовками пестрят газеты. Почему же события в Ливане приобрели такую остроту, почему эта маленькая страна, протянувшаяся узкой полоской — всего двести километров в длину и пятьдесят в ширину — вдоль восточного берега Средиземного моря, находится столь долго в центре внимания всего мира?

Шесть бурных лет, с 1972 по 1978 год, мне довелось провести в Ливане в качестве заведующего отделением ТАСС. Волей судеб я оказался в эпицентре развернувшихся там событий — гражданской войны 1975 — 1976 годов, израильской агрессии 1978 г. и связанного с ними империалистического заговора, направленного на вмешательство в дела этой страны. Словом, корреспондентом в «горячей точке» планеты. Поэтому одна из целей автора книги — поделиться своими впечатлениями, вынесенными от пребывания в этой стране в конце 70-х годов, рассказать о ее жизни и проблемах.

Ливан издавна величают «вратами Востока». Отсюда и название книги. Он расположен на пути, связывающем три части света — Европу, Азию и Африку. Его считают также естественным — в силу географических особенностей — мостом между Востоком и Западом, их торговым перекрестком.

Еще в древности на территории нынешнего Ливана существовала легендарная Финикия. В истории редко бывало, чтобы столь малая страна, как эта, вносила столь большой вклад в историю общечеловеческой цивилизации. На счету финикийцев создание первого в мире буквенного алфавита, важные географические открытия. Кстати, и название «библия» связано с финикийским городом Библос. Высокому развитию культуры способствовало географическое положение Финикии у «врат Востока» и то, что она лежала между двумя такими древними центрами цивилизации, как Месопотамия и Египет. Не менее интересны и другие страницы истории Ливана. О них, а особенно о том, что собой представляет Ливан и современные ливанцы, я и хочу вам рассказать.

Населенные пункты с числом жителей (в тыс.)

- более 300
- ⊙ от 100 до 300
- ⦿ от 30 до 100
- от 10 до 30
- менее 10

БЕЙРУТ Столица Ливана
Захла Прочие населенные пункты

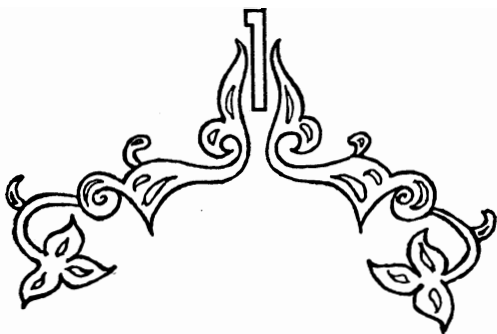
Государственные границы

- Пути сообщения
- Железные дороги
 - Магистральные автомобильные дороги
 - Прочие дороги

- ↓ Морские порты
- К Аэропорты
- Отметки высот над уровнем моря
- ⋯ Развалины древних городов

Примечание. Цифрой 1 на карте обозначена территория арабского государства

15 км

О чем поведала «Скала визитных карточек»

Впервые мне довелось проездом побывать в Ливане летом 1966 года. На Ближнем Востоке в то время уже не в первый раз собирались предгрозовые тучи, но Ливан жил как-то в стороне, внешне спокойной, казалось, легкой жизнью, полной блеска солнца. Бросалась в глаза сверкающая роскошь отелей, уютных ресторанов, золотистых пляжей и белоснежных яхт. Через шесть лет судьба снова привела меня в Ливан, на этот раз на длительную работу. Сразу же по приезде пришлось окунуться в бурную жизнь страны. Обстановка тогда была крайне острой, усилилась социальная напряженность, правые партии поднимали голову. Я много ездил по стране, что помогло мне познакомиться с жизнью, нравами и обычаями ливанского народа, с его историей и буднями сегодняшних дней.

Первое путешествие совершил в Джубейль—в прошлом легендарный Библос, расположенный километрах в сорока от столицы. Машина миновала окраины Бейрута, дорога повернула на север. Вскоре мы въехали в темный, прохладный после жаркого солнца туннель, проделанный в толще огромной скалы. Сразу за туннелем—мост через речку Нахр-аль-Кальб, впадающую неподалеку в море. Направо возвышался высокий, почти отвесный каменный склон, увитый зеленью. Это место называют Скалой визитных карточек. Примечательно оно тем, что его практически не обошел своим вниманием ни один из завоевателей, побывавших здесь на протяжении тысячелетий,—каждый старался оставить на ней описание своих побед и деяний.

— Посмотрите,—сказал сопровождавший меня молодой арабский историк Ахмед Керим, указывая на

скалу,— тут Ливан стоит по колено в воде. Раньше дорога проходила не через туннель, а прямо вот тут, у самого мыса, путь был узким и небезопасным. Наверное, поэтому преодолеть его, да еще с войсками, считалось немалой доблестью. Ведь здесь местные жители могли упорно обороняться. Может быть, это и побуждало завоевателей оставлять на скале свои надписи.

Действительно, на обрывистых склонах высечено клинописью, иероглифами, латинским шрифтом и арабской вязью по крайней мере девятнадцать таких надписей. Да и не только надписи. Кое-где виднеются высеченные в камне во весь рост барельефы фараонов и царей древности, тут же — бронзовая каска французского солдата и хвастливые надписи французских и английских генералов, шедших со своими войсками усмирять сирийцев и ливанцев. Но наиболее любопытны первые и последняя записи в этом своеобразном дневнике.

Начало этой традиции положил египетский фараон Рамзес II, приказавший таким образом запечатлеть в памяти народов свою победу, одержанную над хеттами в XIII веке до нашей эры. Следующим был ассирийский царь Эзархаддон, упивавшийся своими победами после похода в Верхний Египет. Другой ассирийский царь высек сообщение о том, что побывал тут для того, чтобы поохотиться в лесах, тогда густо покрывавших ливанские горы. На тех же камнях оставил запись победоносный месопотамский царь Навуходоносор II, захвативший Иерусалим и положивший конец Иудейскому царству, осадивший Тир и взявший его после тринадцатилетней осады.

Римский полководец Марк Аврелий велел высечь надпись, гласившую, что он вел здесь строительство дороги, ведущей к Сирии и Египту, а римский император Каракалла упоминает о проследовавшем этим путем третьем галльском легионе. Проходил тут и великий полководец древности Александр Македонский. В 334 году армия Александра пересекла Геллеспонт. В следующем году в северной Сирии македонские фаланги, несмотря на значительное численное превосходство персов, благодаря отличному воинскому умению и дисциплине одержали победу над войсками Дария III. Перед Александром был открыт путь через Ливан на Египет.

Шли века. Когда арабы пришли сюда, чтобы остаться здесь навечно, они пренебрегли тогда возможностью расписаться на знаменитой скале, полагая, видимо, что

в этом нет никакой необходимости. В XII веке армии крестоносцев проникли в регион под предлогом «освобождения гроба господня», а на самом деле для того, чтобы поживиться богатым «восточным наследством». Они создавали здесь свои королевства и княжества, пытались опереться и найти поддержку у местных христиан. И конечно, оставили свою запись на Скале визитных карточек. Тем не менее крестовые походы бесславно закончились, и Иерусалим в 1187 году был освобожден войсками знаменитого арабского полководца Салах эд-Дина (Саладина), о чем он повелел на сей раз сделать надпись на скале.

Установление правления египетских султанов — мамлюков ознаменовалось не только окончательным утверждением на территории Ливана арабского языка, но и гонениями на христиан в отместку за их сотрудничество с крестоносцами. В 1516 году турецкий султан Селим I (Сулейман Великолепный) одержал под Алеппо, в Сирии, победу над мамлюками. На следующий год султан оставил свою памятку на скале, увековечив таким образом начало четырехвекового господства Османской империи над Сирией и Ливаном.

С XVI века Ливан стал одним из центров сопротивления господству Османской империи. В XVIII—XIX веках страна оказалась втянутой в англо-французскую борьбу за установление влияния на Ближнем Востоке. Еще Наполеон Бонапарт мечтал, опираясь на восточное христианство, создать под французским руководством арабскую армию, которую можно было бы использовать для борьбы против англичан. Позже к этим планам, с учетом изменений во времени и событиях, обращался и Наполеон III. Воспользовавшись крестьянским антифеодальным восстанием, вспыхнувшим в Ливане в 1858 году, и обвинив Турцию в неспособности справиться с ситуацией, Франция на некоторое время оккупировала Ливан, послав туда в 1860 году свой экспедиционный корпус. Об этом была сделана соответствующая надпись на скале. Потом под давлением других держав французские войска покинули его, и была создана международная комиссия с участием представителей Англии, Франции, Пруссии, России, Австрии и Турции, которая выработала Органический статус Ливана — форму его управления, главным органом которого был Центральный административный совет и выборы в него проводились по религиозным куриям. Подобная организация управления страной служила удобной формой прикрытия вмешательства великих держав в ее дела.

Интересно упомянуть, что в период русско-турецких войн местные арабские правители в Ливане обращались с просьбами о помощи к России в попытке избавиться от османского ига и добиться независимости. Тем не менее Ливан оставался под властью Османской империи до конца первой мировой войны. Как накануне войны, так и особенно во время ее в Ливане усилилось национально-освободительное движение, выступавшее за предоставление независимости. Турецкая администрация прибегала к различным репрессивным мерам. Так, в 1916 году на центральной площади Бейрута, называвшейся тогда площадью Пушек, была проведена публичная казнь ливанцев, приговоренных турецким судом к смерти за выступления против турецкого правления. Впоследствии она стала называться площадью Мучеников, и на ней был установлен величественный монумент в память погибших борцов. Но в то время ливанцам не удалось добиться осуществления этой цели. Франция и Англия, следившие за развалом Османской империи, еще в ходе войны тайно договорились о разделе ее владений на Востоке. Эти планы нашли свое отражение в известных соглашениях Сайкс — Пико (по имени авторов — дипломатов англичанина Сайкса и француза Пико), по которым район был поделен между Францией и Англией. В 1920 году Ливан и Сирия по мандату Лиги наций были переданы Франции, а Палестина и Ирак — Англии. Французские и английские «освободители» в лице генералов Гуро и Алленби не преминули оставить на скале и свои «визитные карточки» в виде записей на французском и английском языках, свидетельствующие о «подвигах» англо-французских войск.

В 1920 году было создано государство Великий Ливан, а в 1926 году на основе выработанной французами конституции Великий Ливан был преобразован в Ливанскую республику, первым президентом которой стал православный христианин. Самостоятельность этой республики была чисто призрачной. Это не было еще полной победой. В стране продолжали оставаться французские войска. Ливанскому народу пришлось пройти еще долгий путь, прежде чем ему удалось добиться независимости в ноябре 1943 года. Происходили многочисленные вооруженные столкновения и народные волнения.

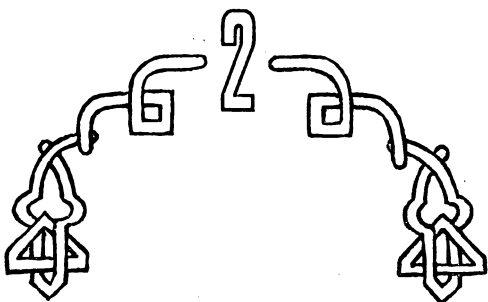
Последнюю зафиксированную на горном склоне надпись сделали наконец сами ливанские арабы. Она гласит, что 31 декабря 1946 года ливанскую землю покинул последний французский солдат.

Таковы вкратце некоторые эпизоды из истории Ливана, предшествовавшие обретению Ливаном независимости. Стране пришлось и в годы независимого существования переживать различные формы иностранного вмешательства, в том числе американскую интервенцию с высадкой американских войск в 1958 году и израильскую агрессию 1978 г.

И сейчас, когда эта книга была уже подготовлена к печати, совершился новый акт наглого вторжения израильской военщины на территорию Южного Ливана. Вряд ли, конечно, запись об этом появится на знаменитой скале, но оккупанты уже вписали кровавые страницы в летопись истории своим жестоким террором, бомбардировками мирных городов и сел, уничтожением лагерей палестинских беженцев, находящихся на территории многострадальной страны.

В начале июня 1982 г. многотысячная израильская армия, вооруженная до зубов американским наступательным оружием начала самую крупномасштабную агрессию против суверенного государства. Войска захватчиков столкнулись с ожесточенным сопротивлением отрядов Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил Ливана. Однако количественное превосходство в военной технике позволило агрессорам оккупировать значительную часть территории. Варварские бомбардировки населенных пунктов привели к огромным жертвам среди мирного населения, разрушены города Тир, Сайда и другие, многие кварталы густозаселенных западных кварталов Бейрута превратились в груды развалин. Десятки тысяч жителей страны лишились крова. Войска агрессора фактически совершили в Ливане преступную акцию геноцида, пытаясь потопить в крови борьбу палестинского народа за свою свободу и независимость. Действия Израиля и его американских покровителей направлены на расчленение Ливана, на уничтожение Организации освобождения Палестины, на подчинение этой арабской страны империалистическому диктату. Стойкость и мужество борцов за национальное освобождение сорвали вынашивавшиеся захватчиками планы молниеносной победы.

Советский Союз активно выступил на стороне арабов, добиваясь, чтобы были приняты действенные меры для прекращения агрессии, для неукоснительного выполнения единогласно принятого решения Совета Безопасности ООН о выводе израильских войск с территории Ливана и установлении прочного мира в этом взрывоопасном регионе Ближнего Востока.

Что за народ ливанцы?

Человек, впервые попавший в Ливан, порой удивляется его разноязыкости. В присутственных местах, на торговых улицах и базарах, в кафе и отелях — повсюду можно услышать арабскую и французскую, армянскую и греческую, английскую и турецкую речь. Вывески магазинов, всевозможная реклама, телевизионные программы — тоже на разных языках. Почти каждый горожанин может объясниться на любом из трех языков — арабском, французском, английском. Среди жителей этой восточной страны можно встретить не только смуглых и черноволосых, но и блондинов с голубыми глазами, внешне мало чем отличимых от европейцев.

Помню, как один видный ливанский дипломат, с которым я познакомился вскоре после приезда в страну, на мой вроде бы наивный, но, как оказалось, щекотливый вопрос, кто он по национальности, ответил: «Ливанец». Я пытался уточнить, что-де имею в виду не гражданство, а происхождение и не правильнее ли будет назвать его арабом, например. Но арабом этот господин явно не хотел быть, повторив, что он ливанец. Да простят мне мою наивность, в то время я еще не знал, что довольно большое число ливанцев старается под воздействием своих религиозных воззрений отделиться от своей принадлежности к арабской нации, и, конечно, не мог предполагать, что вопрос о приоритете той или иной религиозной группы через пару лет будет использован в качестве одного из поводов для гражданской войны. Вскоре мне на собственном опыте пришлось убедиться в справедливости мнения о том, что «Ливан — маленькая страна, имеющая большие проблемы».

Ливанцы... Что же все-таки это за народ, каково его происхождение, в чем причина и исторические корни происходящих ныне на земле Ливана событий?

Древнейшим народом, населявшим Ливан и ставшим известным истории, были ханаanei, получившие впоследствии от греков название финикийцев. Основным занятием финикийцев были мореходство, торговля, различные ремесла.

Финикийские города-государства начиная с XIII века до нашей эры управлялись царьками и советами старейшин. Время от времени они объединялись в федерации под главенством одного из городов. Среди них были города Угарит и Губла, Арадус и Сидон, Тир и Триполи. Финикийское искусство достигло довольно высокого развития. Еще греки восхищались финикийскими металлическими изделиями, Гомер, например, в одной из своих поэм воспел серебряную чашу из Сидона. Слава финикийцев связывалась на протяжении многих веков с производством стекла, тканей и особенно пурпура. Пурпур добывался из раковин моллюска, обитавшего в морских водах близ Тира и Сидона. Краситель этот получил широкую известность, а ношенные одежды, окрашенных в пурпур, стало признаком принадлежности к знати. Чтобы добыть несколько капель драгоценной краски, требовалось немало усилий. Ныральщики доставали моллюсков со дна моря и затем выжимали из них несколько капель жидкости, которую подсаживали, выдерживали в течение нескольких дней, подогревали на умеренном огне, после чего она приобретает цвет алой крови. Во время одной из поездок в южноливанский город Сайду я видел у городских стен сохранившуюся с тех давних времен высокую гору раковин пурпурниц. Такие же остатки пурпурового производства можно встретить и в другом южноливанском городе — Суре (Тире).

Последующий упадок финикийской торговли и ремесла был вызван конкуренцией со стороны греков. В IX веке до нашей эры Финикия попадает под номинальное господство ассирийских царей, которые облагают государства-города данью. Иногда города восстают против тех или других захватчиков, но в конечном итоге терпят поражения. На смену ассирийскому господству приходит персидское. Персы даровали прибрежным финикийским городам ограниченную автономию. Но к середине IV века до нашей эры звезда персидской империи стала заходить, и она вскоре развалилась под могучими ударами армии Александра Македонского. Ливан был включен в империю Алексан-

дра. Со смертью ее основателя власть перешла к его полководцам, которые разделили владения между собой. Ливанские города в течение многих лет переходили от одного греческого правителя к другому. В период греческого владычества эллинистическая школа философии, литература, искусство, технические нововведения оказали влияние на весь Восток, в том числе и на города Финикии. Образованный финикиец в те времена владел и финикийским, и греческим языками. Но финикийцы не были слепыми подражателями греков, они внесли и свой вклад в греческую философию, в частности в учения школы стоиков и эпикурейцев. Финикиец, уроженец Кипра, Зено (333—261 гг.), говоривший по-гречески с финикийским акцентом и проводивший занятия в афинской школе, создал школу стоиков. Другой Зено, родившийся примерно в 150 году до нашей эры в Сидоне, возглавлял эпикурейскую школу в Афинах, а одним из его учеников был знаменитый оратор Цицерон.

В эпоху римского правления, которое пришло на смену греческому, вся территория от Тауруса до Синая была включена в одну провинцию под названием Сирия. Официально Финикия перестала существовать. Это случилось в начале нашей эры. До римской эпохи люди, населявшие Ливан, жили в основном на побережье, сейчас они стали селиться и в горных районах. Греческий язык наряду с финикийским сохраняется еще в течение трех столетий. Латинский не приживается и становится только языком правительственных учреждений. Римская цивилизация, связанная с греческой и основанная на ней, без труда приходит в гармонию с эллинистической культурой.

Торговые города вновь переживают период подъема. В империи растет спрос на восточные товары и продукты. Увеличивается экспорт пшеницы, вина, оливкового масла, фруктов, шерсти. Долина Бекаа становится житницей империи. Ливанские горы продолжают поставлять лес. В литературе того времени появляются упоминания о медных копях в районе Сидона (Сайды) и о железных рудниках вблизи Бейрута. Продолжают развиваться искусства.

Следующий период истории вплоть до VI века нашей эры был связан с Византией. На побережье Ливана можно встретить и теперь остатки византийских строений. В VII веке произошло Великое арабское расселение, захватившее и Ливан.

После того как Ливан в 1920 году стал подмандатной территорией Франции, в нем распространилось влияние

западной культуры. Еще до сих пор в Ливане можно встретить представителей «высшего общества», лучше изъясняющихся по-французски, чем по-арабски, или даже вообще не умеющих читать и писать по-арабски. Французским языком в той или иной степени владеет тридцать восемь процентов всех ливанских граждан.

Встречаясь с арабами, невольно задумываешься над тем, сколь отличен их характер от национальных черт других народов. Это и необычайная гордость, и мгновенная вспыльчивость, это редкостное гостеприимство и обостренная обидчивость, беззаветная храбрость и порой коварство, религиозный фанатизм и моральный кодекс чести бедуинов, это, наконец, и очень разное положение мужчины и женщины в арабском обществе. Общие черты характера присущи народам всех двадцати двух арабских государств, хотя несомненно, что под влиянием географических и исторических условий у каждого из этих народов выработались свои отличительные черты.

С самого рождения арабский ребенок воспитывается в патриархальной среде. В зависимости от того, мальчик это или девочка, он с пеленок чувствует разное отношение к себе, накладывающее свой отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Появление мальчика в семье встречается бурными выражениями радости, в то время как рождение девочки, если это первый ребенок, лишь терпимо. Если же в последующем опять рождаются дочери, то отношение к ним становится все более настороженным. Иногда даже бывает и так, что родители дают своей последней дочери имя Таман, что в вольном переводе с арабского означает «довольно!». По представлениям патриархально мыслящих арабов, жена, рожаящая только девочек, не намного отличается от бездетной, и над ней может нависнуть угроза развода. В любой арабской семье отношение к мальчику более теплое, чем к девочке.

Если первые четыре года мальчик находится под опекой матери, то в последующий период ему все больше внимания уделяет отец, который начинает требовать от него выполнения ряда обязанностей. Переходя от женской ласки к более суровому обращению со стороны отца, мальчик ищет временами утешения у матери и женской половины семьи. В отношениях же с мужской половиной он привыкает к тому, что преобладающее значение здесь имеет старшинство в возрасте. Вместе с тем у него самого вырабатывается чувство превосходства над младшими мальчиками, от

которых он в свою очередь требует подчинения. Постепенно познав и усвоив эти уроки, мальчик обретает черты типично мужского характера.

Воспитание девочек, женщины в арабской семье определяется своими канонами: умением справиться с хозяйством, помощью мужу в сельскохозяйственной работе и прежде всего ролью матери.

Положение молодой женщины в семье, по мере того как она рождает сыновей, становится более прочным и даже влиятельным. Мне вспоминаются слова моего доброго ливанского знакомого д-ра Зейнала, к тому времени отца троих мальчиков, который, восхищаясь своей женой, неизменно приносившей ему сыновей, часто говорил мне: «Вы только подумайте — это лишь кажется, что положение женщины в семье незавидно, а она тем не менее завоевывает все более и более высокое место». И говорил он об этом с чувством благоговения и благодарности.

По мере того как мальчики подрастают, их все ближе знакомят с правилами поведения, которые условно можно назвать «кодексом бедуинов» — определенным сводом чести и правил, покоящимся на древних традициях. Ведь героическое прошлое оказывает влияние на сознание каждого народа. Рисуемое в образах храбрых, мудрых государственных деятелей или полководцев, наконец просто храбрых воинов, оно создает прототипы, которым хочется подражать. Для многих арабов этот героический век продолжается и поныне.

Если говорить о нравах Востока, то они сохраняются сейчас не столько во внешнем облике людей, сколько в психологии, складе ума и образе мышления. Стремительно меняющиеся времена не столь быстро сказываются на процессе формирования умов. Иногда встречаешь среди арабских интеллигентов людей, мыслящих о настоящем и будущем категориями прошлого. Я имею в виду, в частности, широко распространенную среди арабов ностальгию по древним временам — той эпохе, когда вновь родившаяся религия — ислам — способствовала установлению арабского влияния и даже господства во многих районах тогдашнего мира. Расцветавшие тогда в арабском мире науки и искусства сейчас берутся за некий эталон для современности. Можно понять эти настроения, возникшие с получением молодыми арабскими государствами независимости, размахом национально-освободительного движения. Велико стремление перескочить через рубеж многовекового угнетения иностранными захватчиками, очиститься

от его влияния, возродить свой национальный дух. Но эти стремления принимают не всегда правильную форму, ведут к просчетам, переоценке своих сил. Конечно, время и опыт, обретаемый молодыми арабскими государствами, постепенно исправляют эти заблуждения. В сельской местности, да и в городах, еще живучи феодальные пережитки, которые ощущаются как в экономических, так и в социальных отношениях. Примером этого могут служить клановые и родовые пережитки. Так, в городах подбор в административный аппарат того или иного учреждения нередко осуществляется по семейному принципу. В деревнях определенные семьи сохраняют традиционно свою руководящую роль в жизни той или иной общины.

Одно из наиболее примечательных качеств арабов — их традиционное гостеприимство, о котором каждый из нас достаточно наслышан. Его зарождение восходит еще к тем временам, когда арабы жили в пустыне. Скорее всего там оно появилось как жестокая необходимость, когда отдельный человек мог бы погибнуть, не пользуясь он кровителем своего рода или племени. Правила арабского гостеприимства предписывают встречать странника как почетного гостя. Отказ приютить путника или попытка нанести ему ущерб приравниваются к преступлению не только против достоинства и чести родовой группы, но, по представлениям арабов, и против самого небесного заступника. Законы гостеприимства требуют и приютить, и защитить всякого, кто просит об убежище, если даже гость в другое время мог бы стать законной жертвой кровной мести хозяина.

Даже крайняя бедность не может извинить человека, отказавшегося от исполнения своей священной обязанности — гостеприимства: предоставить приют и накормить гостя, странника или друга в течение трех дней.

Конечно, в наши дни эти правила в городах, да и в деревнях, весьма упростились, но тем не менее они уважаемы и прививаются арабам с самого раннего возраста. Помнится, как проездом на юг Ливана мне пришлось остановиться на ночь у незнакомого крестьянина, который радушно предоставил мне и моему спутнику комнату своих отсутствующих сыновей и хлебосольно покормил и ужином и на следующее утро завтраком, отказавшись от всякой платы. В Иордании мне рассказывали, что, когда путник, проезжающий через деревню, нуждается в ночлеге, его направляют к тому жителю, который наилучшим образом может его

принять, накормить и устроить, спасая как бы тем самым честь всей деревни.

Как-то, проезжая через обширную пустыню, протянувшуюся на несколько сот километров между Багдадом и южноиракским городом Басра, я сам в какой-то мере оказался на положении путника, хотя и не нуждающегося в ночлеге, так как ехал на автомашине. Увидев бедуинские шатры с пасущимися поодаль от них верблюдами, мы подъехали к их обитателям, чтобы перемолвиться несколькими приветственными словами. И первым жестом встреченных нами хозяев пустыни было приглашение в шатер и предложение выпить чашечку горького арабского кофе, который по особому способу готовят бедуины. Чтобы ощутить его аромат и крепость, достаточно нескольких капель этого напитка. И хотя шатер был беден и сквозь крышу в нем проглядывало небо, нас незамедлительно пригласили воспользоваться ночлегом. Пусть это было лишь проявлением вежливости, ибо хозяева видели, что мы ни в чем не нуждаемся, но они все-таки не могли обойтись без этого традиционного приглашения.

Гостеприимство — это одна из граней благородства. В понимании арабов, оно является средством заслужить и утвердить уважение своей общины. О том или ином человеке часто судят по тому, как он принимает гостей, и репутация гостеприимного хозяина весьма дорога для араба, который, принимая гостя, знает, что это будет соответственно оценено.

Столь же высоко, как гостеприимство, ценятся среди арабов такие благородные качества, как храбрость и мужество. Храбрость прежде всего должна проявиться в готовности человека рисковать жизнью ради своих близких. Мужество же определяется главным образом способностью выдерживать боль или эмоциональное напряжение со стоическим самообладанием, чтобы ни стон, ни выражение лица не выдали подлинные ощущения подвергаемого такому испытанию. Так, в арабских странах юноши включают в свои игры довольно жестокие болевые приемы, которые служат проверкой их мужества. Это может быть прижигание руки обугленным тростниковым стеблем или сигаретой, порезы ножом и т. д. Среди некоторых племен распространен обычай наказания юношей четырнадцати — шестнадцати лет. За ту или иную провинность отец наносит им легкие удары саблей или кинжалом. Поступая таким образом, отцы не только наказывают своих сыновей, но и готовят их к будущей жизни, умению переносить боль и трудности.

Большое внимание уделяется в арабском обществе соблюдению чести в широком значении этого слова. Концепция чести распространяется с отдельного человека на семью, племя, нацию в целом. Два основных синдрома чести — мужество и дух родства. Понятие чести ассоциируется также с храбростью вообще.

Особое место в бедуинском обществе занимал обычай кровной мести. «Кровь за кровь» — говорит арабская пословица. Честь пострадавшей семьи может быть восстановлена только после того, как совершится возмездие, примирение — после того, как возмещен ущерб. Честь — это коллективная собственность семьи. Если отдельный ее член покрывает себя бесчестьем, то позор падает и на всю семью.

Мы говорили уже о том значении, какое придается культуре продолжения рода по мужской линии. И нет для мужчины хуже оскорбления, если он заподозрен в неспособности продолжить свой род. Это один из тех редких случаев, когда жена может потребовать развода, а муж должен молча согласиться, чтобы его позор не стал достоянием гласности.

Говоря о чертах арабского характера, нельзя не упомянуть и о таком понятии, как «стыд», то есть желание избежать отрицательного суждения другого. Главная озабоченность «идеального» араба — не совершить постыдного действия.

Все перечисленные моральные качества у арабов тесно ассоциируются с групповыми узами и выражаются термином «асабийя», что означает «родовой дух», «дух семьи». Этим объясняются и поныне тесные связи родственников, особенно семейные, которые весьма сильны во всех сферах традиционного арабского общества. Они сохраняются как влиятельный фактор даже после того, как члены семьи разъезжаются или эмигрируют за границу. Примером тому могут служить и связи ливанских эмигрантов, рассеянных по всему миру, и особенно по странам Латинской Америки (за границей проживает почти столько же ливанцев, сколько и на родине). Когда возникают какие-либо финансовые трудности или беды, представители различных ливанских общин едут за границу собирать пожертвования от местных ливанцев. А многие эмигранты, прожив десятилетия вдали от родины и поправив свое финансовое положение, под конец жизни возвращаются на свою землю, привозя с собой накопленное и заработанное.

Несомненно, что по мере модернизации современной

жизни племенная и семейная сплоченность постепенно ослабевает. И тем не менее она продолжает сохраняться, особенно в сельской местности.

* * *

Колоссальную роль в жизни арабов различных стран играет язык — могучий фактор, способствующий укреплению их единства, формированию мышления и мировоззрения. Вероятно, каждому народу его язык кажется лучшим, ибо с ним связаны вся его история и культура, все трудности и радости бытия. Индивидуальное качество арабского языка — его необычайная красноречивость. По мнению арабских лингвистов, он превосходит другие языки тем, что обладает огромной призывной силой. Особенно подходит он для чтения поэтических произведений и официальных выступлений — речей и обращений.

И тем не менее, что же представляет собой современный арабский язык? В каждой стране этого региона классический письменный язык и разговорный живут бок о бок, но резко отличаются друг от друга. Разговорный существует в виде многочисленных местных диалектов, весьма отличных от классического языка и друг от друга. Ливанский диалект, например, очень отличается от египетского или иракского. Конечно, арабу, приехавшему в Ливан из другой арабской страны, не трудно в общем объясниться со своим ливанским собратом, но сплошь и рядом он встречает непривычные для него выражения, слова, попадает в тупик, не умея должным образом высказаться. И проходит месяца два-три, прежде чем приезжий полностью осваивается. Не приходится говорить и о том, что ливанский диалект арабского языка больше «засорен» иностранными словами из западных языков, в частности французского. Это особенно чувствуется в области технической и политической терминологии. Классический язык — это язык Корана, священной книги ислама. В основу его положен диалект, на котором говорили в Мекке в VI веке. Он стал общим языком мусульманской религии, а также повсеместно используемой литературной формой. И лишь очень медленно и в облегченном виде язык Корана превратился в язык современной арабской литературы.

Лучшие арабские умы и сегодня считают язык одним из величайших богатств своих народов и прилагают всяческие усилия для более полного исполь-

зования его возможностей. Несмотря на все разногласия между различными арабскими государствами, их междоусобицы и острые ссоры, их объединяет сознание причастности к одной культуре.

Язык, как считают арабские ученые, несмотря на его многочисленные разговорные диалекты, будет постепенно благодаря широкому использованию современных средств массовой информации формироваться в единый, стандартизованный язык, близкий к классическому арабскому, и станет единым письменным и разговорным языком всего арабского мира.

В чем же, помимо уже сказанного, его привлекательность? Исследователи этого феномена указывают на такие качества арабского языка, как сила риторики, глубокое подсознательное влияние на психику, способность пробуждать сильные чувства и опять-таки необыкновенное красноречие. Известный арабский историк Ф. Хитти следующим образом характеризует некоторые особенности арабского языка: «Вряд ли какой-нибудь другой язык может оказывать такое глубокое воздействие на умы говорящих на нем, как арабский. Современные аудитории в Багдаде, Дамаске и Каире могут быть возбуждены в высочайшей степени чтением лишь интуитивно понимаемых ими стихов или произнесением на классическом языке речей, лишь частично понимаемых. Ритм, рифма, музыка языка вызывают у них то, что они называют «законным восхищением»».

Другой арабский ученый, А. Хоурани, автор книги по арабской культуре, так высказывается о своих соотечественниках: «Арабы любят прекрасные и звучные слова о самих себе и уделяют поэзии и риторике больше внимания, чем другим искусствам... Через язык и воображение вступает в силу нравственная система, которая возбуждает героические наклонности: преданность друзьям, семье и племени, дух личной и фамильной чести, гостеприимство, великодушие strongly человека, который не злоупотребляет своими правами».

И это действительно так. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как покоряюще воздействует на аудиторию речь талантливого оратора или муллы, читающего Коран. Музыка речи или стиха подобна гипнозу. Слушатели буквально заворожены настроением оратора: на призывные речи реагируют бурно, чтение соответствующей суры из Корана либо глубоко умиротворяет, либо необычайно возбуждает. Для чтения Корана по праздничным дням (а эта церемония во

многих арабских странах часто предшествует любому торжеству) выбирают лучших чтецов священного текста, голос которых, транслируемый по радио, с одинаковым вниманием слушают во всех уголках страны. Искусству чтения или, точнее, пения Корана часто отдается предпочтение перед всеми другими.

Некоторые сравнивают арабский язык с музыкой. Но у арабов язык вызывает более глубокую, более эмоциональную реакцию, чем музыка. Вот что говорит еще один арабский автор, Эдуард Атия, об отношении арабов к языку: «Характерным для арабского ума является то, что на него большую власть оказывают слова, чем идеи, идеи — больше, чем факты...» Современная жизнь меняется быстро: уходят в прошлое многие черты, обновляется восприятие окружающей среды, взаимоотношения в рамках семьи, всесторонне развивается культурная и экономическая жизнь. В арабских странах происходит процесс модернизации; рушатся многие старые понятия. И тем не менее многие черты и свойства векового уклада, о которых мы говорили в этой главе, остаются. Не приходится сомневаться в том, что арабские народы, пробудившиеся от длительной многовековой спячки и вставшие на путь подлинного национального развития, в ходе этого бурного процесса сумеют абсорбировать и сохранить свои лучшие духовные ценности и отбросить все, что мешает прогрессу.

Что можно рассказать еще о нравах и обычаях ливанцев как арабского народа, развивавшегося несколько в обособленных условиях, подвергавшегося воздействию урбанистической цивилизации Запада?

В характере бейрутцев, да и жителей других городов, несмотря на сугубо модернистский и современный образ жизни, проглядывает подчас простота людей, недавно попавших в большой город. Да так оно и есть. Ведь двадцать — тридцать лет городской жизни не так скоро меняют издавна сложившиеся обычаи. Жители гор, они во многом сохранили свою непосредственность. Ливанцы любят чистоту у себя дома, в квартире. Но одновременно не считается зазорным высыпать мусор из окна во двор своего дома. Поэтому иногда встретишь свалку мусора там, где рядом стоит роскошный дом или проходит фешенебельная улица. Непосредственны ливанцы и по части выражения своих эмоций. Счастливый обладатель автомашины, например, едет на свидание к своей возлюбленной и останавливается возле дома, в котором она живет. Нет ничего проще подняться лифтом на любой этаж, но молодой

Ромео предпочитает вызывать свою Джульетту на балкон серенадой автомобильного гудка. Это может случиться и глубокой ночью, так что автомобильные трели и любовный дуэт становятся достоянием соседей на всех этажах. А у человека, проработавшего весь день, подчас возникает желание окатить пылкого любовника ушатом воды, чтобы не мешал отдыхать в этот поздний час.

Ну а свадьбы—как они сейчас отмечаются на Арабском Востоке? По улице мчится вереница автомашин, украшенных лентами и цветами. В этой процессии—в зависимости от достатка родителей молодоженов—может быть пять, десять или больше автомобилей. Они несутся на бешеной скорости под оглушительный рев клаксонов, причем гудят все машины сразу. Все знают: это свадьба! Так что, если едешь на автомашине, лучше посторониться, пропустить эту лавину. Затем следует традиционный обед с участием родственников и приглашенных. В обычаях у простых людей во время этой церемонии обходить приглашенных с подносом, на который каждый кладет столько денежных купюр, сколько он может себе позволить. Конечно, заключению брачного союза предшествуют переговоры семей, в ходе которых семья жениха вносит свой вклад—«калым»—за невесту, обычно превышающий вклад со стороны родителей невесты, ибо, хотя и в обновленной форме, действует старинная традиция выкупа невесты женихом.

Среди мусульман действует еще закон Корана, разрешающий мужчине иметь сразу четырех жен, если он в состоянии их прокормить и соответствующим образом обеспечить. Но сейчас это скорее теория, чем действительность, по крайней мере в такой стране, как Ливан. Скорее наоборот, чаще можно услышать шуточный разговор, что, дескать, дай бог в нынешних условиях прокормить и ублажить одну жену.

Ливанскому арабу, достаточно привыкшему к современному образу жизни, ничто не мешает появиться вместе с женой или со знакомой женщиной на людях. Никогда не встретишь здесь и женщину, которая прячет под накидкой свое лицо. Хотя в некоторых других арабских странах, где особенно сильно влияние религии, появление мужчины с женщиной в общественном месте строго осуждается, а женщина все еще закрывает свое лицо и носит на плечах абайю—длинную черную накидку.

Таковыми предстают сегодня основные черты уклада жизни ливанцев.

Ранним утром по пятницам улицы ливанских городов и сел оглашаются звуками заунывных молитв муэдзинов, голос которых, многократно усиленный репродукторами, подвешенными к верхушкам минаретов, пробуждает правоверных от сна. По воскресеньям слышится мелодичный перезвон колоколов христианских церквей и соборов, созывающих верующих к заутрене. Днем по улицам течет пестрая толпа людей, одетых в европейские одежды, восточные галабеи (длинные до пят рубашки) и абайи (черные накидки). Нередко в толпе мелькают и фигуры священнослужителей в чалмах, клобуках, шапочках различного цвета и формы. Своеобразна и одежда священнослужителей, определенные элементы которой выделяют принадлежность к той или иной ветви мусульманской или христианской религии. Например, для последователей шиитской секты ислама характерны черная чалма и черные длинные одежды. Головным убором для последователей секты суннитов служит невысокий белый колпак, напоминающий берет, или тарбуш — красная войлочная шапочка с широкой белой полосой, у друзов — еще одной секты последователей ислама — белая цилиндрическая шапочка. Многие из рядовых правоверных носят тарбуши, повязанные разного цвета лентами, и каждый цвет свидетельствует о той или иной степени проявленного им религиозного усердия. Так, по зеленой полоске на шапочке можно легко отличить человека, совершившего паломничество в Мекку. Носящий ее получает звание «хаджи» от арабского «хадж», что означает «паломничество».

Одна из главных особенностей Ливана, отличающая его от других арабских стран, где господствующей религией является ислам, — его религиозное многообразие. Достаточно сказать, что здесь насчитывается восемнадцать религиозных общин. На Ближнем Востоке в свое время зародились христианство, иудаизм и ислам. Сирийские монахи-христиане, так называемые марониты, обосновались в этих местах в IV—V веках нашей эры. Это ответвление христианской религии получило свое название по имени монаха Марона, основавшего один из первых христианских монастырей на севере страны. Доктрина маронитов отвергалась как ересь, именно поэтому они вынуждены были искать убежища в горах Ливана. Позже, в XV веке, марониты стали сотрудничать с римской католической церковью, но сохранили свой собственный восточный ритуал

службы и литургию. Любопытно наличие у последователей этого ответвления христианства смешанных монастырей, где находились монахи и монашки. Такие монастыри лишь сравнительно недавно перестали существовать.

В первые века нашей эры тут устанавливается византийское господство, в период которого христианство, в том числе его маронитская ветвь, признается официально. Постепенно из религии оппозиционных классов, из религии «бедных, страждущих, рабов и отверженных» христианство превращается в религию, в церковной организации которой господствуют богачи. В VII веке создается маронитская патриархия. Со временем маронитские патриархи распространяют свое влияние на единоверцев в Сирии, Ираке и Египте.

Когда в VII веке началась мощная волна арабского расселения, то она захватила и Ливан, что привело к широкому распространению здесь мусульманства. В период средневековья папство и европейские монархи мечтали о создании подвластных христианских владений на Востоке, опираясь при этом на местные христианские общины. Это посеяло впоследствии те глубокие противоречия, которые вылились в столкновения между мусульманами и христианами, имевшими место в новой и новейшей истории.

Что собой представляют христианская и мусульманская общины в Ливане в настоящее время?

Христианские общины страны можно разделить на две главные группы: восточные католические церкви, связанные с Римом, и православные церкви византийского и греческого происхождения. Марониты вместе с грекокатоликами составляют более 90 процентов всех ливанских католиков. За ними следуют грекоправославные. На четвертом месте — православные армяне и армянокатолики. Помимо этого здесь есть и небольшие христианские меньшинства — протестанты, сирокатолики, халдеи, яковиты. В момент провозглашения независимости государства считалось, что христианское население составляло 55,1 процента, а мусульманское — 44,9 процента. Тогда это предопределило и соответствующее государственное устройство в Ливане, обеспечившее христианам, прежде всего маронитам, многие руководящие посты в руководстве страной, и в частности закрепившее за ними пост президента. Другие общины были также представлены в руководящих органах, но соответственно в меньших пропорциях. Это распределение было закреплено в 1943 году устной договоренностью тогдашних ливанских руководителей и получило

название Национального пакта. Согласно Национальному пакту, пост президента закреплялся за христианином-маронитом, пост премьер-министра — за мусульманином-суннитом, пост председателя палаты представителей парламента — за мусульманином-шиитом.

В ливанский парламент депутаты избираются также пропорционально численности той или иной общины. До настоящего времени парламент формировался в соотношении 6:5, то есть на каждые пять депутатов от мусульманской общины приходилось шесть от христианской. Гражданская война 1975—1976 годов не изменила, но поколебала этот установившийся со времен получения независимости порядок. Бывший президент Сулейман Франжье уже в разгар войны был вынужден предложить уравнивать представительство христиан и мусульман в парламенте. Но до практической реализации этого предложения дело пока не дошло.

По мере становления и развития ливанского государства пропорциональное соотношение населения постепенно менялось в пользу мусульманской общины. Однако это не находило никакого отражения в официальной статистике, которая продолжала основываться на цифрах переписи 30-х годов. Вполне понятно, что это использовалось христианской верхушкой для сохранения своих привилегий в управлении страной и приводило к ущемлению прав мусульманской общины. Сейчас считают, что состав населения по религиозному принципу определяется процентным соотношением: примерно шестьдесят — мусульмане, сорок — христиане.

Что касается мусульманской общины, то она представлена в Ливане тремя главными направлениями ислама, уже кратко упоминавшимися в начале главы. Это прежде всего сунниты. Само слово «суннит» происходит от арабского «сунна», что означает «образ действия, поведение». В исламе «сунна» — священное предание, совокупность рассказов о пророке Мухаммеде и его изречениях. Это «правоверное» направление ислама. Еще в средних веках сунниты утвердились в руководстве арабских государств. Эта традиция сохраняется и поныне. И Ливан в этом отношении не является исключением. Другой влиятельной мусульманской общиной являются шииты (от арабского слова «шиа» — партия). Их религиозный глава имам — потомок халифа Али и дочери Мухаммеда Фатимы. В шиизме популярен культ «святых мучеников», особенно имама Хусейна, в честь которого устраивается особый ритуальный обряд с самоистязанием — шахсей-вахсей. Однако и сунниты и шииты верят в

единого бога, их единая священная книга—Коран. Третье крупное ответвление ислама—друзы. Они появились в Ливане в начале XI века под влиянием проповеди миссионера Дарази и названы по его имени. Наряду с элементами, заимствованными из ислама, вера друзов включает и несовместимые с исламской теологией понятия, например о перевоплощении духа после смерти, что сходно с индуизмом.

В стране есть также мусульманские религиозные меньшинства—алавиты и исмаилиты.

Такова конфессиональная, строящаяся на базе различных религиозных общин основа ливанского общества. А как это отражается на его политической структуре? Самым непосредственным образом.

Среди основных политических партий страны Партия ливанских фаланг (Катаиб) и Национал-либеральная партия представляют интересы части христианской общины. В целом их можно охарактеризовать как правые. Их называют обычно правохристианами, а руководителей этих партий—изоляционистами, поскольку в своей политической деятельности они руководствуются интересами в основном христианского населения. При этом, игнорируя арабский характер ливанского государства, изоляционисты предпочитают связывать свою политику и интересы со странами Запада, пытаются обособиться в некое сообщество людей, говорящих на арабском языке, но тяготеющих к Западу. Иными словами, проповедают идеологию обособленности ливанских христиан. Особой воинственностью отличаются последователи маронитской церкви. Они утверждают, будто марониты—это наследники первых христиан, укоренившихся на земле Ливана, исходя из чего они с большой амбицией притязают на сохранение в своих руках светской и духовной власти, на первородство среди других ливанцев.

Этому лагерю внутренней реакции противостоят прогрессивные и патриотические партии и организации. В их числе Прогрессивная социалистическая партия, Ливанская коммунистическая партия, отделение Партии арабского социалистического возрождения, Арабский социалистический союз, Независимое насеристское движение, Союз сил трудового народа. С ними активно сотрудничает и Палестинское движение сопротивления, политические и военные руководящие органы которого находятся в настоящее время главным образом в ливанской столице. Все эти организации имеют свой консультативный орган в лице Центрального совета

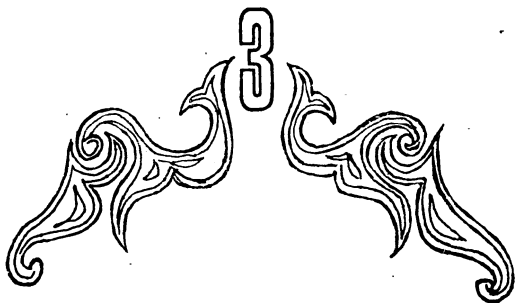
национально-патриотических сил. В отличие от руководства христианских партий, фактически проводящего курс на раскол страны, патриотические силы опираются в своей деятельности на широкие слои как мусульманской, так и христианской общин, добиваются сохранения единства ливанского государства, широких социальных преобразований в интересах всего народа. Конечно, традиционно мусульманская община, чувствующая себя ущемленной в политических и экономических правах, выступала на стороне прогрессивных сил и пользовалась их поддержкой. Поэтому в политической литературе и печати часто отмечается связь между мусульманской общиной и деятельностью национально-патриотических сил в Ливане, оказываемая ими друг другу поддержка. Это естественно, поскольку национально-патриотические силы выступают всегда на стороне угнетенных слоев населения страны. Однако это отнюдь не мешает и даже, наоборот, способствует широкому представительству в этих организациях выходцев из разных общин. В этом смысле Ливанская коммунистическая партия является наиболее разнообразной по своему общинному составу. Так, в ее составе более 50 процентов представителей шиитской общины, около 20—суннитской и около 30—христианской. Таким образом, компартия как бы своим составом опровергает досужие домыслы буржуазных теоретиков о некоей общинной несовместимости, доказывает, что передовые идеи служат делу объединения страны.

Характерно также, что в условиях Ливана, разделенного до последнего времени фактически на три части (фалангистский анклав на северо-западе страны, территория, находящаяся под властью центрального правительства, и сепаратистский «Свободный Ливан» на юге), около 60 процентов христианского населения страны находится вне рамок территориального контроля правохристианских партий, проживает в районах смешанного мусульманско-христианского населения и пользуется там всеми правами. Это лишний раз доказывает, что национальное согласие—единственный выход из ливанского кризиса.

В Ливане имеются и другие политические круги, которые в отличие от лагеря реакции ищут приемлемый компромисс в урегулировании сложного конфликта, возникшего в стране, и играют немалую роль в ее политической жизни. К ним в последние годы можно было отнести высокопоставленные слои ливанской суннитской общины в двух крупнейших городах страны—

Бейруте и Триполи, традиционно выставлявших своих кандидатов на посты премьер-министров.

Такой была до последнего времени картина расстановки политических сил на ливанской арене, опирающихся на различные религиозные общины, где политика часто переплетается с религиозно-общинными факторами или вытекает из них.

На север в Библос— древнюю колыбель цивилизации

Наша машина мчится по асфальтированной дороге в северную часть Ливана. Справа высятся склоны гор, кое-где покрытые рощицами средиземноморской сосны с длинной хвоей.

Хотя мы уже довольно далеко отъехали от Бейрута, вдоль шоссе тянется бесконечная вереница домов, как бы продолжающая город. Такую картину можно наблюдать не только к северу от столицы. Внешне Бейрут уже давно слился с близрасположенными от него селениями и городками, а население его, в довоенные годы достигавшее около семисот тысяч, с пригородами так называемого Большого Бейрута сейчас насчитывает уже 1,2 млн. человек. Все встречающиеся строения—это одно-, двух- и трехэтажные каменные дома, напоминающие виллы. Постройки красиво и тщательно отделаны светлым песчаником. Попадают католические церкви и соборы, гнездящиеся на возвышенных местах. Неподалеку от города и порта Джуния на вершине горы возвышается огромная 16-метровая, несколько неуклюжая статуя Христа, распростершего свои длани над окружающей местностью. По вечерам статуя подсвечивается, и ее можно видеть издали, за много километров. Местечко Харисса знаменито в Ливане собором богородицы—Нотр дам дю Либан. Район, примыкающий к Джунии, издавна населен христианами.

Западные державы использовали сложившееся профессиональное деление для натравливания христиан против мусульман в целях поддержки правой части христиан в ущерб истинным национальным интересам Ливана. После гражданской войны 1975—1976 годов в

Джунии и местечке Зук-Микаэль были сосредоточены различные учреждения правохристиан, предназначенные для сепаратного управления анклавом на случай раскола Ливана. Джуния на протяжении всей гражданской войны, да и теперь, была и остается центром анклава. Фактически власть нынешнего ливанского правительства не распространяется на этот район.

По чистеньким улицам городка снуют немало военных автомашин. В порт, в нарушение общегосударственных правил, прибывают иностранные суда, беспошлинно доставляющие товары. Эти товары выплескиваются на прилавки многочисленных магазинов и лавок, создавая обманчивую иллюзию достатка и процветания. На деле же это «процветание» — источник неслыханных прибылей для торговцев-спекулянтов, тесно связанных с военными правохристианскими кругами. Нередко сюда заходят под завесой темноты или под фальшивым флагом израильские суда, доставляющие оружие и боеприпасы.

Залив Джуния с его гаванью Аква-Марина сияет голубизной воды. Разноцветные паруса яхт выглядят очень эффектно на фоне синего моря. Но яхты и морские клубы предназначены лишь для очень богатых людей.

Если неподалеку от Джунии свернуть в гору, то вскоре можно доехать до хорошо известных в Ливане пещер Джейта со сталактитами и сталагмитами. Они как бы этажами расположены по склону горы. К верхней из пещер можно подняться по подвесной канатной дороге. Вот мы уже наверху и входим в огромный лабиринт сложных переходов, чередующихся с просторными подземными залами, высота которых порой достигает 25—30 метров. Это поистине природный музей причудливых изваяний! Интересна нижняя пещера с подземной рекой, по которой гид может провезти вас на лодке. Сейчас разведано шестьсот метров речного пути, но полагают, что длина реки более двух километров.

Вскоре за Джунией пересекаем устье еще одной реки, называемой рекой Адониса. Она вытекает из источника Афка, расположенного высоко в горах и бьющего из пещеры, расположенной в совершенно отвесном склоне скалы. На вершине утеса остатки римского храма. Предание связывает этот источник с легендой о Венере и Адонисе, а храм на горе — с могилой Адониса. Молодой бог Адонис, несмотря на предупреждения возлюбленной, отправляется на охоту и становится жертвой разъяренного дикого кабана.

Венера оплакивает его и скорбит о нем, пока ей наконец не удастся вызволить любимого из подземного царства мертвых. Особенность источника, из которого берет свое начало река Адонис, в том, что каждый раз после сильных февральских дождей река вымывает из него красную почву. Исходя из этого факта легенда утверждает, будто бы воды окрашиваются кровью Адониса. Легенда дала повод и к рождению красочного ритуала — праздника плодородия. Согласно поверью, смерть Адониса как бы символизирует жертвоприношение во имя появления нового урожая.

Через реку Адонис переброшен ажурный каменный мостик — один из редких памятников ранней арабской архитектуры, может быть, даже VII века. Стройные симметричные линии, полукруг пролета. Проезжая часть между двумя каменными парапетами очень узка, по ней едва может пройти лошадь или навьюченный мул.

И вот наконец на берегу моря, на невысоких отрогах гор, показываются развалины древнего Библоса (ныне город Джубейль). Самое древнее его финикийско-сирийское название, как установили ученые, — Губла. Новый город примыкает к старому, но расположен чуть в сторону от берега моря. Прежде всего бросается в глаза большая квадратная каменная башня, напоминающая башни средневековых замков в Европе. Я делюсь этим наблюдением со своим спутником. Он согласно кивает головой. Действительно, так оно и есть. Это остатки замка, построенного крестоносцами во времена их знаменитых походов на Иерусалим (в 1103 г.). И все же замок выглядит низкорослым по сравнению со своими европейскими собратьями. Ахмед рассказывает, что, к тому времени как крестоносцы появились на земле Ливана, горы его были уже безлесными и пришельцы вынуждены были не только стены замка, но и его крышу возводить из камней. Это и сказалось на высоте здания. По соседству развалины средневековых стен. Входим внутрь этого мрачного сооружения. Из окна верхнего этажа открывается вид древнего города с возвышающимися на холмах колоннами эллинских храмов. Вдалеке виднеется небольшая бухта.

От времен крестоносцев осталась еще хорошо сохранившаяся церковь святого Иоанна-баптиста с элементами ранней готической архитектуры XII века. Войдя внутрь, под суровые каменные своды, беседуем с настоятелем, который жалуется, что число христианских верующих в городе очень невелико. Большинство

населения сейчас составляют мусульмане.

Однако главная примечательность Библоса не остатки строений крестоносцев, а древнее поселение, следы которого уходят за три тысячи лет до нашей эры. От него остались только основания стен. Они следуют друг за другом, выступая из земли, как ряды надолб. Всего можно насчитать семь рядов стен. Это, конечно, не означает, что город одновременно защищали все эти семь рядов. Очевидно, когда одна из первых стен ветшала, жители городища с ее внешней стороны насыпали землю, укрепляя ее камнями, и фактически возводили новую стену. Стены эти служили защитой города, в центре которого находился акрополь. Предполагают, что строительство стен велось на протяжении 1500 лет, так что каждая стена существовала около двухсот лет.

Мой спутник напоминает мне, что Библос вслед за Иерихоном считается одним из древнейших городов мира, городом, не прекращавшим своего существования на всем протяжении его истории. С ними может сравниться разве что столица Сирии, хотя фактически Дамаск возник позже.

Первоначальный акрополь находится около сооружения, называемого «царским колодцем». Этот колодец имел подъемное устройство для воды. Во время раскопок, проводившихся здесь в 30-х годах, было обнаружено, что в колодец ведет ступенчатая лестница, относящаяся к X веку до нашей эры. Она упирается в естественный резервуар, образованный в скалистой породе. Не вызывает сомнений, что это был водный резервуар, из которого снабжался весь город. Позже в разные концы от него были проложены трубы водопровода.

Неподалеку на фоне зеленых деревьев виднеются отдельные сохранившиеся колонны эллинских храмов. Тут же царское кладбище 2-го тысячелетия до нашей эры. Отсюда открывается волшебный вид на лазурное море и небольшую древнюю гавань. Из этого залива начинали свой путь финикийские мореплаватели, сюда приходили, преодолев негостеприимное море, первые египетские галеры, увозившие отсюда в безлесный Египет огромные плоты с кедровой древесиной.

Ранние изображения финикийских кораблей на стенах египетских храмов напоминают суда, плававшие по Нилу. Финикийцы усовершенствовали их. Так появился новый вид судна с широким корпусом и высоким фальшбортом, надежно защищавшим команду от морской волны. Это были парусные суда длиной 30—40

метров, шириной 8—9 метров. Площадь их парусов достигала 300 кв. метров. Строились они из ливанского кедра, который в те времена еще густо покрывал склоны гор и служил одним из основных видов ливанского экспорта. Финикийцы владычествовали на Средиземном море в XII—VI веках до нашей эры. Повсюду они основали на его берегах свои колонии поселенцев, такие, как знаменитый Карфаген на северном побережье Африки, Гадес (современный Кадис), Малагу на Пиренейском полуострове и другие.

Финикийские мореплаватели в поисках новых рынков для торговли не ограничивались средиземноморским бассейном. Для них мир не кончался Геркулесовыми столпами (нынешним Гибралтаром). Уже в 1200 году до нашей эры некоторые из них миновали Гибралтарский пролив и вышли в Атлантику. На севере они добрались до Оловянных островов (нынешней Англии), а на юге открыли Мадейру и Канарские острова.

По просьбе египетского фараона Нехо, стремившегося разведать пути расширения своих владений, финикийцы вышли на своих судах из Красного моря в Индийский океан и взяли курс на юг. Это было первое в истории путешествие вдоль Восточной Африки. Оно началось в 596 году до нашей эры и длилось два с лишним года.

Библос был лишь одним из финикийских портов. Другие порты-города Финикии—Тир и Сидон были не менее знаменитыми по части морских путешествий, географических открытий и торговли. Но это несколько не умаляет роли Библоса как одного из родоначальников финикийского судоходства. Напоминает ли сейчас об этом скромная гавань с прозрачной водой, хорошо защищенная и имеющая узкий выход в море? Беспощадное время стерло с лица земли пристани и причалы, но кое-где еще белеют остатки стоявших здесь египетских и греческих колонн. Современные ливанцы почтили это место по-своему, открыв на берегу гавани множество ресторанов и ресторанчиков для привлечения туристов.

Вершину одного из холмов, склоны которого спускаются к морю, украшает небольшой, но очень уютный римский амфитеатр с отлично сохранившимися рядами сидений и сценой, с которой выступали старейшины города или актеры. Все это хотя бы частично воссоздает картину древнего Библоса, мысленно переносит в глубь столетий. И приходится только удивляться, как много экспонатов сохранила история для нас в этом

месте, хотя бы и с помощью колоссального труда археологов!

Однако вернемся снова к подножию эллинского храма, белые колонны которого проглядывают сквозь зелень деревьев. У самого подножия вскрыты каменные могилы-колодцы, в которые опускались тела царей. К настоящему времени обнаружено 150 таких могил. Это царское кладбище, относящееся к тому периоду, когда Библос находился под покровительством Египта и переживал времена относительного расцвета, пользуясь некоторой автономией и занимаясь выгодной торговлей.

Что же представляют собой эти царские усыпальницы? Глубокие, метров на шесть каменные колодцы, вырубленные в твердой скале. Внутри их помещались тяжелые каменные саркофаги, один из которых сейчас установлен на краю колодца. К сожалению, грабители успели побывать здесь намного раньше, чем до них добралась рука археолога. Мой спутник рассказал мне об одном курьезном случае, который произошел при раскопках. Ученый обнаружил в саркофаге побуревший свиток бумаги. Обрадованный, он подумал, что нашел древний папирус. Когда же попытался его обработать и прочитать, то оказалось, что это всего-навсего обрывок греческой газеты 1885 года.

И тем не менее в захоронениях были найдены многие ценные предметы, в частности гончарные изделия, которые теперь можно увидеть в Бейрутском музее. Пожалуй, самой знаменитой является гробница царя Ахирама. В ней найдены алебастровые египетские вазы и микенские сосуды, изделия из слоновой кости и даже серебряный сосуд, очень напоминающий современный чайник, служивший, видимо, для вина и использовавшийся в ритуальных обрядах. Но славу саркофагу Ахирама принесли не обнаруженные в нем предметы, а надпись на очень древнем алфавите, предке всех современных алфавитов. Сама по себе надпись довольно проста по содержанию. В ней говорится, что царь Библоса Итобааль сделал этот саркофаг для своего отца, царя Ахирама, и предупреждает, что будет наказан тот, кто попытается нарушить это место вечного успокоения. Надпись эту, состоящую из трех строчек, сравнительно легко удалось расшифровать из-за схожести письма с буквами последующих алфавитов. И эти три строки переносят нас непосредственно в мир трехтысячелетней истории.

Сейчас мы рассматриваем алфавит как нечто само собой данное, почти не задумываясь о длительной

предыстории его рождения. В алфавите Ахирама было двадцать две буквы. Он произошел от той или иной формы неалфавитного письма, употреблявшейся, возможно, за две тысячи лет до Ахирама. Но он был первым дошедшим до нас алфавитом, давшим начало всем последующим алфавитам современности, и в этом его важнейшая историческая ценность.

К изобретению письменности, удобной в повседневном пользовании, вместо иероглифов египтян, финикийцев подталкивали интересы торговли, так как купцам нужны были записи и документы о торговых сделках. Появление новой письменности происходило в процессе переделки и сокращения египетского иероглифического письма и клинописи. Таким образом, письменность, возникшая на основе вполне земных, материальных потребностей, способствовала в дальнейшем быстрому распространению культуры, знаний, развитию литературы, обучению. В принципе алфавитная письменность дошла до нас без особых изменений с тех давних времен. Претерпев после этого период бурной эволюции, в конце концов оформилась в такие основные алфавитные письменности, как латинская, арабская и греческая кириллица. Вот о чем напомнила нам найденная в Библосе гробница царя Ахирама.

Но этим не исчерпывается культурное наследие Библоса. Бродя по раскопкам, мы увидели еще один древний памятник—так называемый Обелисковый храм. От него сохранилось пять разного размера обелисков, выстроившихся в ряд на каменных постаментах. Их высота не превышает трех метров. Один из них, стоящий в центре, имеет коническую форму, другие, стоящие по бокам, четырехгранны. В храме этом, несомненно относящемся ко временам поклонения языческим богам, совершались или фаллические обряды, или жертвоприношения богам. Все здесь противоречит классическим формам эллинской и римской архитектуры, но есть в этих обелисках какое-то непередаваемое обаяние далеких времен. При раскопках найдены были разные вещи, сейчас хранящиеся в Бейрутском музее: кинжал, сосуд с золотом, полный набор инструментов храмового ювелира, ритуальные статуэтки животных, покрытые яркой эмалью. Какой бы древней ни была эта постройка, раскопки показали, что под ней хранятся остатки еще более старой, уничтоженной пожаром...

Здесь на побережье процветал культ финикийской богини любви и плодородия Астарты. Богиня Астарта—покровительница Библоса. (Для вавилонян ее ана-

логией была богиня Иштар, для греков — Афродита, для римлян — Венера.) Когда-то здесь стоял храм, посвященный Астарте.

Ну а что же собой представляет современный город Джумейль? Несколько заасфальтированных и мощеных улочек, ряды одно- и двухэтажных домиков, на центральной площади — кофейни и магазинчики. В одном из боковых переулков — небольшой музей восковых фигур, отражающий в какой-то мере события, связанные с борьбой Ливана за независимость. В нем представлена, в частности, группа фигур, изображающих деятелей ливанского правительства, арестованных в 1943 году французской администрацией и препровожденных в крепость Рашею, и восковая фигура генерала де Голля. Гражданская война прошла здесь хотя и не стороной, но пощадила и старый Библос, что особенно отрядно, и новый.

Следующий этап нашего путешествия по северной части Ливана — посещение приморского города Триполи и заповедной кедровой рощи, расположенной высоко в горах. Все побережье северной части страны каменисто, тут не встретишь уже песчаных пляжей, как к югу от Бейрута. Преобладают скалистые отроги гор, а берег моря усеян крупными обкатанными валунами. Местами обнажения горных пород пластами выходят на берег, и тут пейзаж иной. Вдоль моря тянутся ряды небольших ветряных мельниц. Они устроены на своеобразных морских террасах, куда в неглубокие водоемы набирается морская вода, и их назначение — накачивать эту воду, из которой затем выпаривают соль. Здесь район производства соли.

Второй по величине город страны, Триполи по сравнению с Бейрутом невелик (его население около 200 тысяч человек). Он сочетает черты европейского города с восточным. Современные кварталы застроены довольно высокими, в модернистском стиле, домами, правда, высота домов значительно уступает бейрутским. Несколько широких улиц перерезает город, по ним движется плотный поток автомашин. Большинство жителей носит европейскую одежду, хотя население города в основном состоит из мусульман. Зато в окрестных горных районах преобладают христиане. Восточный облик городу придают то тут, то там возвышающиеся башни минаретов, шумные и тесные восточные базары. Здесь много кустарных мастерских и магазинчиков, где производят и продают различные изделия из меди и бронзы: огромные медные блюда с затейливой чеканкой и арабской вязью цитат из Кора-

на, всевозможные кофейники—от самых миниатюрных, на одну чашечку кофе, до больших, поблескивающих медью, размером чуть ли не с чайник. Тут же бесконечное множество декоративного оружия—сабель, кривых ятаганов, шлемов и щитов. Радуют глаз медные, покрытые узорами чаши, всевозможные сосуды из финикийского стекла «со слезой». Все эти промыслы процветают здесь с давних времен.

В Триполи во многом еще сохраняются древние традиции. Мне вспоминается, что почти все случаи кровной мести, которые, бывало, случались в Ливане, происходили в Триполи или в других населенных пунктах севера страны. Такими случаями не раз пользовались различные реакционные политические силы, стремясь обеспечить себе те или иные выгоды от обострения обстановки. Это имело место и во время недавней гражданской войны.

В Триполи сохранились строения средневековья, напоминающие о периоде, когда здесь хозяйничали крестоносцы. На скалистом возвышении стоит крепость Раймона Сен-Жиля, графа Тулузского, одного из предводителей крестоносцев. После того как в XIII веке египетские мамлюки отбили город у крестоносцев, арабы стали строить свой город у подножия крепости. Отсюда хорошо видна арабская старая часть города с рекой, протекающей по самой его середине, узкой полоской воды между двумя рядами жилых зданий, базарами и мечетями, старинной турецкой баней. Ряды стен, руины которых все еще можно обнаружить у аль-Мина, уходили прямо в море, чтобы оградить город с наиболее доступной врагам стороны. Однако это не помешало туркам захватить его в 1516 году. В архитектуре многих старых зданий города чувствуется итальянское влияние. Одно из примечательных сооружений такого рода—возвышающаяся в центре города четырехугольная Львиная башня, напоминающая чем-то башни на площади Сан-Марко в Венеции.

Город, существовавший еще с финикийских времен, не сохранил, однако, финикийского названия. Позже его называли по-гречески—Триполи, потому что он был разделен на три части, в которых порознь жили финикийские уроженцы Сайды и Тира и арабы, причем каждая часть города была окружена стеной. В VI веке вместе с Бейрутом он был сильно разрушен землетрясением, но восстановлен, вновь окружен высокими стенами и выдержал немало осад. На город нападали правители Омейядской династии из соседней Сирии и аббасидские халифы, побывал он под византийским

господством и господством каирских султанов. В средние века здесь процветала торговля, и многочисленные караваны с шелками, верблюжьей шерстью и стеклом разбредались отсюда по многим странам Востока.

Сейчас Триполи — промышленный город. Его крупнейшее предприятие — нефтеперерабатывающий завод, построенный на берегу Средиземного моря. В свое время завод принадлежал на концессионных началах международной нефтяной монополии «Ирак петролеум компани», проложившей сюда нефтепровод из Ирака, для того чтобы отгружать необработанную нефть прямо на суда в порту Триполи. После того как Ирак в 1973 году объявил о национализации компании, ливанское правительство ликвидировало концессию и передало управление заводом в руки комитета по управлению ливанскими нефтяными предприятиями. В настоящее время завод покрывает более 60 процентов потребностей страны в нефтепродуктах. Остальная часть поступает с нефтеперерабатывающего завода в Захрани на побережье Южного Ливана (который принадлежит американско-саудовской компании АРАМКО). В городе есть цементные заводы, текстильные фабрики, сахарные и консервные заводы. В морской порт Триполи заходят многие иностранные суда, но по объему операций он ни в какое сравнение не идет с бейрутским. Известен Триполи и как рыболовный центр.

С моим знакомым ливанцем я однажды поехал на окраину Триполи, где среди оливковых рощ на берегу реки Кадиш расположилась небольшая мусульманская община «танцующих дервишей». Шейх общины, седобородый, небольшого роста мужчина в высокой фетровой шапочке, напоминающей цилиндр, и с повязанной вокруг нее зеленой шелковой лентой, свидетельствующей о том, что он совершал паломничество в Мекку, встретил нас у дверей каменного дома. На плечи у него была наброшена длинная, до пят, накидка — абайя. Он провел нас через несколько помещений в квадратный зал для танцев. Одной стороной он выходил на балкон, с которого открывался вид на долину. Мы заняли места среди других гостей по левую сторону от шейха, музыканты с флейтами и барабанами — по правую. Вскоре в зал вошла дюжина дервишей и уселась, скрестив ноги, на ковре. На голове у них были зеленые фетровые шапочки в виде фески, на плечах — коричневые абайи с рукавами и без поясов, сделанные из верблюжьей шерсти.

Музыканты заиграли, собравшиеся посетители произнесли молитвы в тон музыке. Танцоры встали и

начали потихоньку кружиться, делая ритуальные повороты. С каждым продвижением вперед они делали торжественную паузу, затем снова делали поворот и наклон каждый раз, когда миновали один из углов зала. Громче заиграли флейты и барабаны, и минут через двадцать дервиши сняли свои тяжелые абайи и оказались в длинных, до пола, белых одеждах, с утяжеленными подолами. Когда дервиши начали быстро кружиться, подола эти напоминали собой непрерывно вертящийся конус. Повороты начинались с левой ноги, потом к ним прибавлялись два-три шажка правой до полного поворота. Руки их были грациозно вытянуты в разные стороны так, что на уровне плеч образовывалась одна прямая линия, иногда они меняли положение рук: одну вытягивали по диагонали, а другую — в противоположном направлении, но снова так, чтобы получалась одна прямая линия. Подобное кружение продолжалось в течение часа или более. Некоторые танцоры время от времени останавливались, чтобы передохнуть несколько минут, затем продолжали снова. Несмотря на некоторое однообразие танца, он не вызывал скуки, а скорее, наоборот, подчинял себе своей грациозностью, пробуждал возвышенное настроение. Об этом можно было судить по лицам танцующих и собравшихся в зале. На них застыло молитвенное выражение. Очевидно, одной из целей танца и было создание в душе собравшихся и танцующих какой-то трансцендентности, отрешения. На этом танец закончился, и нам оставалось только поблагодарить хозяев за устроенное представление.

Нам рассказали потом, что иногда такие танцы продолжаются по несколько часов, до тех пор пока танцующие не падают от усталости на пол. Тогда шейх укрывает их абайями и оставляет лежать, пока они не придут в себя.

Покидая Триполи, мы захватили с собой несколько коробочек «паклавы» — особого рода печенья, которое делается из слоеного теста с медом или патокой, которым славится этот город. И каждый побывавший в нем не уезжает без «паклавы».

Чтобы завершить наше знакомство с северной частью Ливана, мы направились в горы на высоту более двух тысяч метров, где растут уникальные кедры, на протяжении многих веков кормившие Ливан и ставшие его непреходящим символом.

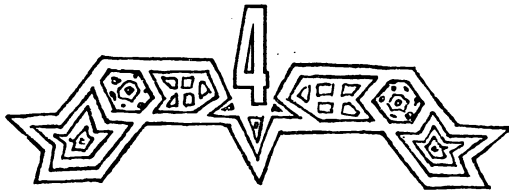
В Ливане сохранилось всего два уголка, где эти уникальные деревья находятся под охраной государства. Один из этих заповедников, «Кедры», находится к

северу от Триполи. Реликтовые деревья— всего их тут несколько десятков— имеют раскидистую пирамидальную форму. Отсюда и поэтический образ— «стройна, как кедр ливанский». Кедр— символ Ливана, и его изображение помещено на красно-белом ливанском флаге. Кедры особенно хороши зимой, когда на их могучих ветвях искрятся под солнцем серебряные вороха снега. Недаром это местечко, напоминающее горную альпийскую деревню, используется в спокойные времена как лыжный курорт. В уютном шале можно прекрасно отдохнуть, а на вершину горы Саннин, откуда открывается величественная панорама, вас легко поднимет канатная дорога. Еще одна кедровая роща сохранилась в Баруке, также высоко в горах Ливана, но южнее. Некоторые историки даже утверждают, что именно кедры Барука, а не триполитанские использовались для постройки известного в древности храма Соломона в Иерусалиме.

Мне как-то привелось увидеть ливанский кедр и у нас— в Никитском ботаническом саду в Крыму. Великолепный экземпляр, который, правда, по возрасту намного уступает ливанским, растет там уже около ста лет.

У себя на родине кедры покрывали в старину почти все склоны гор. Кедровая древесина считалась очень ценной и широко экспортировалась во все страны древнего мира. Вырубка кедров началась более пяти тысяч лет назад. В 1954 году археологи обнаружили в песчанике одной из египетских пирамид (2250 г. до н. э.) погребальный ковчег фараона длиной около двадцати метров, сделанный из ливанского кедра. При вскрытии гробницы Тутанхома (в 1922 г.) также были обнаружены необычайно богато украшенные кедровые саркофаги.

Много веков назад через долины Месопотамии, за тысячи километров от мест, где они были срублены, кедры попадали в столицу Персии— Персеполис, где их использовали для постройки дворца ахеменидских царей. Раньше кедр был символом богатства финикийцев.

На восток — в долину Бекаа и к мраморным колоннам Баальбека

Имя Ливану дали белоснежные вершины его гор. Жива легенда, рассказывающая о том, как в глубокой древности арабы-кочевники в поисках кормов для скота пришли на эту благодатную землю с Аравийского полуострова. Никогда не видевшие снега, они воскликнули, взглянув на горы в пенистых, молочно-белых шапках: «Смотрите, лябэн, лябэн», что по-арабски означает «молоко». Примерно так же звучит по-арабски и нынешнее название Ливана — «Лубнан».

В отличие от других арабских стран, известных своими огромными пустынями, Ливан — страна горная и даже высокогорная. По территории ее с северо-востока на юго-запад параллельно друг другу тянутся горные хребты Ливана и Антиливана. Между ними расположена довольно широкая долина Бекаа, сельскохозяйственная житница страны. Своей западной частью страна обращена к Средиземному морю. Посредине береговой линии горы несколько отступают вглубь, образуя довольно широкую приморскую полосу, где расположен Бейрут — столица Ливана. На севере граница государства проходит по реке Эль-Кебир, на востоке — по гребню Антиливана, на юге — по Галилейскому нагорью. На севере и востоке она сопределельна с Сирией, на юге граничит с Израилем.

Самые высокие горные вершины — гора Саннин на севере и гора Хермон (Джебель аш-Шейх) на востоке, обе высотой около трех тысяч метров над уровнем моря. Снег на них сохраняется вплоть до начала лета. Особенно величественна вершина Саннин, которую хорошо видно из Бейрута. Ее снежная шапка в сочетании с золотистыми песчаными пляжами придает городу неповторимый колорит. Нередко в зимние и весенние месяцы любители катания на лыжах и плавания могут в один и тот же день совместить оба эти удовольствия. Из Бейрута в горы можно попасть менее чем за час, а

спустившись, искупаться в море, температура которого зимой редко бывает ниже 16—17 градусов.

Ливан относится к той части территории Ближнего Востока, которая очень метко названа «благодатным полумесяцем». Под этим термином понимается плодородная полоса земли, проходящая вдоль побережья Палестины, Ливана и Сирии, затем уходящая через Ирак к горам Малой Азии и в конце концов упирающаяся в Персидский залив. Источники воды обеспечивают орошение земли. «Благодатный полумесяц» надежно защищен горами от знойных ветров пустынь.

Благодатен климат Ливана. Дождливый сезон продолжается здесь с середины ноября по конец марта. Остальная часть года сухая. Последний дождь, правда, бывает в мае. По народной примете он должен выпасть 14 мая. Так чаще всего и бывает. Потом до ноября — ни дождинки. Достаточное количество осадков на западных склонах ливанских гор, спускающихся к берегу Средиземного моря, прекрасные климатические условия способствуют произрастанию там самых разнообразных фруктовых деревьев, сельскохозяйственных злаков и овощей. Весной цветущие фруктовые деревья распространяют вокруг необыкновенное благоухание. Видимо, этот нежный одурманивающий запах и породил вошедшее в поговорку выражение «аромат Ливана». Аромат цветущих апельсиновых деревьев одурманивает и на юге и на севере страны. Повсюду вы встретите и мандариновые деревца, и банановые рощи.

Еще раннее утро. Все спят. Но вот под окнами раздается громкий скрип деревянных тележек торговцев фруктами и зеленщиков. Их резкие голоса разрезают уличную тишину.

«Манго-о, манго-о, калимантин, калимантин, портекаль, портекаль!» — кричат они на разные голоса, рекламируя кто манго, которое не растет в Ливане, но доставляется из других стран, кто мандарины, кто апельсины, которые называются у арабов «портекаль» (что значит «португальский»). Пока хозяин большой тележки расхваливает свой товар, находящийся при нем мальчик на побегушках, часто его сын, с большим подносом, на котором красочно разложены отборные фрукты, обегает подъезды соседних домов. А некоторые потенциальные покупатели посматривают на тележку с балкона и вступают в переговоры с разносчиком относительно цены. Надо отдать должное уменью торговцев показать свой товар лицом. Поднос с фруктами или зеленью, предлагаемыми на выбор покупателю, будто создан для натюрморта. Не хватает только

серебряных ножей и хрустальных бокалов, которые мы привыкли видеть на таких картинах.

Весна — сезон созревания апельсинов и мандаринов. Но в марте уже начинает появляться и красная, как кровь, крупная клубника. Правда, она несколько водяниста и не так ароматна по сравнению с нашими отечественными сортами. Но зато уже в марте можно ею полакомиться. Клубника лежит ягода к ягоде, уложенная в красивые пирамидки. За ней утвердилось французское название «фрэз», и это слово также включается в утреннюю переключку уличных торговцев. «Фрэз, фрэз», — звонко кричат они. Попозже появляется черешня, и желтая, и красная, одинаково аппетитная, разложенная в аккуратные деревянные ящички по два-три килограмма, а иногда и по полкило. Потом на улицах появляются целые штабеля продолговатых, как снаряды, бледно-зеленых бесполовых египетских арбузов. Затем наступает сезон «аки-дыни». Эти небольшие желто-оранжевые плоды размером с абрикос обладают удивительно приятным кисло-сладким вкусом. С середины лета начинают появляться на прилавках ароматные ливанские яблоки, крупные и сладкие, они не исчезают с прилавков весь год. Ну а к концу лета — разные сорта винограда и опять арбузы, на этот раз уже ливанские, круглые и полосатые, похожие на наши, только опять водянистые и менее сладкие.

Ливан всегда служил поставщиком фруктов и овощей для соседних, да и не только соседних, стран. В Сирию и Иорданию, Ирак и Кувейт шли через горы и пустыню караваны с ливанскими фруктами. А кто бывал в этих странах, лишенных из-за иссушающей жары возможности выращивать достаточно собственных фруктов, знает, как приятно увидеть на прилавке свежее яблоко, гроздь винограда или оранжевую россыпь апельсинов. Война если и не могла лишить фруктов сам Ливан, то основательно подорвала его экспортные возможности.

Повсюду — в горах или на побережье — вы увидите оливковые деревья. Первые упоминания об оливковых деревьях встречаются еще в финикийских записях XV века до нашей эры. Оливковое дерево долго живет, требует мало ухода и приносит много плодов. Эти плоды вы встретите на столе у каждого ливанца. Мякоть их идет на приготовление масла, которое используется широко как домашней кухней, так и в качестве горючего для ламп. Здесь издавна уделяли внимание выращиванию оливок. Об этом говорят беско-

нечные террасы, разбросанные на склонах ливанских гор, отвоеванные у них многовековым, неустанным и мирным трудом земледельца. Для журналистского репортажа так и просится заголовок «Ветер в оливковых рощах», а в голове мелькает образ «оливковой ветви мира». К сожалению, часто эти заголовки приходилось менять на такие тревожные, как «Горят оливковые рощи»: рощам почему-то больше всего доставалось от обстрелов израильской артиллерии. Сегодня оливковые рощи опустели, а их прежние хозяева, согнанные войной, покинули насиженные места. В лавке сейчас чаще встретишь украшенную медалями банку греческого оливкового масла, чем ливанского, которое, наверное, ничем ему не уступает.

Удручающее впечатление вызывают и запущенные сады апельсиновых и лимонных деревьев, которые растут главным образом в Южном Ливане. На дороге часто увидишь крестьян, предлагающих собранные ими фрукты и овощи. Но стоит отъехать немного в сторону, как непременно встретишь апельсиновый сад, усыпанный перезрелыми плодами. Они густо покрывают землю. Часто их некому собрать, отвезти на рынок, и они остаются догнивать там, где упали. Грустно видеть такой итог многолетнего человеческого труда.

В Бейруте когда-то существовал большой базар. Это скорее была съезжая площадь, куда крестьянин или оптовый перекупщик стремился попасть, чтобы первый поскорее продал, а второй купил и перепродал. Здесь скопилось множество тележек, грузовичков. Каждый кричит, предлагает, спорит, жестикулирует. Однако в этой хаотичной на первый взгляд суете базара все по-деловому подчинено жесткому механизму рыночных цен. Крестьянин рад, что может продать свой товар, минуя перекупщика, оптовый покупатель рад тому, что покупает намного дешевле. Тут не увидишь ни чинно восседающих в восточных халатах купцов, ни гор разложенных дынь и арбузов. Такие восточные базары давно ушли в прошлое.

Сейчас вокруг — пепелища, остовы сгоревших лавок — все разбито и опустошено. И тем не менее крестьяне привычно тянутся на это бойкое место. Нужно успеть продать товар за несколько коротких часов, когда на площади сохраняется относительное спокойствие. С наступлением сумерек здесь по-прежнему раздаются выстрелы.

Из центра Бейрута на северо-восток идет Дамасское шоссе. Разрезая город как бы пополам, оно устремляется вверх в ливанские горы. Широкое и многорядное в

черте города, шоссе постепенно сужается, переходя местами в крутой горный серпантин. Кажется, что идущие по нему автомобили цепляются шинами за полотно дороги, чтобы не сорваться вниз под крутой откос. Кое-где обрывистые склоны гор поросли кустарником и низкорослыми деревьями, среди которых преобладает средиземноморская сосна. А вдали, сливаясь с небом, виднеется море, то покрытое сизой дымкой, то сверкающее огромным голубым зеркалом. Дамасское шоссе, соединяющее столицы двух соседних государств, с давних пор основная жизненная артерия страны. Когда-то здесь проходил караванный путь. В 60-х годах прошлого века на его месте было проложено горное шоссе. Сообщение между двумя столичными городами осуществлялось с помощью конных экипажей. Путь этот занимал тогда четырнадцать часов. Сейчас же по современному шоссе на него уходит немногим более двух, учитывая при этом затраты некоторого времени на таможенные и прочие формальности, связанные с переездом через границу. Иногда зимой перевалы засыпает снегом, и тогда на придорожном щите появляется надпись: «Перевал закрыт». И тут же сообщается глубина снежного покрова—50—60 сантиметров...

Минуя живописные курортные городки, разбросанные по всему пути,—Алей, Бхамдун, Софар, машина все выше поднимается в горы. На высоте восьмисот—тысячи метров над уровнем моря воздух так свеж и прохладен, что, кажется, способен утолить жажду. И как бы омывшись им, забываешь душные, насыщенные бензиновыми парами улицы летнего Бейрута и покоряешься покою и молчанию вечных гор. Недаром все бейрутцы, более или менее располагающие средствами, стремятся летом укрыться в горах. У некоторых здесь свои или снятые на несколько месяцев дачные домики, скорее виллы—так нарядно они выглядят. И все каменные, что очень естественно для этой страны гор. Конечно, жить здесь—удел богатых горожан. Те, кто имеет достаток поскромнее, в лучшем случае могут позволить себе снять комнатку. До недавнего времени, то есть до гражданской войны, сюда любили ездить на отдых и для развлечения саудовские и кувейтские шейхи, наживающие баснословные барыши на нефти. Они покупали тут земельные участки и строили на них свои белокаменные виллы, дворцы и зеленоглавые мечети. Скованные строгими правилами ислама у себя дома, нефтяные короли могли позволить себе здесь усладить душу и плоть. После недавней гражданской

войны здесь осталось немало разрушенных домов и других следов ожесточенных боев. Теперь шоссе охраняется сирийскими войсками, входящими в состав межарабских сил по поддержанию безопасности, которые вступили сюда в конце 1976 года.

Оставив позади бесконечные городки и поселки, машина устремляется в глубь гор. Слева промелькнули развалины старинного караван-сарая, где раньше отдыхали уставшие от длинной дороги путники и мулы. Сейчас запустением веет от этих когда-то гостеприимных стен, сохранивших, правда, былое очарование своеобразной архитектуры.

Вот и перевал Дахр аль-Байдар. Пройдя через военный контрольно-пропускной пункт, установленный здесь в начале гражданской войны, начинаем спускаться вниз. Весной склоны гор покрываются сочной зеленой травой, расцвеченной ярко-красными шапочками полевых маков. Летом почти все выгорает под нещадным солнцем, и склоны сереют. Где-то внизу ползет поезд узкоколейной железной дороги, связывающей Бейрут и Дамаск. Посередине колеи идет третий зубчатый рельс. Только так паровозик и вагончики могут продвигаться вверх. Вскоре дорога уходит в туннель, проделанный в склоне горы, куда скрывается проходящий всего один раз в день поезд. Железная дорога уже давно считается невыгодной с коммерческой точки зрения, и всю основную работу по перевозке грузов осуществляет автотранспорт.

Неожиданно за крутым поворотом створки гор широко и вольно распахиваются, и нам открывается сверху очаровательная панорама долины Бекаа. По обе ее стороны высятся ряды гор Ливана и Антиливана. Изумрудная долина — гигантская скатерть-самобранка Ливана, разостланная среди гор. Плодородность ее объясняется тем, что окрестные горы дают начало двум важнейшим рекам страны — Оронту и Литани. Все, что произрастает здесь, — пшеница, картофель, свекла, лук, помидоры — кормит всю страну, а некоторые продукты экспортируются.

Штора, первый город в долине после перевала, расположен на перекрестке двух дорог. Это одно из любимых ливанцами мест, которое они посещают по нескольку раз в году. Сюда приезжают и жители соседней Сирии, до границы с которой всего несколько километров. Раньше молодожены из многих арабских стран любили проводить здесь свой медовый месяц. Дело в том, что Штора — преддверие долины Бекаа, город-ярмарка, куда стекаются все продукты, произво-

димые в долине и выставляемые здесь на продажу. Неподалеку от города расположены знаменитые монастырские молочные и винные хозяйства. Пожалуй, нигде в Ливане вы не купите столь свежих и вкусных молочных продуктов: молока, сметаны, различных сыров. В монастырских хозяйствах работают сами монахи, из века в век сохраняя популярность своих заведений. Славится Штора и винными погребками. Почти ни один путник не преминет остановиться здесь, чтобы запастись несколькими бутылками недорогого и вкусного вина. В винный погреб, который украшен вывеской какого-нибудь аббатства, например «Святой Михаил», или пышным названием вроде «Королевская пещера», ведут каменные ступени. Спускаемся в небольшой зал, увешанный плакатами с марками вин, а также грамотами и почетными дипломами, выданными владельцу погребка. Вдоль низкой каменной стены выстроились двухсотлитровые бочки с красным и белым виноградным вином. У бочечных кранов стоят рядками пустые четырехлитровые бутылки. Прежде чем наполнить вам бутылку, хозяин любезно предлагает испробовать стаканчик белого, а затем красного вина. И только после этого посетитель останавливает свой выбор на том или ином сорте, а иногда и сразу на нескольких.

В деревнях Бекаа много и птицеферм. Проезжающего всегда снабдят парными курами и свежайшими яйцами «прямо из-под курицы».

Дамасское шоссе здесь делает поворот на Сирию, а другая дорога, пересекая вдоль всю долину, ведет в древний Баальбек, где сохранились живописные развалины древнеримских храмов. Мы избираем именно это направление. Путь идет среди возделанных полей, на которых даже в полуденный зной можно увидеть работающих крестьян. Сельское хозяйство Ливана, несмотря на благоприятные природные возможности, давно уже переживает сильный кризис. Доля его в общем доходе страны не превышает 27 процентов. С конца прошлого и особенно с начала этого века идет сильный отток рабочей силы из сельских местностей: люди либо уходят в город, либо эмигрируют.

Здесь, в Бекаа, можно близко познакомиться с жизнью ливанской деревни. В последние десятилетия она очень модернизировалась и мало отвечает представлениям о типично восточной деревне. Поселки расположены главным образом вдоль шоссе, чтобы удобнее было вывозить то, что производится на полях. О какой-то особой архитектуре равнинных деревень в Бекаа говорить не приходится. На протяжении двадца-

ти — тридцати километров, которые мы проезжаем по долине, то и дело мелькают однообразные домики из бетонированных плит с плоскими крышами.

Заходим в трехкомнатный домик. Стены чисто побелены. Большая комната метров шестнадцати напоминает гостиную. Здесь вдоль стен стоят диваны и стулья. На одной из стен — домотканый ковер. Это комната для встречи всей семьи, для гостей. В двух других комнатах поменьше живут взрослые и дети. Современная ливанская семья невелика: четыре-пять человек. В качестве постелей служат низкие диваны вроде тахты. Кухня помещается в отдельной пристройке. Пища готовится на газовой плитке, которую питает баллон. Кстати сказать, как в деревне, так и в больших городах подавляющее число ливанцев пользуется газом из баллонов, которые продаются в любой лавке.

В мусульманской деревне можно увидеть небольшую белую мечеть, в христианской — церквушку с колокольной на двух столбах с перекладиной для колокола и прикрывающим их навесом.

Время от времени встречаются довольно большие складские помещения, куда крестьяне на кооперативных началах свозят собранный урожай. Хозяйство ведется по фермерскому типу. На полях можно увидеть небольшие тракторы, вспахивающие каменистую почву. Камни, мешающие обработке земли, выносятся с поля и тут же складываются кучками у дороги.

Вдоль всего пути крестьяне выкладывают на продажу продукты своего производства. Мешки с отборным картофелем, великолепный репчатый лук — целые связки его, как гирлянды, украшают дома и лавки, стоящие у обочины дороги, лотки с виноградом и яблоками. Жители Бейрута, в котором живет половина населения страны, часто заезжают сюда в воскресные дни, когда поездку в Баальбек можно совместить с выгодной покупкой овощей и фруктов.

Вскоре дорога приводит нас в Захле, самый большой город восточной части Ливана. Его окрестности славятся виноделием. На склонах гор, обращенных к долине Бекаа, бесконечные ряды виноградников. Климат здесь чрезвычайно благоприятен для произрастания винограда, из которого делают прекрасные легкие вина «Ксара» и «Розе». И как дань благодарности щедрой природе на центральной торговой площади города красуется бронзовый памятник богу вина — Бахусу. Один из главных храмов Баальбека, к которому мы направляемся, также носит имя Бахуса. Видно, издавна тут славится виноградное вино.

Сам Захле населен по большей части христианами, приверженцами греко-католической церкви, но в окружающих его деревнях живут преимущественно мусульмане, встречаются и православные. Один любопытный случай свел меня с представителем православной церкви. Как-то в Бейруте в разгар рабочего дня странный посетитель открыл дверь моего кабинета. Это был высокий старик в черной рясе, с седой бородой, который на хорошем русском языке представился мне как «отец Александрос». Оказалось, что он священник из района Захле, где под его опекой находится небольшая ассирийская община — выходцев из южных районов России, бежавших во время наступления турецких войск в первой мировой войне. Сам отец Александрос тоже ассириец, получивший в России церковный сан. Он хорошо помнил старую Москву, в которой ему приходилось бывать. В конце встречи он пригласил меня в Захле попить чайку из тульского самовара. Но заглянуть мне к нему не удалось, так как вскоре началась гражданская война, которая надолго отрезала этот уголок страны от остальных ее районов.

Проносимся еще два десятка километров по дороге, и впереди в обманчивой близости появляются белоснежные вершины Саннин. На фоне их среди ровной как стол равнины начинают постепенно вырисовываться шесть золотистых колонн баальбекского храма Юпитера. С каждой новой сотней метров они становятся все внушительнее, монументальнее. По мере приближения к ним начинают появляться контуры и других живописных развалин: храмов, портиков, стен. Но пока мы въезжаем в небольшой город, застроенный одно- и двухэтажными мало чем выделяющимися домами. Это современный Баальбек, который полукольцом как бы окружает Баальбек старинный. Чтобы пробраться к древнему храмовому городу, нужно сначала в лабиринте небольших улочек найти ту, которая приводит к входу в баальбекские храмы. И вот вы наконец оказываетесь на небольшой площади. Слева от вас открывается вид на огромную овальную чашу, в центре которой возвышаются остатки храма Венеры. Его центральная часть окружена перистилем карнизов и колонн. Легкость форм и совершенство вырезанных в камне украшений невольно наводят на сравнение с некоторыми сооружениями времен Ренессанса. Этот храм разрушен значительно сильнее других, вокруг целые ряды развалин. Храм Венеры более скромных размеров, чем два других баальбекских храма — Юпитера и Бахуса, и расположен от них метрах в двухстах.

По другую сторону площади высятся стены храма Юпитера, у подножия которых собираются посетители, намеревающиеся начать отсюда осмотр баальбекских руин. Тут же суетятся мелкие торговцы из числа местных жителей, предлагающие различные «исторические» сувениры, чаще всего подделки под старинные монеты и каменные печатки. Другие торгуют предметами арабской национальной одежды. Желаящийся может сфотографироваться за весьма умеренную плату около верблюда, на котором восседает одетый в красочные бедуинские одежды араб. Здесь можно застать и путеводителями и договориться с гидом, предлагающим свои услуги посетителям.

Вдоль стены храма Юпитера, сложенной из больших каменных брусков, направляемся к его главному входу. Наружный вход — пропилен с широкой входной лестницей. Высокие ступени, вырезанные из белого песчаника, ведут вверх к портику из двенадцати внушительных дорических колонн. Отсюда открывается величественная перспектива всей храмовой площадки. С первого взгляда поражают его огромные размеры. С востока на запад он вытянулся на 250 метров, а с севера на юг его ширина достигает 150 метров. И сейчас, хотя большая часть стен храма и окружавших его 54 гранитных 20-метровых колонн разрушена, можно зрительно составить себе представление о масштабах колоссального сооружения.

Кто же и когда строил эти храмы? Храм Юпитера, по общему признанию историков, — самый крупный из древних храмов мира. Сколько времени ушло на их сооружение, кто их разрушил — время или люди? Все эти вопросы встают перед тем, кто их посетил или слышал о них. В последние годы писатели-фантасты, поражаясь размерами храмов и уложенных в них камней, выдвигали даже предположения о возможной связи их с инопланетными пришельцами. Но здесь стоит вспомнить историю.

...Римляне захватили древнюю Финикию, на земле которой находится нынешний Ливан, в 64 году нашей эры. Легионы римского полководца Помпея заняли эту страну и провозгласили римской колонией. Вскоре, примерно в 70 году нашей эры, они начали сооружение здесь трех храмов. Строили, конечно, не они сами, а десятки тысяч рабов, и строительство это тянулось на протяжении почти трехсот лет, до 313 года, когда император Константин, принявший христианство, приказал его прекратить. А то, что именно Баальбек был избран в качестве места для сооружения храмов,

объясняется тем, что с древних пор сюда стекались люди для поклонения языческим богам со всех концов тогдашней Римской империи.

Для этого были свои основания и в более глубокой древности. Быть может, уместно напомнить о некоторых страницах древней ливанской истории и тех людях, которые населяли этот район.

На заре первой писаной истории, которая началась за три тысячи лет до рождения Христова, на побережье нынешнего Ливана жил древнейший народ, говоривший на семитском языке. Люди эти называли себя ханаанеями. Ханаан—это самое первое из известных названий той земли, которая объединяла нынешние Ливан, Сирию и Палестину. Современные лингвистические исследования указывают на тесную связь между ханаанеями, аморитами, ассириовавилонцами, евреями и арабами. Вероятно, их прародина где-то на Аравийском полуострове. Название «финикийцы», появившееся позднее и происшедшее от греческого слова «феникс» (пурпур), стало относиться к тем ханаанеям, которые жили на побережье Средиземного моря, добывали пурпур и торговали алыми тканями с греками. В этих местах зарождались первые виды монотеистической религии, в которой тогдашние люди искали спасения от светопреставления. Именно ханаанеи построили тут храм, посвященный языческому богу солнца Баалю (следы его в виде каменных оснований можно видеть и сейчас среди раскопок под храмом Юпитера). Отсюда и первое название этого места—Баальбек. Некоторые переводят его название как «бог Бекаа», другие, следуя утвердившемуся за ним впоследствии греческому названию Гелиополис, как «город Солнца». Вот что пишет крупный ученый, специалист по истории Ливана Ф. Хитти.

«Еще задолго до селевкидов здесь был сооружен храм, посвященный ханаанейскому божеству Баалю. У арамейцев Бааль ассоциировался с их богом молнии и грома Хаддадом. Благодеяния Хаддада выражались в дождях и плодородии, его гнев приносил наводнения, пагубные для урожаев и скота. Образ божества, благоприятствующего сельскому хозяйству, совместился потом с образом солнечного божества, также приносящего благо. В поздний период эллинизма Хаддад сравнивался с главным римским божеством и получил эпитет Юпитера Гелиополитанского. Его культ распространился далеко за пределы Ливана и Сирии. Золотое изображение головы солнечного божества было помещено в величественном храме. С оракулом этого храма совето-

вались римские императоры, прежде чем отправиться в тот или иной поход».

Однако вернемся к входу в храм Юпитера. Перед нашим взором открывается огромная площадка, окруженная остатками стен с нишами и портиками, в которых стояли многочисленные статуи римских богов и богинь. На первом плане виден шестиугольный двор, куда собирались паломники для совершения религиозных обрядовых танцев, перед тем как им войти в центральный двор или двор жертвоприношений, чтобы возложить свои дары на алтари. Почему же двор имеет шестиугольную форму? В строениях внутри храма цифра «6» возникает в различных сочетаниях, то дробясь надвое, то удваиваясь: двенадцать колонн, три входа, шесть колонн. Видимо, цифра «6» была священной у древних. Впоследствии эта цифра перекочевала и в Библию, где бог создает мир за шесть дней. Но окончательно символика этой цифры до сих пор не разгадана.

За шестиугольным двором виднеется центральный двор с остатками двух алтарей. В длину он простирается на 130, а в ширину — на 113 метров. С южной и северной сторон расположены два прямоугольных бассейна, которые использовались священнослужителями для омовения перед совершением обрядов, а также для промывки мяса животных — баранов, свиней и коз, — которое возлагалось на жертвенные алтари для сожжения. Сохранились две гранитные колонны: одна розового цвета — с южной стороны, которую называют «джакин», что означает «дружба», а другая черного цвета — с северной стороны, которую называют «боаз», что означает «сила, мощь». К западу от центрального двора, или, как его еще называли, двора жертвоприношений, расположены три пролета ступеней лестницы, ведущей в святая святых храма Юпитера — самую возвышенную часть храма, которую окружали упомянутые 54 колонны. После землетрясения 552 года все три баальбекских храма были разрушены и никогда более не восстанавливались. Из 54 колонн осталось только шесть, которые высятся там и поныне. Ширина ступеней лестницы, ведущей к ним, пятьдесят метров. И вот наконец, минуя многочисленные развалины, вы приближаетесь к этим шести розовым исполинам, высота каждого из которых двадцать метров, а диаметр в основании около трех метров. Эти золотисто-розовые колонны установлены на постаменте самого здания храма, достигающего в высоту примерно десять метров. Каждая колонна состояла из трех частей. Когда их

ставили друг на друга, то строители соединяли каждую часть свинцом. В разбросанных вокруг храма обломках других таких колонн явственно видны отверстия, куда заливался горячий свинец.

Кстати, еще о самих колоннах. Когда подъезжаешь к ним издалека, они, словно исполины, возвышаются над окружающими полями, хотя построены на той же равнине. Это ощущение достигается за счет упоминавшегося уже мной высокого постамента здания длиной около трехсот метров. Очевидно, его делали для того, чтобы возвысить храмы над окружающей местностью, дабы они производили большее психологическое воздействие. Колонны венчают в свою очередь капители и фризы высотой до пяти метров. На фризах — изображения голов львов и быков, растений. Некоторые фризы, свалившиеся с колонн во время землетрясения, сейчас сложены у подножия храма Юпитера, и их можно хорошо рассмотреть вблизи. Многие туристы фотографируются у пасти мраморного льва, украшающего фриз. Сами по себе колонны отражают стиль римской архитектуры, но пышные их украшения, да и грандиозный размер самих колонн, говорят о том, что классические формы римской архитектуры соприкоснулись здесь с элементами восточной архитектуры, для которой характерны и большая помпезность, и украшательство. Судьба многих из этих колонн, розовый камень для которых в свое время привозили из Египта, связана не только с Баальбеком. В последующие века после разрушения храма часть этих колонн была вывезена в другие страны, где их использовали для сооружения иных святынь, например знаменитой Айя-Софии в Константинополе.

Сейчас, когда ходишь среди баальбекских развалин, то невольно задумываешься, сколько тысяч людей одновременно вмещали эти храмы. В основание той части здания, где стоят сохранившиеся колонны храма Юпитера, были уложены поистине гигантские камни. Длина каждого из таких камней превышает десять метров, а вес более восьмисот тонн. Есть камни и поменьше — по четыреста тонн. Но самый большой камень, предназначенный для строительства, — восемнадцатиметровый брус лежит неподалеку от того места, где он и был вырублен из скалы. Что-то помешало строителям довести свое дело до конца. Это самый крупный в мире камень, что и дало, в частности, современным писателям-фантастам повод искать здесь следы космодрома пришельцев из вселенной. Еще одним поводом для подобных рассуждений послужила

сверкающая белизной каменная площадка шириной семь метров, расположенная вдоль фасада здания храма Юпитера. Она образована девятью огромными блоками, уложенными в три ряда, и, по всей вероятности, должна была стать платформой еще для какого-нибудь храма. Но его так и не успели построить. Если же говорить о качестве строительства этих храмов и способе укладки камней, то тут действительно нельзя не поражаться. Исполинские камни уложены с такой тщательностью, что на стыках их не пройдет и лезвие бритвы.

Еще одно украшение Баальбека — храм, посвященный богу вина, молодости и удовольствий — Бахусу. Он прекрасно (если не считать отсутствия крыши и отдельных повалившихся колонн) сохранился. И вообще это, вероятно, лучший из уцелевших коринфских храмов римской эпохи. Он расположен в каких-нибудь пятидесяти метрах к югу от храма Юпитера, но на более низком уровне. Фасад здания украшает пятьдесят высоких колонн, которые уступают колоннам храма Юпитера, имея у основания около двух метров в диаметре. Они также собраны из трех блоков каждая. Северная и южная стены здания покрыты резьбой от пола до потолка, и каждая из них имеет два ряда ниш, в которых размещались статуи римских богов и богинь. На потолке входа в здание с правой стороны видна статуя Бахуса, который держит в своей правой руке кедровую ветвь. На фронтоне видно изображение римского орла. Внешний фасад входа украшен изображениями атрибутов бога Бахуса — гроздьями винограда, колосьями пшеницы и головками опиума, что означало стремление «есть, пить и веселиться».

Когда более двадцати лет назад по инициативе ливанского правительства в Баальбеке стали устраиваться ежегодные международные фестивали искусств, храмы Баальбека превратились в подмостки для выступлений театральных групп и музыкальных коллективов. В храме Юпитера эти выступления происходили на ступенях лестницы, ведущей от Пантеона в святая святых храма, и на самой площадке его центральной части. А храм Бахуса настолько сохранил свои акустические данные, что его обычно использовали для выступлений квартетов и исполнения сольных музыкальных и вокальных произведений. Всего было проведено семнадцать таких фестивалей, и только война помешала продолжению этой прекрасной традиции. Я дважды бывал на таких праздниках искусств. В храме Юпитера выступал наш симфонический оркестр под

управлением Евг. Светланова, а в храме Бахуса играли известные советские скрипачи. Воспринимать звуки чарующей музыки, сидя на скамьях, установленных в храме Юпитера или в древних ложах храма Бахуса,—редкое и изысканное удовольствие, рождаемое причастностью к далеким векам и к современности одновременно.

Достоин сожаления, конечно, что весь этот прекрасный ансамбль пострадал от времени. Кроме упомянувшегося землетрясения 552 года были землетрясения и в XII и XVIII веках. Именно землетрясения и нанесли наибольший ущерб баальбекским храмам. Но оставили свои следы и люди. Арабы, пришедшие сюда в VII веке, построили здесь крепость, используя при этом в качестве строительного материала остатки римских строений. У храма Бахуса они соорудили мечеть. Сказали свое слово и византийцы, превратившие храм Венеры в церковь Святой Варвары, и христиане в средние века, построившие свою церковь там, где находился алтарь храма Юпитера... К счастью для нынешнего посетителя, большая часть этих построек, за исключением арабской крепости, разобрана, и остатки храмов предстают в своем более или менее первоначальном виде.

Мне привелось в годы моих корреспондентских странствий побывать во многих странах Востока и Запада и видеть сохранившиеся там руины. Например, я видел такие грандиозные ансамбли древности, как храмы Ангкор-Вата в Кампучии и египетские пирамиды. В Европе посещал афинский Акрополь и римские развалины. Но баальбекские храмы, на мой взгляд, производят более величественное впечатление. В этой связи мне вспоминаются стихи Ивана Бунина, посетившего Баальбек в начале этого века и посвятившего ему следующие строки:

Шесть золотистых мраморных колонн,
Безбрежная зеленая долина,
Ливан в снегу и неба синий склон.

Я видел Нил и Сфинкса-исполина,
Я видел пирамиды: ты сильнее,
Прекрасней, допотопная руина!

Баальбек можно посещать бесконечное количество раз, и каждый раз, осматривая его храмы, открываешь для себя что-то новое, все дальше проникаешь в глубь веков и познаешь судьбы живших здесь народов.

А пока мы прощаемся с этими прекрасными произведениями древности, чтобы продолжить наш путь

далее на север. Если поехать из Баальбека по одной из боковых дорог, то можно добраться до истоков реки Оронт и городка Хермель, расположенного неподалеку от сирийской границы. Однако, прежде чем поехать туда, мы проводим ночь в современном коттедже наших гостеприимных бейрутских знакомых, расположенном в долине на фоне сверкающих снегом горных вершин. Наши знакомые приезжают сюда на воскресный отдых, чтобы поохотиться в близлежащих горах, где сохранилось еще немного дичи. Наутро нас угостили прекрасно приготовленной форелью, разводимой здесь в специальных водоемах, и типичным для этих мест арабским завтраком — горячими, размером с тарелку, лепешками хлеба, напоминающего по вкусу лаваш, лябнэ (нечто среднее между творогом и сметаной), которое едят здесь подсолненным и политым оливковым маслом, и яичницей.

И снова в путь. Вокруг каменная степь. Хермель — маленький белый городок, расположенный у подножия высоких гор и окруженный зеленью деревьев и кустарников. Что касается его достопримечательностей, то стоит упомянуть об одном любопытном памятнике — Хермельской башне. Привлекает внимание ее необычная архитектура, которую никак нельзя отнести, например, к римской. Это сравнительно невысокая башня с пирамидальной крышей, коническими пилястрами в верхней ее части. На стенах ее центральной части изображения оружия и животных. На одной из панелей — сцена с изображением буйвола, преследуемого волками. Что это за сооружение и кто его построил — неизвестно. Может быть, это башня, построенная в память об охоте какого-нибудь знатного вельможи того времени. Дата постройки — I век нашей эры.

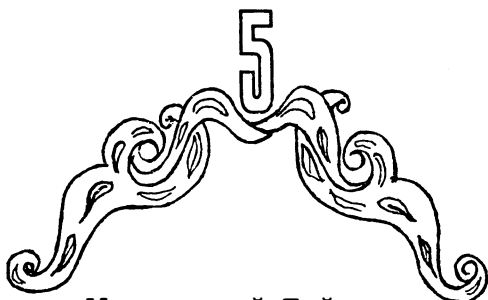
Знаменитый Оронт, чьи берега были свидетелями многих сражений древности, берет свое начало из горной расселины. Голубовато-зеленая вода вытекает из-под скалы, образуя водоем глубиной более двух метров. Через узкий канал она стекает в главное русло.

Неподалеку за изгибом реки, на нависшей над ее берегом скале, виднеются остатки монастыря, вырубленного в камне. Из его главного зала можно увидеть спиральную лестницу, идущую внутрь скалы, где были кельи в несколько этажей. Но сейчас туда подняться невозможно, ибо лестница разрушена. Здесь находился один из первых христианских монастырей, основанный еще в V веке, когда христианская религия подвергалась жестоким гонениям. Некоторые считают, что в этих местах укрывался сирийский монах-монофелит (моно-

фелиты — одна из сект первоначальной христианской религии) Марон, которого впоследствии провозгласили святым и по имени которого названа ныне действующая в Ливане маронитская церковь. Отсюда христиане уходили в высокие горы, чтобы укрыться от преследований.

С названием реки Оронт связано и первое появление слова «араб» в письменных источниках, почти за полторы тысячи лет до того, как совершилось Великое арабское расселение VII века, захватившее и Ливан. В доисламские времена «арабами» называли людей, которые населяли Аравийский полуостров и Сирийскую пустыню. Впервые это слово появляется в ассирийских летописях в 854 году до нашей эры. В них говорится, что араб по имени Гиндибу с тысячей всадников на верблюдах присоединился к войскам дамасского правителя в битве при Каркаре на Оронте против войск ассирийского царя. После появления ислама арабское влияние выходит далеко за рамки Сирии и Аравийского полуострова. Заселяя новые земли, арабы начинают переходить к оседлому образу жизни, селиться в городах. Первоначальные различия между арабскими пришельцами и местными жителями постепенно стирались и исчезали. Вскоре арабы стали преобладающим элементом населения на огромной территории от Северной Африки до Юго-Западной Азии.

Поездки на северо-восток, в долину Бекаа, Баальбек, Хермель и на реку Оронт, приоткрыли передо мной ту великую тайну древности, которую несет в себе ливанская земля, пробудили живой интерес к ее истории, дальнейшему познанию этой удивительной горной страны.

Многоликий Бейрут

Подплываешь ли к столице Ливана с моря, подъезжаешь ли на автомашине, подлетаешь ли на самолете, он всегда предстает огромным белым айсбергом, который образуют словно сбившиеся в кучу высокие здания. Город разместился на выходящем в залив Святого Георгия выступе. Легенда рассказывает, что именно здесь из вод Средиземного моря вышел свирепый дракон и потребовал отдать ему в жертву дочь бейрутского царя. Вот тут-то Святой Георгий, защищая девушку, и поразил его своим копьем.

Высокие горы окружают город полукольцом. Планировка его во многом определяется рельефом. С гор террасами спускаются отвоєванные у них участки земли. Террасы застроены домами различных стилей и эпох. Улочки, словно ручейки, сбегают к морю, местами их пересекают широкие автострады. По существу весь город расположен на склонах гор.

Улицы, спускаясь к морю, упираются в набережную, протянувшуюся на несколько километров и ведущую к морским воротам города—порту. Набережная—средоточие всей жизни Бейрута, самая красивая его часть. Все здесь связано с водой. Да и само-то возникновение города обязано воде в самом широком смысле этого слова. Вода как источник жизни и вода как средство сообщения. Ведь издревле основной профессией ливанцев была морская торговля.

Старое арабское значение слова «бейрут»—«водяной колодец». Действительно, как подтверждают геологические данные, здесь бил когда-то источник, что и дало, видимо, одним из первых обитателей этого уголка основание избрать его, учтя другие преимущества—удобную морскую гавань и благоприятный климат,—местом своего пристанища. Сейчас трудно установить, что это были за люди, к какой народности

они относились — ханаанеи ли, арамейцы... Греки впоследствии нарекли обосновавшуюся здесь народность финикийцами.

Другие считают, что Бейрут происходит от арамейского слова «брута», что означает «вечнозеленое дерево». Для этого также есть свои основания, ибо в старину Бейрут был окружен сосновыми рощами, часть из которых сохранилась и по сей день.

Третьи, и уже с большей достоверностью, считают, что имя городу было дано Гаем Юлием Цезарем в честь его дочери Юлии Августы Беритус, муж которой был правителем города в период его оккупации римлянами. Однако мнения расходятся и на этот счет, поскольку точных указаний на время возникновения древнего поселения нет. Первые данные о существовании его как населенного пункта относятся к XV веку до нашей эры. Об этом свидетельствуют надписи клинописью на цилиндриках, найденных в 1887 году в Асьюте, в Египте. Скорее всего бейрутцы тех дней, как и большинство жителей тогдашнего мира, жили в пещерах. Остатки подобных жилищ найдены в Антельясе, к северу от Бейрута.

Появившись значительно позже в хрониках, название Бейрут исчезает столетие спустя после того, как он был разрушен пожаром в 140 году до нашей эры во время борьбы за трон сирийского царя Антиоха VII. Упоминание о нем появляется вновь лишь после того, как он был занят римлянами во времена походов Помпея. В период римского господства — последние века до нашей эры и первые века нашей эры — Бейрут снова расцвел. Были построены порт и акведуки, которые подводили воду к знаменитым римским баням. В те времена многие римские семьи селились в Бейруте, создавали торговые дома и поддерживали международные коммерческие связи. В городе была открыта юридическая школа, которая соперничала с римской. Историки отмечают, что ее окончил четыре римских императора. В центре Бейрута на площади Звезды можно увидеть любопытные и впечатляющие остатки античных строений, которые, как считают некоторые археологи, могли быть остатками одного из зданий этой школы. На уровне мостовой в глубоком квадратном колодце видны два ряда раскопанных мраморных колонн, высота их — около восьми метров — свидетельствует о том, насколько вырос культурный слой за две тысячи лет.

В той части города, которая сейчас известна под названием Минет аль-Хосн и выходит на берег моря у

Американского университета Бейрута, существовала большая арена. На ней совершались различные представления и устраивались бои гладиаторов.

От периода византийского правления также осталось немного. Но в разных уголках Бейрута, особенно в его прибрежной части, раскопки позволили обнаружить мозаичные полы византийских домиков, каменные жернова оливковых маслобоен. Полы эти с изображениями птиц и животных сохранили свои яркие краски по сей день и не тускнеют под жгучими лучами ливанского солнца. Это своеобразный музей древности под открытым небом, доступный для посетителя в любое время дня и ночи.

Два землетрясения — одно в 502, а другое — в 551 году, — а также хлынувшие за ними на берег приливные волны практически привели к полному разрушению города. Пожар, случившийся еще через несколько лет, довершил его уничтожение.

Минули столетия запустения. В средние века Бейрут вновь становится портом. Ему пришлось испытать на себе и походы крестоносцев, и освобождение великим арабским полководцем Саладином. Во времена турецкого господства Бейруту выпало немало тягот. Свою лепту в них внесли и египетские султаны мамлюки. В период новой истории в город вступали армии великих держав, воевавших с Турцией или оспаривавших права на установление своего господства в регионе.

Иначе выглядело присутствие русского флота в Бейруте в 1773 году. Преследуя цель ослабления Турции и оказания помощи народу тогдашней Сирии в борьбе против турецкого господства, русская эскадра под командованием капитана Кожухова подошла к Бейруту, осадила крепость и принудила ее к сдаче. Сделано это было по просьбе друзей, которые выступали против турок и помощь которым со стороны России в то время оказалась очень существенной и полезной. Выполнив свою миссию, русские оставили крепость, передав ее друзьям. В противоположность этому примерно семьдесят лет спустя — в 1840 году — во время освободительного движения, руководимого ливанским эмиром Баширом II, Бейрут подвергся бомбардировкам англо-турецкого флота. В 1860 году французы послали свой экспедиционный корпус в Ливан и Сирию, также чтобы не дать освободительной борьбе арабов перейти дозволенные ей колонизаторами рамки.

Познакомившись с историей ливанской столицы,

совершим поездку по ее наиболее достопримечательным местам.

Теперь Бейрут живет суетливой, беспокойной жизнью, лишенной внешней беззаботности прежних довоенных дней. Однако перед тем как совершить экскурсию по Бейруту, попробуем перенестись в его прежнюю мирную жизнь, которая рисуется ныне только в воображении.

По улицам, близким к морю и пестрящим французскими названиями (дань увлечения ливанской знати французскими нравами и культурой), фланирует нарядная публика. Изредка в толпе гуляющих мелькнет турецкая феска с кисточкой — напоминание о временах оттоманского господства, когда именно этот головной убор был отличительной принадлежностью чиновника.

В восточной одежде типа расклешенной до пят рубашки и в белоснежной кувее, схваченной черным обручем на голове, в окружении небольшой свиты проплывет какой-нибудь арабский шейх из княжеств Персидского залива или Саудовской Аравии. Молодой бонвиван, небрежно сжимая руль пальцами в перстнях, промчится с одетой по последней парижской моде девушкой в открытом автомобиле. У парапета набережной, за которым высвечиваются прожекторами Голубиный грот — причудливой формы скалы, стоящие в море неподалеку от берега, — вы непременно встретите чернокожего суданца, поджаривающего на железной печурке арахис, или палатку с прохладительными напитками и соками — клубничным, гранатовым, апельсиновым, банановым.

Голубиный грот — две живописные природные скалы, стоящие в лазурной воде. Та из скал, что побольше, напоминает огромную башню замка с воротами. В нижней ее части воды моря промыли сквозное отверстие, через которое вполне могут проплывать небольшие суденышки, катера и лодки. Иногда любители острых ощущений лихо проносятся на морских катерах через эти своеобразные каменные ворота, чтобы показать свое умение и ловкость. С Голубиным гротом связана интересная легенда, которая повествует о назначении этих скал в древности, когда Бейрут наряду с другими городами финикийского побережья был одним из средиземноморских городов-государств. Когда с высоких скал бейрутцы замечали приближение вражеского флота, они старались предупредить о грозящей опасности соседние города-государства, такие, как Сайда, Тир, и другие. Тогда со скал запускали голубей,

которые и должны были предупредить жителей соседних городов побережья. В наши времена о гроте рассказывают печальные романтические истории, связанные с неудачами в любви. Говорят, что несчастные возлюбленные избирают грот для того, чтобы свести свои счеты с жизнью, бросившись с его верхушки в море.

На набережной — обилие ресторанов, ночных клубов, кафе и баров. И как правило, все с названиями, рассчитанными на то, чтобы поразить воображение потенциального посетителя. К услугам посетителей, например, «Ночной суперклуб Революция», ночные клубы «Бешеная лошадь», «Золотая лихорадка», ресторан «Вавилон» и десятки других.

Любители более острых развлечений могут съездить в расположенное в двадцати пяти километрах к северу от Бейрута знаменитое «Казино дю Либан», где процветает игра в рулетку, а за ужином показывают грандиозное евро-восточное шоу с непременным танцем живота. Между столиками по искусственному руслу вдруг потечет вода, по которой зашлепает спицами колес пароходик, по рельсам железной дороги, сменившим речку, пропыхтит паровоз с вагончиками, проведут и индийских слонов с восседающими на них раджами. В финале над головами зрителей вдруг распустятся лотосами огромные золоченые шары, подвешенные к потолку и обильно нафаршированные красотками, которые в качестве десерта могут опуститься прямо на стол или на колени к избранному посетителю — конечно, за дополнительную плату.

А в игорных залах в это время делаются крупные ставки, крупье сгребают кучи монет и бумажных банкнот, бросают в большую медную чашу крутящейся рулетки кубик, равнодушно испытывая выдержку игроков, с напряженными лицами следящих за мгновенными поворотами госпожи фортуны. Другие алчущие удачи разменивают деньги на жетоны, опускают их в специальные игральные автоматы, и иногда, при удачном сочетании рисунков, появляющихся на табло, из отверстия высыпается кучка монет, подчас превосходящая опущенную сумму. Вот тут бы остановиться и уйти. Но на это оказываются способными немногие. Воодушевленные первым обманчивым выигрышем, они начинают один за другим опускать в ненасытную глотку автомата жетоны, нервно дергать за рычаг и в какие-то мгновения проигрывают все свои наличные деньги.

Так жил и щекотал свои нервы ливанский буржуа,

скучающий европеец или заезжий богатеи из сопредельных нефтеносных стран.

С наступлением осенних прохладных дней возвращалась с гор зажиточная публика. Наступал сезон роскошных приемов и банкетов, устраивавшихся в самых фешенебельных отелях: в несколько старомодном «Бристоле», в расцветенной флагами разных стран многоэтажной «Фенисии», где преобладали американские нравы и вкусы, и в сугубо современном «Карлтоне» с его большими залами и просторной, выходящей на море террасой для приемов, французским вкусам отвечали ресторан «Вандом» и гостиница «Норманди». Перед самой войной появился и блистательный «Холидэй инн» — детище американских авиационных компаний, сверкающий стеклом своих 26 этажей. Район этот, расположенный вдоль набережной, стали называть «районом больших отелей». В устройстве роскошных приемов и званых вечеров соперничали между собой банки и крупные компании, иностранные посольства и консульства, местная знать, представляемая такими известными фамилиями, как Сюрсоки и Фараоны. Кстати, лучшей из расположенных здесь считалась гостиница «Сен-Жорж» («Святой Георг»). В роскошных залах «Сен-Жоржа» на приемах «а-ля фуршет» вокруг столов, уставленных яствами, встречались министры, дипломаты и бизнесмены, блистательные красавицы и разбогатевшие на разных спекулятивных аферах нувориши, разведчики и журналисты. За легкой беседой с бокалом виски или игристого вина здесь обменивались самыми последними политическими новостями и узнавали о самых невероятных интригах. Тут можно было услышать, сколько миллионов фунтов тот или иной министр положил себе в карман за выгодный для него, но предназначенный для ливанской армии заказ на поставку французских ракет «Кроталь» или американских винтовок «М-16», какую красавицу предпочел какой-нибудь саудовский принц или наследник знатного рода. Тут все покупалось и продавалось, взвешивалось и оценивалось — только платите. Бейрут приобрел обманчивую славу международного центра, где все было к вашим услугам — и быстрые средства сообщения, телекс например, и многочисленные банки, готовые моментально повернуть сложные денежные операции. Шутка ли сказать, в Бейруте были представительства более чем шестидесяти известных мировых банков. Тут и не имея несметных капиталов, богатели на одном только посредничестве. Кстати сказать, на такого рода бизнесе и создавались ливанские капиталы, набирала

силу ливанская валюта, которая, несмотря на ограниченный круг своего обращения, повсюду охотно конвертировалась на все доступные твердые валюты мира.

Если банковский квартал, что расположен в самом центре, близ площади Риада Сольха, работал в дневные часы, то главная торговая улица Бейрута — Хамра начинала свою «пиковую» активность со второй половины дня и продолжала ее до позднего вечера. Здесь вывески модных французских фирм «Ги ля-рош», «Пьер Кардэн», «Тед Лapidус», «Ив Сен-Лоран» и оффисы крупнейших авиационных и туристических компаний, кафе типа «бистро» с вынесенными на улицу столиками, кинотеатры «Этуаль», «Хамра», «Колизей» и «Эльдорадо». Все это залито светом перемежающихся неоновых реклам. По мостовой движется нескончаемый поток шикарных американских автомашин. Из открытых кабриолетов слышатся оглушающие звуки современной джазовой музыки, ибо каждый старается перещеголять другого своим стереомагнитофоном, установленным в машине. «Пусть все знают, пусть все видят, как я счастлив и богат». А другие привлекают к себе внимание и прокладывают путь, нажимая на клаксоны автомашин, в визге которых узнаешь вечно модную мелодию «кукарачи» или «голубки». По тротуарам идет нарядная толпа. Все здесь по-западному и одновременно как-то по-восточному преувеличено. Если джинсы клеш, так уж клеш на треть больше, чем где-либо; если блуза или рубашка, то обязательно яркого цвета. Длинные волосы юношей и ниспадающие кудри женщин, высокие каблуки мужчин и аромат французских духов, смешанный с запахом пота. Словом, гуляют нувориши, все, кто умеет воспользоваться конъюнктурой и завоевать под солнцем, пусть даже пальцем, свое место.

В былые, довоенные, времена познакомиться с настоящей ливанской кухней можно было в бейрутских ресторанах «Аль-Бахр» («Море») или «Ялдызлар». «Аль-Бахра» уже нет — он оказался в эпицентре военных действий и был разрушен. «Ялдызлару» повезло — он уцелел, сократилось лишь число посетителей да запасы кладовых.

В подлинном смысле национальным кушаньем является ливанская «меzze». «Меzze» — это не первое и не второе блюдо, это закуска, но такой закуски, пожалуй, не встретишь ни в одной другой стране. Она включает тридцать — сорок небольших по объему, но самых разнообразных блюд. Тут и «хоммус» (растертые бобы с оливковым маслом), и «табули» (мелко нарезанная

зелень с просом), и «нутаббль» — что-то вроде свежеприготовленной кабачковой икры, разнообразная мясная гастрономия, маленькие птички, рыба и всякие солёности, называемые «турши», подсолённые фисташки и арахис, фундук и кешью, всевозможные зелёные салаты, лук, редис и множество других блюд, названия которых трудно перевести на русский. И все это подается с особой водкой арака, сделанной из виноградного спирта с добавлением аниса. Крепость арака достигает сорока и более градусов, но пьют эту прозрачную жидкость, смешивая ее с водой, отчего она становится молочного цвета. Вкус у нее немножко сладковатый, непривычный, отдает аптечным запахом и удивительно сочетается с подаваемой закуской. Разновидность арака можно встретить и в других странах. У нас его можно сравнить с анисовой водкой, в Греции — с «узо», в Болгарии — с ракией. «Меззу» едят со свежим арабским хлебом, напоминающим наш кавказский лаваш. Его разрывают руками и используют, чтобы подцепить то или иное лакомое блюдо. Когда расправившись с «меззе», то кажется, что желудок уже не способен ничего более поглотить, однако традиционный обед включает и горячее блюдо. Это, по выбору, мясо — кебаб, шишкебаб (разновидность шашлыка), косталеты — мясо молодого барашка на ребрышках с чесночным соусом — или рыба с пышным названием «султан Ибрагим», зажаренная в масле и хрустящая, как семечки, либо большие креветки. Чтобы все это было легче переварить, подается «айран» — целебный напиток из кислого молока. На десерт — фрукты, с большим вкусом разложенные в плетеной корзине или на блюде. Отдельно — восточные сладости, шербеты. И в довершение всего, конечно, кофе, приготовленный для каждого в отдельном кофейничке размером чуть побольше чашечки, из которой его пьют. Обычно арабы пьют кофе слабо подслащенный или же горький.

Однако сейчас, отвлекшись от дегустации арабских блюд, стоит напомнить, что роскошные рестораны были и остаются уделом немногих. Рядом или неподалеку от богатых кварталов, в каком-нибудь километре или полукилометре, — жалкие хижинки бидонвилей, где ютятся сезонные рабочие, в большом числе приезжавшие на заработки в Ливан из соседних арабских стран, или бедные ливанцы. Тут же и вечно живущие в нищете беженцы палестинских лагерей. На узких грязных улочках, по которым ночью небезопасно пройти, замусоленные харчевни, источающие «ароматы» бараньего сала и горячих блюд из мясных отходов.

Потертые рабочие костюмы и уставшие лица людей, которые при скудном освещении почти не отличишь друг от друга. За неудобными железными столиками рабочий люд не спеша поглощает свой скудный ужин. Вот немудреное меню простых людей: салат, лук, чашка вареных бобов и неизменная лепешка. Редко кто позволит себе мясное блюдо. И эта скромная трапеза повторяется два-три раза в день, иногда к ней добавят лишь стакан молока или чая, какие-нибудь дешевые фрукты по сезону, чаще всего апельсин. Наряду с хлебом, цены на который любое правительство во избежание волнений поддерживает на доступном уровне, овощи и фрукты составляют основу питания бедного люда. Но и на них в последние годы непомерно растут цены.

В праздники люди из простонародья могут позволить себе мясное кушанье — «шаварма». Для поджаривания его используют особой формы газовую или электрическую плиту. Ее обычно устанавливают на углу улицы под небольшим навесом так, чтобы жар не скапливался, а тут же улетучивался во влагу душного вечера. Представьте себе небольшую стойку, середине которой укреплен острый металлический штырь. На него нанизывают тонко нарезанные куски мяса, чаще баранину. Высота этой пирамидки мяса достигает около метра. Полукругом пирамидку охватывает такой же высоты электрическая печка, снабженная множеством спиралей. Мясо потихоньку вертится, поджаривается, источает вкусный, щекочущий ноздри запах, обливается плавящимся жиром и возбуждает у прохожих естественный аппетит. Около пирамидки артистически работает, пощелкивая длинными лезвиями тонких ножей, мясник — виртуоз и мастер своего дела. Вокруг него на прилавочке разложены хлебные лепешки, соленые огурчики и маринованная фиолетового цвета репа. Как только поступает заказ, он с искусством жонглера, ловко оперируя обоими ножами, как ножницами, нарезает небольшую горку из тонких кусочков поджаренного мяса, так же моментально бросает в нее несколько кусочков огурца и репки для придания остроты, заворачивает в лепешку наподобие кулька и, обернув все это бумагой, вручает его вам. Этот горячий и ароматный арабский бутерброд рассчитан на то, что будет немедленно съеден. Сложная операция по его приготовлению занимает не более пятнадцати секунд. Отойдя немного в сторону, можно долго еще любоваться сноровкой и ловкостью рук мастера. Сноровка эта дается долгой практикой.

К разряду праздничных народных кушаний можно отнести и зажариваемого на вертеле цыпленка. Так же на улице устанавливается застекленная с одной стороны газовая печь с просматривающимися в ней тремя-четырьмя рядами вертел и нанизанными на них цыплятами. Вертела потихоньку поворачиваются, цыплята, смазанные каким-то особо приготовленным жиром, быстро подрумяниваются, кожица их становится хрустящей. Вы выбираете цыпленка, хозяин жаровни стаскивает его с вертела, завертывает в разорванную пополам лепешку хлеба, укладывает на бумажную тарелочку, добавляет пакетик с соленьями и баночку чесночного соуса. Все это помещается в бумажный пакет. Вот вам и готовое лакомство для воскресного пикника. Да вот опять-таки не всем оно по карману, тем более что только за время моего пребывания в Ливане цены на жареных бройлерных цыплят поднялись втрое.

А как отдыхают и проводят свое свободное время люди попроще и победнее? Вернемся опять на набережную, которая за неимением парков и бульваров служит почти единственным местом прогулок для всех жителей города. По изгибу набережной, где дорога извивается серпантинном, приспособляясь к холмистому рельефу, машина выносит нас на равнинную часть. По берегу моря идет широкий тротуар. С него легко спуститься к каменистым площадкам пляжей, где можно встретить любителей-рыболовов, готовых простаивать здесь многие часы со своими удочками и спиннингами. У парапета располагаются на складных стульях целые семьи и закусывают. На берегу моря установлено небольшое «чертовое колесо» — самый доступный вид развлечения для бедняков. Тут же разбросаны ларьки и палатки с дешевыми сладостями, лотки с кукурузными зернами — также одно из самых дешевых и в то же время популярных лакомств. Пакетик таких зерен стоит гроши, а какое удовольствие доставляет он детям! А вот и еще популярная сладость — сахарная вата. В лотке у продавца лежат огромные хлопья этой «ваты» разного цвета — красные, белые, голубоватые, напоминающие собой пену сбитого мусса. Эта слегка сладковатая масса состоит из белка и сахара. А вот и любимые всеми полукруглые, в виде серпиков, лепешки с засыпанной в их нутро какой-то острой травкой, козинаки и орешки — подсахаренные, поджаренные, слепленные патокой. Здесь торгуют апельсиновым соком, который тут же выжимают из оранжевых плодов специальным аппаратом. Араб в белом фартучке лов-

ким движением руки захватывает со стоящей перед ним тележки несколько апельсинов и опускает их на специальную дощечку или поднос. Другой рукой, в которой он держит острый нож, разрезает каждый апельсин надвое. Разрезав таким образом три-четыре апельсина, он укладывает половинки их одна за другой в специальную металлическую чашечку соковыжималки, надавливает рукой на пресс-рычаг, и сок льется в подставленный стакан. Наполнив стакан, он ловким движением вставляет в него бумажную соломинку и изящно подает его покупателю.

К услугам любителей кофе тут же на набережной располагается небольшой «пикап» с смонтированным в его заднюю часть кофейным аппаратом «Эспрессо». Некоторые торговцы кофе по-турецки (сладкий) и по-арабски (горький) доводят процесс его приготовления до грани совершенства. Тут же на тротуаре они устанавливают портативную угольную печурку, на которой размещаются блестящие медные кофейнички с длинными ручками, и кофе доводится до необходимой кондиции.

Один из любимых видов отдыха у мужчин — раскуривание кальяна. Это принято делать как в кафе, традиционном месте сбора мужчин, так и на набережной. Что такое кальян? Это особый вид трубки в сочетании с водным сосудом. Его называют еще «наргиле». Собственно слово «наргиле» происходит от оболочки кокосового ореха, из которой раньше делали сосуд. «Наргиле» — это кокос. В большой стеклянный сосуд налита вода, сверху его горлышко закрыто маленькой металлической чашечкой, в которой тлеет табак. От нее внутрь идет, опускаясь в воду, трубка. Другая трубка вставлена в сосуд выше уровня воды. При затяжке дым проходит пузырьками через воду. Сам курительный прибор необычайно красив. Стекло расписано золотыми кругами, шланги трубки отделаны бисером. Считается, что все это в сочетании с самим процессом курения помогает создать настроение, которое теперь часто называют словом «кейф».

Однако продолжим знакомство с набережной. Миновав отель «Ривьера», расположенный на одном из ее изгибов, мы вступаем в район Американского университета Бейрута. Зеленые газоны, лужайки и рожицы деревьев украшают его территорию, отгороженную забором. Впрочем, и сама набережная не лишена растительности. Посредине ее проезжей части идет полосой зеленый газон с растущими на нем королевскими пальмами. Университет основан американцами еще в

прошлом веке. Это привилегированное учебное заведение, в которое могут попасть в основном дети зажиточных ливанцев или приезжих арабов из других стран региона.

В завершающей части этого участка набережной расположилось здание американского посольства. Оно ничем внешне не примечательно, но за его серыми стенами ведется подчас враждебная деятельность против ливанских прогрессивных сил, против национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Сюда нередко приезжают американские высокопоставленные эмиссары, привозя с собой те или иные варианты ближневосточного урегулирования «по-американски», которые оборачиваются новыми бедами для его жителей. В последние годы место расположения посольства было превращено в сильно укрепленный район. Не только у его стен, но и на ближайших подступах к зданию стоят бронемашины и танки ливанской армии. На специально созданных контрольных пунктах проверяются все проезжающие мимо.

Сделав поворот за зданием посольства, машина устремляется по узкой улице, идущей вдоль моря. Здесь набережная прерывается чередой домов, которые выходят прямо на обрывистый берег моря.

Проезжаем еще ряд небольших прибрежных улочек, на которых располагался, да еще и сейчас сохранился ряд небольших увеселительных заведений. В былые времена здесь сияла неоновая реклама, раздавались приглушенные звуки музыки, сквозь открытые двери заведений проглядывали ярко накрашенные девицы, курились облака сигаретного дыма, виднелись столики с бутылками вина. Затем начинался сугубо торговый район Бейрута, где в магазинах и по обеим сторонам улиц продавалось все — от автомашин и магнитофонов до носков и чулок.

Оставив позади переплетение мелких улиц, вы попали в район порта. Магазины сменялись торговыми и страховыми конторами, пароходными агентствами. Набережная тут довольно тесная. По берегу моря тянутся склады и площадки для привозимых в Ливан и транзитных товаров. За ними виднеются мачты небольших суденышек каботажного плавания, которые могут причаливать почти к самому берегу — так невелики они и неглубоки по осадке. Большие суда располагаются сначала на рейде и приближаются к специальным грузовым причалам лишь тогда, когда там освобождается место для разгрузки. В год наибольшего расцвета бейрутского порта — 1972-й — в него заходило 3,5 тыся-

чи судов, доставивших 6 миллионов и вывезших 3,5 миллиона тонн грузов. Порт переживал тогда бум, связанный с закрытием Суэцкого канала, и многие грузы, раньше направлявшиеся через Суэц, шли тогда через Ливан. Обслуживанием порта были заняты тысячи людей. Порт, как отмечала ливанская статистика, кормил 20 тысяч семей. Государство получало большой доход от портовых сборов, таможенных пошлин и налогов с иностранных судов, плававших под ливанским флагом.

Порт — это целый город в городе, он растянулся на несколько километров. Около старых, довольно узких ворот нередко скапливаются большие потоки грузовиков и легковых автомашин. Виднеются потрепанные, желтого цвета административные постройки времен еще французской администрации, ряды длинных современных пакгаузов. У пассажирской набережной стоят белоснежные лайнеры. В былые годы, когда порт работал на полную мощь и его безопасности ничто еще не угрожало, сюда раз в неделю приходили лайнеры нашего черноморского пароходства.

К торговым причалам порта ведут специальные асфальтированные дороги. Здесь в отличие от пассажирского порта погрузка и разгрузка значительно механизированы и людей почти не видно, лишь моряки с судов да механики кранов, занятые своим непосредственным делом. Автомшины развозят товары по складам. Это огромные помещения, сделанные из гофрированного железа. Украшением этой части порта является высокий белый элеватор — самое крупное хранилище зерна в стране. Даже во время самых ожесточенных боев в городе его щадили силы двух противоборствующих сторон. Но участь порта была печальной — такой же, как и большей части торгового центра города. Его склады были сожжены.

Я помню, как горел порт осенью 1975 года. Пожар продолжался в течение двух дней, может быть, больше. Он был настолько интенсивен, что над всем городом стояло огромное черное облако дыма, сквозь которое не было видно даже солнца и ясный день казался пасмурным и мрачным. В воздухе носились частички пепла и оседали черной гарью на домах и машинах. Стоило прикоснуться рукой к крылу автомашины, как ладонь сразу же становилась черной. Ужасающий вид открывался с моря на порт и город. Бушующий огненный вихрь уничтожал одно за другим складские помещения. Ночью высокое пламя освещало панораму сражающегося города. В небе пересекались

линии трассирующих пуль, гулко ухали минометные взрывы, шипящими огненными чушками пронеслись тяжелые ракеты. Все это образовывало какой-то фантастический купол над всем городом. Несмотря на пожар, в порту сновали группы каких-то лиц, которые увозили на грузовиках уцелевшие товары, переправляли их куда-то в горы. А потом эти товары распродавались на обочинах тротуаров и дорог, и кто-то наживал на этом немалые барыши.

Позже, когда основные военные действия в городе закончились, порт пытались восстановить. В этих работах участвовали и сирийские специалисты из межарабских сил по поддержанию мира. В один из таких дней весной 1977 года привелось и мне снова побывать в порту. От большинства портовых сооружений остались в то время только остовы да груды искореженного огнем металла, сама гавань выглядела как кладбище затонувших судов. То тут, то там виднелись торчащие из воды мачты погибших судов. Ни один корабль не мог зайти в порт, так как опасались оставшихся неразорвавшимися на дне залива снарядов и мин, металлических остатков судов. Шли как раз работы по очистке, и отряды аквалангистов «прочесывали» дно моря, то и дело докладывая, что обнаружено столько-то и столько-то снарядов, которые нужно обезвредить. Работа предостояла колоссальная. Она продолжалась не один год. Пассажирские суда перестали заходить в порт. Для того чтобы, скажем, прибыть в Ливан морским путем, нужно было высадиться в порту соседней Сирии. Но без торговли и доставки товаров страна не может жить, а порт — это не только главные морские ворота страны, но и вообще главный источник ее снабжения как продовольствием, так и другими товарами. Поэтому власти уделяли его восстановлению посильное внимание. В начале 1981 года работа порта была восстановлена на одну четверть от ее довоенного уровня. И пройдет еще немало времени, когда он сможет возобновить свою работу в прежних масштабах.

Весь прилегающий к порту район — торговая часть Бейрута — напоминает собой город-призрак. Тут когда-то находились крупнейшие магазины, оптовые базы. В ходе боев не осталось практически ни одного квартала города, почти ни одного дома, который в какой-либо степени не пострадал бы.

Проезжая часть припортовых улиц была расчищена, по ним снова мог двигаться транспорт, кое-где в первых этажах появились небольшие лавчонки и магазинчики,

но это лишь капля в море по сравнению с тем, что было несколько лет назад.

Бейрутский порт по объему совершаемых им операций и количеству занятых в нем рабочих и служащих можно смело назвать экономическим центром города. Другой экономический центр расположен в восточных районах столицы. Там сосредоточены текстильные и другие промышленные предприятия, в том числе машиностроительные (автосборочные). Этот район называют «промышленным поясом» Бейрута.

Вообще в районе Бейрута и его пригородах сосредоточено около 70 процентов всех промышленных предприятий страны. В середине 70-х годов на них было занято 120 тысяч рабочих. Лишь война привела к сокращению численности рабочих.

Весьма развита такая отрасль легкой промышленности, как швейная. Кстати сказать, изделия бейрутских швейников пользуются известностью во многих странах Ближнего Востока. Бейрутским модельерам нельзя не отдать должное в умении создавать красивые виды одежды. К тому же изделия местного пошива намного дешевле привозных. Умением следить за модой и быстро перенимать ее славятся бейрутцы. Один из магазинов на центральной торговой улице Бейрута называется «Последний крик».

Весьма развита пищевая промышленность, насчитывающая несколько сот небольших предприятий, на которых занято около трети всей рабочей силы страны. Крупнейшим из предприятий такого рода является кондитерская фабрика «Гандур», на которой работало 1 200 человек. Это довольно большой по условиям Ливана отряд рабочих. Не раз бастовали рабочие «Гандура», требуя улучшения условий своей жизни, не раз у ворот «Гандура» происходили жаркие схватки рабочих с полицией.

На одном из горных склонов в восточной части Бейрута возвышается большое, в несколько этажей, здание. На нем вывеска: «Металлургический завод «Сьяль»». Конечно, это громко сказано. Но тем не менее в стране имеется несколько таких небольших предприятий, работающих на привозном сырье. Это алюминиевые и прокатные заводи, на которых занято по несколько десятков человек. Та продукция, которую они изготавливают, шла главным образом для строительства зданий. Ливанцы хорошо и быстро строили дома. В Бейруте почти нет ни одного дома, который внешним видом полностью воспроизводил бы другой. Даже однотипные многоэтажные дома имеют различ-

ную отделку, форму балкона или облицовку нижнего этажа, которому придается особое значение, поскольку он служит входом в здание. А вход должен быть красивым. Поэтому его часто отделявали мрамором, украшали мозаичными панно, скульптурными украшениями. В Бейруте имеется немало заводиков и фабрик по обработке мрамора, оникса, а также изготовлению различной фурнитуры, которая идет на оформление зданий, а также отделку квартир в домах для богатых людей. Подземная часть некоторых зданий имеет по несколько этажей, часть из которых используется под гаражи.

Резким контрастом кварталам зажиточных граждан являются районы бедного люда. На их тесных улицах можно встретить немало обветшалых домов почти без коммунальных удобств. Квартиры там, небольшие по габаритам, нередко смотрят своими окнами в высокие каменные колодцы. Хуже всего жилищные условия у пришлых людей, особенно палестинцев.

«Рай под зонтиками сосен» — так иронически называли лагерь палестинских беженцев, разместившиеся в пригородах Бейрута. Только в районе ливанской столицы их насчитывалось шесть. Самые крупные и населенные — это лагерь Сабра и Шатила, где проживало около двадцати тысяч палестинцев. «Под зонтиками сосен» — так их называли потому, что расположены были они в сосновых рощах, сохранившихся под Бейрутом. Сначала сосны и брезентовые палатки служили первым приютом для палестинцев.

С тех пор прошло более тридцати лет. На смену палаткам пришли хижины бидонвилей. Цементные плиты, куски жести, деревянные ящики — вот основной материал, из которого были построены эти домишки. Между деревьями развешаны веревки, на которых полощется ветром белье. Около уличных водопроводных кранов выстраиваются в очередь палестинки в черных одеждах. Это скопище домишек со стороны автомобильного шоссе, идущего от аэропорта, окружено невысоким глинобитным забором, который прикрывает лишь самое неприглядное. Но и этот забор уже полуразвалился. Поэтому невооруженным глазом, даже не заходя на территорию лагеря, можно было видеть его жалкое утро.

А ведь тут жили, рождались и умирали люди, которые связали себя с борьбой за возвращение на родину, люди, подчас не щадившие своей жизни ради этой высокой цели. Здесь все было трудно — получить пищу, образование, выйти в жизнь. Помощь междуна-

родных организаций, предоставлявшаяся беженцам, была мизерна. Она не давала лишь умереть с голоду. Но стремление выжить, возвратиться на родину — многие палестинцы, родившиеся здесь, ее еще и не видели — сделало из них настоящих бойцов. Стремление к получению знаний даже при таких ограниченных возможностях способствовало тому, что палестинцы стали самыми образованными среди других арабов. У палестинцев самый высокий процент грамотных.

Сколько раз эти лагеря подвергались налетам израильской авиации! Мне приходилось видеть это не однажды своими глазами. «Фантомы» парами заходят с виража на лагерь и сбрасывают смертоносный груз ракет. Летят в воздух щебень и куски бетона. Облака дыма окутывают лагерь. Зияют воронки от взрывов. У свежих развалин копошатся люди, спасая тех, кого еще можно спасти. Так случалось множество раз на протяжении этих последних лет.

Помнится мне еще один пригородный лагерь палестинцев. За глиняной стеной — узкие улочки, маленькие домики с одной-двумя комнатками. Старики в традиционных арабских одеждах, сидящие у входа и ведущие тихую беседу. О чем они говорили? Вспоминали о том, как жили на родине, как их изгоняли оттуда с помощью самого беспощадного террора.

В маленьком двухэтажном здании размещался госпиталь для бойцов, в котором наряду с палестинским персоналом работали добровольцы-медсестры из других стран. Тут можно было встретить и шведку, и японку. Сюда их привели симпатии к палестинцам, лишенным родины.

В другом месте в окрестностях Бейрута я видел школу для палестинских сирот — детей погибших бойцов. Но они вызывали во мне не чувство жалости, а скорее чувство гордости. Как раз проходил их школьный смотр. Одетые в полувоенную, цвета хаки одежду, они с палестинским знаменем под звуки барабана вошли в зал, где приносили свою клятву верности отцам. Молодые палестинцы, которых называют «львятами», отвечают всем, кто их об этом спрашивает, что «все они родились в Иерусалиме» и что они вернуться когда-нибудь на родину, если даже им придется за это отдать жизнь.

Неподалеку от палестинских лагерей Сабра и Шатила, расположенных в юго-западной части города, пролегает путь к Бейрутскому международному аэропорту. Широкое двухрядное шоссе, разделенное газоном с пальмами, ведет к местечку Хальде, где в одиннадцать

километрах от центра Бейрута и расположены эти воздушные ворота города, успешно конкурирующие с его морскими воротами. Действительно, рассказ о Бейруте был бы неполным, если не познакомиться с его аэропортом. Почему его называют международным? Да потому, что внутри страны, столь маленькой по размерам, нет пассажирского авиасообщения и все воздушные связи направлены вовне. Однако значение аэропорта для страны и для всего ближневосточного региона в целом весьма велико. Достаточно, быть может, сказать, что Бейрутский международный аэропорт занимает первое место на всем Ближнем Востоке как по числу перевозимых пассажиров, так и по количеству самолетовылетов. Так, перед началом гражданской войны через него пролетало в год около 2,3 миллиона человек — население почти всего Ливана. А число рейсов самолетов превысило сорок тысяч. Деятельность аэропорта давала стране 10 процентов всего ее национального дохода. На обслуживании его заняты тысячи людей. Отсюда и та огромная важность, которую играл и играет аэропорт и по сей день в жизни страны.

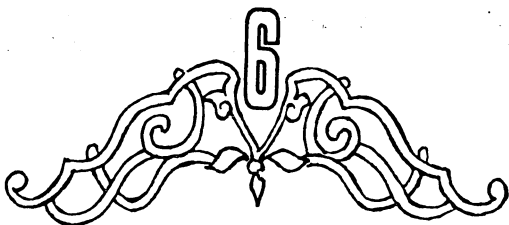
И тем ощутимее бывают перерывы в его работе во время военных действий. Начало печальной летописи нападений на аэропорт положил налет израильских десантников в декабре 1968 года, еще задолго до последней гражданской войны. Под предлогом того, что палестинские партизаны, совершившие антиизраильскую акцию в Афинском аэропорту, вылетели якобы из Бейрута, отряд израильских десантников высадился близ Бейрутского аэропорта и совершил на него бандитское нападение. На взлетном поле было уничтожено 13 из 14 находившихся там лайнеров ливанской авиакомпания MEA. Они были подожжены и подорваны. Были обстреляны также из автоматического оружия и пассажирские залы. И тем не менее не прошло и полусуток, как аэропорт вновь заработал. В дни войны бывали целые недели, когда аэропорт прекращал свою деятельность из-за военных действий.

Мне самому приходилось попадать в сложные переделки, которые возникали в аэропорту. Так случилось в мае 1976 года, когда я вылетал из Бейрута в командировку. Аэропорт находился под обстрелом, и на взлетных полосах, две из которых превышают три с лишним тысячи метров, рвались мины и снаряды. Пассажиры долгое время не могли пройти к самолету. Затем они перебежками устремились к нему, и, как только взобрались по трапу в его кабину, обстрел опять возобновил-

ся. К счастью, в тот день никто не пострадал — ни пассажиры, ни самолеты. Однако бывали случаи, когда снаряды попадали в самолеты, и аэропорт надолго выходил из строя.

Уезжая в апреле 1978 года из Бейрута последним советским пассажирским теплоходом, сумевшим зайти в бейрутский порт, я задавал себе вопрос: когда же город сможет вернуться к спокойной мирной жизни и развалины — следы агрессии навсегда исчезнут из его облика?

Перед моим мысленным взором вновь прошли улицы и площади израненной ливанской столицы, ее красивые набережные со срезанными снарядами верхушками королевских пальм. На центральной площади Мучеников бронзовая скульптурная группа — памятник борцам за независимость. В центре — фигура женщины с пальмовой ветвью мира в руках, олицетворяющая республику. Тело ее пробито осколками снарядов и мин. Через ливанскую землю прошло много завоевателей. Трудно ей доставалась независимость, но народ продолжал жить. В его кипучей энергии, умении преодолевать трудности — надежда на лучшее будущее. И оно, несомненно, придет!

Дни и ночи гражданской войны

Ливанский «вулкан» — итог длительного незатухающего ближневосточного кризиса. Никто не мог предвидеть, что он продлится так долго и станет столь жестоким, что приобретет черты международной проблемы. Годы войны оставили неизгладимый след на лице всей страны, и особенно ее столицы.

Самая «горячая точка» Бейрута последних лет — это, пожалуй, перекресток у Национального музея. Он расположен на пересечении Дамасского шоссе и торговой улицы Мазраа. Именно там проходит та линия, которая разделяет столицу на ее восточный и западный секторы. И это не только географическое, но и политическое разделение городов. В западной его части проживает в основном мусульманское население и расположены штаб-квартиры ведущих национально-патриотических и палестинских организаций. Несмотря на то что этот район считается мусульманским, в нем царит подлинно интернационалистический климат. Здесь равно относятся как к христианам, так и к мусульманам, в руководстве политических организаций представлены все основные ливанские общины. Дело объясняется, видимо, тем, что тут господствуют не религиозные предрассудки, а более передовые взгляды на устройство общества. В противоположность этому в восточном секторе города, где доминирует район Ашрафия, население почти исключительно составляют христиане. Тут же размещаются и руководящие органы правохристианских партий, казармы их боевых формирований, штаб-квартиры партий Катаиб (ливанских фаланг) и национал-либералов. К Ашрафии прилегает ряд населенных христианами пригородов — Син эль-Филь, Айн ар-Руммана, Дикаане. В Айн ар-Руммана произошел тот прискорбный и провокационный инцидент, который послужил поводом к развязыванию гражданской войны.

Однако вернемся на перекресток. Само здание музея, стоящее на углу широкого проспекта, сильно

пострадало от обстрелов. По другую сторону проспекта стоит разрушенное здание службы ливанской безопасности. Тут же за рядами колючей проволоки и мешками с песком — «вилла Мансур» — дворец, временно использовавшийся как парламент во время выборов президента в 1976 году. Здание буквально находилось под перекрестным огнем. Представитель Ливана в ООН Гассан Туэйни как-то сказал: «Бейрут — это, конечно, не Сталинград, но он принял свою долю страданий». Примерно четверть города была полностью разрушена в результате многодневных, многомесячных обстрелов, которые происходили как с одной, так и с другой стороны. Об интенсивности огня свидетельствовали и такие данные, приводившиеся печатью: на одного убитого приходилось по десять тысяч израсходованных патронов.

Даже подъехать к этому перекрестку в ходе военных действий было нелегко. Уже на далеких подступах к перекрестку появляются посты различных милиций, отрядов национально-патриотических сил. Они останавливают, проверяют багажники автомашин — нет ли оружия, взрывчатки.

Лидеры правохристиан, взявшие курс на раскол, всеми средствами пытались обособить те районы, где проживало христианское население, не допустить туда тех, кто нес, с их точки зрения, «подрывные идеи», тех, кто просто принадлежал к другой религиозной общине. Последние изгонялись оттуда и не могли ни под каким видом возвратиться на места своего прежнего жительства. С восточной стороны перекрестка существовали многочисленные заслоны в виде постов различных правохристианских милиций — фалангистов, национал-либералов либо такой реакционной националистической организации, как «защитники кедра». Снайперы из числа членов этих организаций держали под постоянным контролем эту своеобразную границу двух секторов и не пропускали никого, о ком заранее они не были предупреждены. То же самое правило действовало и в отношении христианских единоверцев, придерживавшихся иных политических взглядов.

Мне вспоминается один мой знакомый коллега журналист-христианин, который до войны проживал в Ашрафии. У него был небольшой дом, в котором он жил со своей женой и тремя детьми. Двери его жилища были всегда гостеприимно раскрыты для друзей. События гражданской войны вынудили его бежать в западный Бейрут. Дом же его в Ашрафии разграбили, а на стене вывели надпись, недвусмысленно предупрежда-

ющую, что если он или кто-нибудь из членов его семьи вновь тут появится, то будет убит. Такая судьба сложилась у многих, может быть, десятков тысяч людей, которые были фактически изгнаны из родных мест только за то, что они не разделяли взгляды правохристианских руководителей.

Несмотря на то что в этих местах были установлены посты межарабских сил по поддержанию мира, время от времени вспыхивали перестрелки, которые приводили к длительным перерывам в нормальной, если ее можно таковой назвать, жизни ливанской столицы.

Как-то еще во время войны, миновав сравнительно благополучно на автомашине перекресток у Национального музея, я поехал по шоссе мимо Ашрафий, возвышающейся как крепость на довольно крутых и высоких холмах. Вдруг неподалеку от бейрутского железнодорожного вокзала, расположенного у подножия ашрафийских холмов, я попал в засаду. Четверо вооруженных автоматами людей выскочили из-за небольшого станционного прикрытия и преградили мне путь. Они встали с четырех разных углов и взяли автомашину под прицел своих автоматов. Один из них в полувоенной форме направил дуло своего автомата прямо в окно машины и грубо потребовал предъявить документ. Возражать было бесполезно, и я поспешил представить свое корреспондентское удостоверение, нарочито заговорив по-русски. Иностранный выговор несколько смутил и разочаровал незнакомцев, опознавших во мне неливанца. Об этом говорил и документ. Автоматчик, как мне показалось, с сожалением вернул мне мое удостоверение и коротко бросил: «Проезжай!» Кто это были? Поскольку территория, по которой я проезжал, контролировалась правохристианами, то можно смело предположить, что вооруженные люди были из числа боевиков ливанских фаланг или национал-либералов. Уточнять я предусмотрительно не стал, ибо знакомство было отнюдь не из приятных и ответ человека, держащего палец на спусковом курке, мог бы быть слишком резким... Помнится, как, следуя тем же путем, только в обратном направлении — с востока на запад, — был убит снайперским выстрелом в висок известный ливанский журналист, главный редактор газеты «Орьян лё жур» Эдуард Сааб, с которым я был знаком. Что не понравилось в нем? Ведь он был христианин и далеко не левых взглядов, скорее умеренный либерал. Видимо, то, что он возвращался к своему месту работы в западный район города, а это считалось компрометиру-

ющим обстоятельством для христиан, с точки зрения их фанатичных руководителей.

В те дни крылатым стало выражение «убийство по предъявлению документа», утвердившееся после событий апреля—мая 1975 года. Почему документа? Да потому, что в ливанских условиях это имеет особое значение. Упоминание о религиозной принадлежности в документе часто оказывалось решающим в судьбе того или иного человека. Как это выглядело на практике? Вот так же откуда-нибудь из-за прикрытия, из-за мешков с песком или просто из-за угла выскакивали молодчики с крестами на груди и в черных масках с прорезями для глаз, напоминающих ку-клукс-клановский колпак, и останавливали проезжающую машину. Вытаскивали из нее ни в чем не повинных людей. Требовали предъявить документ. Если оказывалось, что предъявитель документа мусульманин, то его участь часто была печальной. Некоторых оттаскивали к ближайшей стенке и пристреливали, другим «везло» — их захватывали в качестве заложников и держали по нескольку дней, а иногда и недель взаперти в расчете добиться у противной стороны осуществления каких-нибудь политических условий или требований. Во время заключения морили голодом, пытали с утонченной жестокостью. Задержанных кололи гвоздями, делали порезы на ступнях, чтобы они не могли ходить, а только ползать, прикладывали к обнаженному телу электроды, вырезали на коже кресты, избивали ремнями. Помнится обошедшая тогда газеты фотография: на ступеньках наружной лестницы дома, ведущей в бельэтаж, стоит лидер фалангистов, на нем сверкающая белизной рубашка и темный галстук. Перед ним с вывернутыми руками полуобнаженный человек с повязкой на глазах в окружении боевиков фаланг. Рассказывают, что его захватили в качестве заложника и долго пытали. Этот случай стал достоянием гласности, а сколько сотен и, может быть, тысяч людей пытали и убивали втихомолку...

В те дни перекрестки ливанской столицы можно было назвать и перекрестками людских судеб.

Началом войны, унесшей 63 тысячи жизней и оставившей 217 тысяч раненых, считают 13 апреля 1975 года. В это воскресное утро в бейрутском районе Айн ар-Руммана шло богослужение в только что открывшейся церкви, на котором присутствовал лидер партии ливанских фаланг (Катаиб) 75-летний Пьер Жмайель, высокий седой старик с тщательно расчесанным пробором и суровым морщинистым лицом аскета. Айн ар-Руммана — район с христианским населением, большая

часть которого находится под влиянием этой партии. Боевые отряды партии, хорошо обученные и натренированные иностранными инструкторами и насчитывающие более пяти тысяч человек, представляют собой ударную силу правых. Близ церкви и на прилегающих к ней улицах собралось немало вооруженных фалангистов. И вот «неизвестные» лица, промчавшиеся на легковой автомашине, обстреливают собравшихся у церкви. Четверо было убито...

В тот же день в мусульманском районе столицы и палестинском лагере Шатила состоялись шествие и митинг палестинцев, посвященные памяти партизан, павших за год перед этим во время боевой операции в г. Кирьят-Шмона на израильской территории. Затем автобус с безоружными палестинцами, возвращавшийся с митинга и проезжавший через Айн ар-Руммана, попал в засаду к фалангистам, искавшим повод для столкновения. Большинство пассажиров автобуса — 27 человек — были расстреляны из автоматов. Вслед за этим почти по всему Бейруту вспыхнули перестрелки, не смолкавшие несколько часов. Объектами взаимных нападений стали как мусульманские районы, население которых всегда симпатизировало палестинцам, так и христианские, принявшие на себя ответные удары. События этого воскресного дня открыли «кровавую неделю» в хронике ливанских будней, которые переросли потом в затяжную гражданскую войну. Газеты запестрели сообщениями об убитых в результате столкновений.

Однако инцидент в Айн ар-Руммана фактически был только толчком для войны...

Перед моими глазами протекали события апреля — мая 1973 года, явившиеся как бы предтечей и репетицией этой войны. Темной ночью 10 апреля израильские командосы высадились с катеров в западном пригороде Бейрута. Сев в приготовленные заранее для них тайной агентурой автомашины, они пустились по холмистым улицам — каждый к предназначенной ему жертве. Свернув в переулок близ улицы Верден, они ворвались в два дома, где находились квартиры руководителей палестинской организации ФАТХ — ведущей в движении сопротивления. Жертвами их налета стали Ибрагим аль-Наджар, Камаль Адван и Камаль Насер. Наутро я побывал в их квартирах. Взорванные двери, залитые кровью полы, на стенах следы автоматных очередей.

Через два дня по улицам Бейрута, сопровождая покрытые палестинскими флагами гробы жертв израильских налетов, прошло свыше четверти миллиона

человек. Такой внушительной демонстрации народных масс, наверное, еще не бывало в ливанской столице. В этот день памяти павших на улицах города не было ни полицейских, ни агентов службы безопасности.

В мае 1973 года правые, несправедливо сваливая все беды Ливана на палестинцев, сделали попытку вооруженным путем подавить отряды Палестинского движения сопротивления. В столице развернулись настоящие военные действия с применением артиллерии и авиации. Самолеты, никогда не поднимавшиеся в воздух, чтобы помешать нарушениям воздушного пространства страны израильскими летчиками, обрушили свои ракеты и бомбы на лагеря палестинских беженцев в черте города. Столкновения произошли и в других городах. Они продолжались в течение двух недель.

Использование армейской авиации для бомбежки палестинских лагерей, первые артиллерийские обстрелы столичных кварталов, введение в стране чрезвычайного положения ожидаемого успеха не принесли. Власти стали вновь придерживаться каирского соглашения 1969 года относительно условий пребывания палестинцев в стране. А эти условия, выработанные при участии ливанского правительства, признавали за ними законное право на жительство, труд, участие в палестинской революции, разумеется, при соблюдении ливанского суверенитета и безопасности. Соглашение разрешало и создание на юге страны зоны, где палестинцы могли иметь свои военные отряды...

Шел 1975 год. 26 февраля стал траурным днем для жителей южноливанского порта Сайда. В тот день на улицы вышла демонстрация рыбаков и бедняков, поддержанная всеми тружениками города. Рыбаки выступали в защиту своего права на лов рыбы — труд, который приносит им ежедневное пропитание. На это право покусилась частная компания «Протеин», задумавшая монополизировать отлов рыбы, а правительство выдало ей на это лицензию. Силы безопасности встретили демонстрантов выстрелами: двое убитых, семь раненых. В числе раненых популярный депутат парламента от Сайды Мааруф Саад, возглавлявший шествие. И естественно, это вызвало народный гнев. Особенно сильные волнения поднялись после того, как М. Саад в начале марта скончался от ран. Всю Сайду всколыхнули массовые манифестации и вооруженные стычки.

К этому времени в стране сложилось объединение левых сил, включавшее в себя все прогрессивные течения и партии. В опубликованной в те дни деклара-

ции этого движения содержалось прозорливое предупреждение о грядущих событиях:

«Национальные партии и силы с большой озабоченностью наблюдают за развитием событий в Сайде; они считают, что ливанские реакционеры и сторонники религиозного раскола страны всеми средствами, и используя находящиеся в их распоряжении государственные органы, ведут дело к взрыву, чтобы добиться осуществления своих целей, которые сводятся к нападкам на национальное движение и ликвидацию Палестинского движения сопротивления».

И вот настало воскресенье 13 апреля 1975 года, начало первого раунда войны, как его окрестила печать.

Встревоженные ростом авторитета левых сил и Палестинского движения сопротивления, кампанией социальных требований в Ливане, империалистические круги Запада и Израиль прибегли к услугам своих тайных агентов в Бейруте, чтобы «взорвать» обстановку. Одной из главных целей было вовлечь палестинцев в столкновения с изоляционистами. Этому способствовало и разжигание религиозной межобщинной вражды, тем более что почва для этого давно была подготовлена в Ливане. Стратегам по ту сторону Атлантики и в Израиле нужно было завязать на арабской земле такой узел, который заставил бы арабов запутаться в своих собственных проблемах, отвлечь их растущее негодование захватнической политикой сионистского соседа, подтолкнуть их к дальнейшим уступкам Западу. Все это вместе взятое и привело в действие механизм ливанского заговора.

Вслед за первой «кровавой неделей» в апреле, короткими передышками и примирениями, недолговечными, но многочисленными приглашениями о прекращении огня следовали новые и новые вспышки гражданской войны, длившиеся уже месяцами. Сначала их считали: первая, вторая, третья... Потом сбились со счета. В сводках военных операций замелькали ставшие потом известными во всем мире названия бейрутских пригородов и районов — Айн ар-Руммана и Шиях, Фурнаш-Шеббак и Декване, Син эль-Филь и Набаа, палестинские лагеря Тель-Заатар и Дбайе. Бои перекинулись в центр города — торговые кварталы, район порта. Появились баррикады и на центральной площади Мучеников. По одну сторону ее оказалась казарма военных отрядов партии Катаиб, по другую — старинный сук, как называют на востоке базар, древняя мечеть.

Всякая нормальная жизнь в столице нарушилась,

люди боялись выходить из своих домов. Днем их поджидала пуля снайпера, вечером — опасность стать заложником, попасть под шальную автоматную очередь. Каждый день разыгрывались новые трагедии. В газетах стали ежедневно появляться сводки о количестве убитых и раненых, пропавших без вести и захваченных заложниками. Число убитых варьировало от сорока до семидесяти, заложников — от семидесяти до двухсот. Появились первые разрушения. Участились взрывы учреждений и магазинов. Налетчики из быстро мчавшихся автомашин бросали связки динамитных зарядов к подъездам и в окна домов, в витрины магазинов. Помню, как два взрыва произошли в соседнем доме, в десяти — пятнадцати метрах от нашего офиса: один — в помещении Ливийского информационного агентства, другой — в женском парикмахерском салоне. Груды разбитого стекла, покореженные окна и двери...

В торговых кварталах шли грабежи. Наемники реакции хотели платы наличными, и платой часто служили товары из захваченных лавок и магазинчиков.

Позорный счет вели снайперы, подкарауливая свои жертвы из укромных местечек. Среди снайперов немало иностранных наемников, съехавшихся из разных стран на запах крови. А за кровь платили наличными. Существовали даже ставки за убитого — 35—50 долларов... Передо мной маячит образ такого убийцы. Обманчивая внешность: высокий, седоватый, с подкупающей улыбкой, которая прячется в больших усах. Он рассказал, что убил 197 человек, «скромно» не назвав своей фамилии...

Но жизнь еще пробивалась сквозь этот пулевой и динамитный заслон. В часы и дни затишья, когда стороны подписывали очередное соглашение о прекращении огня, раскрывались двери магазинов и банков, возобновлял свою работу порт. Жителям все еще казалось, что вот-вот наступит долгожданное спокойствие. Получивший в июне 1975 года поручение сформировать правительство мусульманский лидер севера страны Рашид Караме выступил по радио и телевидению с призывом к населению выходить на работу. Сам поток деловой жизни должен был, по его мнению, способствовать прекращению обрушившихся на страну бедствий. Были и другие политические деятели, пытавшиеся внести свой посильный вклад в спасение нации. Одно время душами бейрутцев владел диктор городского радио Шариф Ахауи, человек, имя и фамилия которого словно воплотили символы мира: Шариф — «честный», Ахауи — «братский». Он взял на себя добро-

вольную обязанность оповещать слушателей о месте возникновения той или иной вспышки боев и предупреждать об опасности проезда по той или иной улице. Его эмоциональный голос, искренность скорби, исходящая из сердца, призывы вроде «Граждане, да перестаньте же вы убивать друг друга» у многих слушателей находили сочувственный отклик и привлекали к нему симпатии. Однажды даже по его призыву 50 тысяч бейрутцев вышли на улицы, требуя прекращения кровопролития.

Когда все же смолкали выстрелы и политические лидеры на какое-то время садились за стол переговоров, в дело вмешивались внешние силы. Израильские самолеты обрушивали бомбовый груз на ливанские деревни и лагеря палестинских беженцев. Гибли дети, женщины, старики и ливанские военнослужащие.

Октябрь 1975 года ознаменовался началом широкого применения тяжелых видов оружия, разрушениями коммерческого центра Бейрута, различных предприятий и боями в районе «больших отелей», где открылся новый фронт. Ежедневное число жертв стало переваливать за сто человек, причем часто гибли просто мирные граждане. Бывало, мина разорвется то в очереди у булочной, то на рынке, то в лагере беженцев...

На площади Мучеников в результате стрельбы фалангистов сгорел отель «Фундук аль-Араби». В нем нашли себе могилу около сорока постояльцев, жителей арабских стран, приехавших в Бейрут по делам. От гостиницы осталась одна стенка, на которой чудом сохранилась на уровне четвертого этажа половина комнаты с мебелью, словно декорация в театре. Ужасающая картина разрушенного города.

Затем наступили печальные события декабря 1975 года. Им суждено было перевернуть еще одну мрачную страницу гражданской войны. «Черная суббота» — такое название получила первая суббота месяца — вновь вергла столицу в кровавые столкновения. На дороге близ городка Бейт-Мери, горной вотчины фалангистов, произошло провокационное убийство четырех христиан. Вину поспешили, как всегда, возложить на мусульман и палестинцев, хотя трудно предположить, как они могли бы оказаться там. Воспользовавшись этим случаем, правые возобновили массовые захваты заложников в столице. Было захвачено более трехсот человек. Людей заставляли с поднятыми руками становиться лицом к стене. Более семидесяти заложников были почти сразу же убиты. Некоторых, как мне рассказывали, со связанными руками сталкивали с па-

рапета набережной в море и расстреливали из автоматов. Из Бейрута бои перекинулись на восток, север и юг. Так прошел весь месяц. Повсюду, начиная со столицы, вступило в действие тяжелое оружие — артиллерия и ракеты. Только в рождественский день 26 декабря было выпущено триста снарядов по жилым кварталам.

До сих пор придерживавшиеся оборонительной тактики, левые накопили в ходе восьмимесячных боев достаточный опыт в ведении боевых операций и все чаще стали переходить от обороны к наступлению. Их первым шагом было взятие штурмом района «больших отелей», откуда изоляционисты держали под огнем столичный район Рас-Бейрут и окружающие его улицы. 26-этажный «Холидей инн» зиял многочисленными пробоинами, подпалины опоясали все его этажи, у входа застыл сожженный фалангистский броневик. Отгремела «слава» его защитников, пировавших в перерыве между боями, используя для застолий продовольственные и винные запасы гостиничных погребов. Они любили позировать перед фоторепортерами за столами, уставленными яствами и бутылками с даровым шампанским, на всякий случай пряча свои лица за масками.

Наша журналистская работа в дни и ночи гражданской войны в Ливане была нелегкой, как, впрочем, и всех местных и иностранных журналистов. Я говорю «дни и ночи» не случайно, ибо подчас ночи в этой войне были беспокойнее, чем дни. Именно в вечерние и ночные часы происходили основные артиллерийские и минометные обстрелы. Когда обстрел грохотал совсем близко, ложились на пол, перетаскивали матрацы в коридоры. Те из нас, кто часть войны провел с семьями, спускались в подвалы. Оставаться в бейрутских домах было небезопасно. Красивые многоэтажные здания, приспособленные для средиземноморского теплого климата, по всему фасаду представляют собой как бы сплошную стеклянную стену из больших окон. Единственной защитой этих окон были деревянные тонкие жалюзи, которые, конечно, не могли прикрыть ни от пуль, ни от осколков. За этими тонкими щитами находились наши рабочие помещения, телекс и пишущие машинки. Отделению ТАСС в этом отношении «повезло», может быть, больше, чем другим, поскольку наше здание находится в непосредственной близости от одного из главных каналов бейрутского телевидения, расположенного в западном секторе ливанской столицы. Здание телевидения в течение, наверное, более года подвергалось периодическим обстрелам из восточного

района. Попасть в него прямо, однако, было трудно, так как оно окружено высокими домами. Но для мин, выпускаемых «навесом», не было преград, и они обильно рвались под нашими окнами. В результате пробиты осколками стекла в рабочих помещениях, стены комнат, наши рабочие столы.

Январь нового 1976 года начался осадой лагерей палестинских беженцев — Телль-Заатара, в восточном пригороде Бейрута, и Дбайе, к северу от него. Патриотические силы прибегли к крупному ответному наступлению. Потерпев на этот раз неудачу со взятием Телль-Заатара, изоляционисты сконцентрировали свои усилия на захвате небольшого лагеря Дбайе, который удерживало всего несколько десятков защитников. Против них было брошено до двух тысяч человек. Естественно, горстка бойцов не могла его удержать, и он пал.

В мае развернулось наступление национально-патриотических сил в горах центральной и восточной части Ливана. Отряды НПС потеснили изоляционистов, являя примеры стойкости и мужества. Под их контролем оказались районы Шуфа и Жбейля, а также Метн и Алей. Отступили изоляционисты и у Згорты, на севере, где они оставили свои передовые позиции и несколько деревень. К концу месяца национальным силам удалось одержать внушительную военную и моральную победу. Они установили свой контроль более чем над 80 процентами территории Ливана.

И если после этого события стали развиваться не в их пользу, то это произошло благодаря обстоятельствам, связанным с крупным вмешательством извне. По времени это совпало с визитом очередного американского эмиссара в Ливан, усилением провокационной деятельности Израиля, широкой поддержкой правых оружием и боеприпасами.

* * *

Лето 1976 года. Восточная окраина Бейрута. Холмистые отроги виднеющихся невдалеке гор. Ветер поднимает каменистую пыль. Нещадно печет солнце. Вокруг зловещая тишина. Ничего живого. Трудно поверить, что тут кипела бурная повседневная жизнь, работали многочисленные предприятия, сновали пешеходы и тележки, по тесным улочкам прокладывали свой путь автомашины. Сейчас обо всем этом напоминают лишь коробки пустых домов, засыпанные бетонными осколками и битым кирпичом проходы между ними. Стены

зданий изрешечены пулями и пробоинами от снарядов.
Это — Телль-Заатар.

Телль-Заатар,
Каждый выстрел в тебя отозвался
поэмой,
Траур всех женщин мира на флаге твоём
И стихи о тебе динамит у врага под
ногами.

Так писал в те дни палестинский поэт Муин Бсису. Здесь в июне — августе разыгралась одна из наиболее ужасных трагедий ливанской гражданской войны. Последняя осада длилась 52 дня, с конца июня и по 12 августа. За это время по этому району было выпущено свыше 60 тысяч снарядов, мин и ракет. К моменту его падения из 30—40 тысяч жителей оставалось лишь около 12 тысяч, в большинстве своем — старики, женщины, дети.

Первые палестинские беженцы здесь стали селиться в конце 40-х — начале 50-х годов. Это были крестьяне из 77 деревень Северной Палестины, а также бедуины из района Тивериадского озера, изгнанные со своей родины. Здесь они нашли на первых порах приют. Но их жизнь никогда не была легкой. Восточный пригород Бейрута формировался в годы после второй мировой войны как промышленная окраина. Здесь строились различные текстильные, швейные, табачные фабрички, механические мастерские, которыми владели богатые христиане. Предприятиям требовалась дешевая рабочая сила, и лагерь поставлял ее. В тесных, непроветриваемых помещениях телльзаатарцы пряли ткань, кроили и шили одежду, набивали сигареты... а их хозяева набивали себе карманы деньгами, нажитыми на их поте. Так образовался «пояс бедноты», как называли его экономисты, окружавший близлежащие зажиточные районы. Сначала тут росли хижинки и мазанки, затем стали появляться бетонные коробки домов: ведь территория лагеря оставалась примерно одной и той же, а количество жителей непрестанно росло. Росло оно за счет ливанцев, разорявшихся на юге страны, где их деревни подвергались налетам израильтян, а также за счет палестинцев, продолжавших бежать из бывшей Палестины, и особенно после 1967 года, когда израильской агрессии подверглись земли западного берега реки Иордан. Около 60 процентов составляли палестинцы-беженцы, около 40 — ливанцы-бедняки. Среди палестинцев и ливанцев были и христиане, и мусульмане, но никогда различие религиозных верований не разделяло

их, не вызывало вражды. Их объединяли бедность и нищета, которых было в избытке.

Пока палестинцы играли роль черной рабочей силы, с ними мирились. Когда же у них началось пробуждаться национальное самосознание, стала появляться политическая зрелость и усиливаться стремление возвратиться на свою поруганную родину, это стало вызывать беспокойство власть имущих. Конечно, главную роль здесь, как и во всех последующих бедах Ливана, сыграл внешний фактор — стремление агрессивного соседа, Израиля, любым путем задушить в самом зародыше освободительное движение палестинцев. Проявлением этих намерений стали налеты на лагеря палестинцев, а также — с целью устрашения и лишения палестинцев поддержки коренными жителями страны — на ливанские деревни и города. Если израильтянам не удавалось это сделать самим, они старались подтолкнуть к этому правохристиан. С конца 60-х годов между отдельными ливанскими армейскими частями и отрядами правохристианских партий, с одной стороны, и отрядами Палестинского движения сопротивления, образованными на территории Ливана, с другой, начинают возникать стычки. Ливанские реакционеры, подстрекаемые Израилем, пытаются представить дело таким образом, будто бы присутствие «чужаков» на ливанской земле навлекает беды на самих хозяев. Именно с этих пор возникают истоки того «сотрудничества» правых и израильской военщины, которое в более явных и разнообразных формах, чем тогда, осуществляется в нынешние дни, когда часть территории юга Ливана фактически превращена в контролируемую Израилем зону.

Чувствуя себя в окружении, палестинцы начинают укрепляться в своих лагерях, строить убежища от воздушных налетов, накапливают продовольствие и медикаменты, а заодно и оружие, ибо зачастую они оказываются под перекрестным огнем. Мне вспоминаются горькие слова стихотворения из детской книжечки под названием «Дом», выпущенной палестинским издательством в Бейруте:

Дом у курицы — курятник,
Дом у кролика — нора,
Есть у лошади конюшня,
А у рыбы дом — вода.
У каждого человека есть свой дом —
Очаг его счастья и покоя,
Но у палестинца нет дома.
Палатки и хижины, в которых он живет,
Не его дом.

Палестинская проблема лежит в основе нынешнего ближневосточного кризиса. Это остро чувствуют и понимают народы арабских стран, желающие и стремящиеся всеми силами помочь палестинцам вернуться на свою родину. Адрес ее известен. В той же детской книжке есть такие слова:

Где же дом у палестинца?
В Палестине этот дом.
Враг вселился в этот дом.
Как вернуться в этот дом?

Ответом на это служит мужественная борьба палестинского народа. Но пока этот вопрос не решен, речь идет о временном месте проживания палестинцев. Правым казалось, что, сокрушив Телль-Заатар, они сокрушат волю палестинцев к борьбе, вернут их в положение послушной рабочей силы.

Уже в мае 1975 года начинаются первые столкновения. Отряды правохристианских молодчиков предпринимают атаку, затем следует первая блокада лагеря. Они перерезают пути снабжения Телль-Заатара, создавая «кольцо голода». Лишенное продовольствия и медикаментов, его население начинает испытывать на себе ужасы блокады. Фактически осада лагеря продолжалась на протяжении более шестнадцати месяцев. Правда, в первые месяцы были еще передышки. Блокада время от времени ослабевала, и тогда в лагерь удавалось доставить муку и другое продовольствие.

Затем в июне нападающие отрезали сорокатысячный лагерь, а по существу довольно крупный район города, от источников снабжения продовольствием и медикаментами, лишили его воды. Снайперы правохристиан стреляли в женщин и детей, пробиравшихся тайком к колодцам, чтобы добыть ведро воды. От жажды, от обезвоживания гибли там в тесных каменных кварталах раненые и дети... «Каждая капля воды в Телль-Заатаре,— говорил в те дни председатель исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат,— добывается ценой стакана крови».

В чем оказались повинны тысячи и тысячи людей, населявших Телль-Заатар? В том, что они палестинцы или бедняки-ливанцы? На 22 день сопротивления, 13 июля, они обратились к миру с письмом:

«В нашем лагере сейчас 30 тысяч человек— мужчин, женщин, детей и стариков. Около 40 процентов из них ливанцы-бедняки, остальные палестинцы. Сегодня наш лагерь стал ареной ужасных разрушений. Нет больше воды, кроме той, которую удается добы-

вать из колодцев под угрозой обстрела и смерти. Нет пищи, кроме той, что удалось спасти после разрушения наших жилищ. Нет ни электричества, ни медикаментов для ухода за ранеными. Многих из раненых можно было бы спасти, но даже легкораненые истекают кровью из-за недостатка лекарств.

Вы не можете вообразить себе, сколь горестно и ужасно видеть, как на ваших руках умирает брат, друг или товарищ, которому вы не в силах ничем помочь. Мы хороним наших мучеников в ямах, которые нам удается вырыть, и некоторые из нас гибнут в тот момент, когда погребают своих братьев».

Этот крик души не остался неуслышанным. Откликнулся Международный Красный Крест и заявил о своей готовности принять меры к спасению раненых. В любой момент его санитары готовы начать эвакуацию. Готовы к этому и госпитали палестинского Красного Креста, хотя в них немало других раненых.

Мы посещаем один из таких палестинских госпиталей, расположенных под землей в районе арабского университета Бейрута... Двухлетний мальчонка с только что ампутированной рукой. Паренек 10—12 лет, грудь и живот которого напоминают одну сплошную язву. Бойцы, женщины, дети лежат вперемежку. Они указывают нам на пустые койки, приготовленные для жертв Телль-Заатара.

Все договоренности об эвакуации раненых, которые достигаются с руководством правых, ими же и срываются. Как только машины Красного Креста приближаются к лагерю, по ним открывается огонь. Так повторялось несколько раз. И только в начале августа удалось как-то вывезти около трехсот из четырех тысяч скопившихся в лагере раненых. И снова срыв эвакуации. Наконец, 12 августа конвой машин Красного Креста подошел к лагерю. К нему устремились тысячи раненых и беженцев, он прибыл по договоренности об эвакуации, которую подписал сын лидера фалангистов Амин Жмайель.

И как раз в этот момент христиане начали свою последнюю атаку лагеря. Они начали ее с опустошающего артиллерийского обстрела, в котором участвовали все виды орудий—от 75-мм гаубиц до 155-мм тяжелых пушек. Сплошной шквал огня и стали обрушился на ветхие стены домов, под обломками которых гибли все новые и новые жертвы.

Вот что рассказала шведская медсестра Эва Сталь, которая была вывезена из лагеря с последним конвоем Красного Креста:

«С июня лагерь непрерывно обстреливали. Фактически он был стерт с лица земли. Нет больше ни улиц, ни домов. Люди жили в страшной тесноте, в подземных убежищах. Выйти на поверхность означало отправиться навстречу смерти».

У Эвы ампутирована рука. Во время огневого налета одна из ракет разорвалась близ комнаты, где она жила. Ее муж Юсеф Хамади был убит, сама она изрешечена осколками.

«Шестнадцать месяцев мы работали без отдыха,— рассказывает другой спасшийся чудом врач по имени Абдель Азиз Лабади.— Мы создали тринадцать небольших пунктов «скорой помощи». перевязка раненых осуществлялась в чрезвычайно тяжелых условиях... Ни электричества, ни воды... Все шестьдесят человек медицинского персонала работали самоотверженно».

«Всеми кругами ада» назвал жизнь в лагере, в котором ему удалось побывать еще до его падения, глава миссии Международного Красного Креста Жан Хефлигер.

Защитники Телль-Заатара покрыли себя в последних боях неуязвимой славой. Женщины участвовали в них наряду с мужчинами. Часто к ним присоединялись и дети. Молодые бойцы, некоторым из них было не больше 13—14 лет, вели рукопашный бой до конца. Лагерь атаковало более семи тысяч фалангистов, шамунистов, именующих себя «тиграми», и головорезов из «Фронта защиты кедра». В штурме участвовало более сотни бронемашин и танков. Под развалинами лагеря погребено более пяти тысяч палестинцев и ливанцев.

Ворвавшись в лагерь, молодчики из отрядов право-христианских партий учинили массовую расправу над оставшимися в живых. Тысячи жителей кинулись из лагеря, попадая под перекрестный огонь. Большинство из них были женщины, дети, старики. Автоматные очереди добивали раненых. Все шестьдесят медицинских работников лагеря, которые в течение семи недель ухаживали за ранеными и больными, отдавая им свою кровь и деля скудный паек, были убиты.

«Я видел,— рассказывает один из немногих уцелевших врачей, доктор аль-Ираки,— как их строили десятками по двое в ряд, выводили и расстреливали из автоматов».

Кончилась семинедельная осада. Из развалин выносят последнего оставшегося в живых жителя лагеря, 111-летнего Мохаммеда Селима Канаана, в то время как банды грабителей волокут тюки с одеялами, радиоприемниками и другим скарбом, чудом уцелевшим под

развалинами. Вдали тихо звучит колокол, но этот звон отдается набатом в сердцах людей, готовых отстаивать свое право на жизнь, вернуться к своим очагам.

Тель-Заатар стал для палестинцев и многих ливанцев символом несгибаемой воли и мужества. Здесь они стояли насмерть. Лагерь пал, бульдозеры сровняли с землей остатки его строений, но борьба продолжается. Тель-Заатар — написанный кровью автограф борющегося палестинского народа.

* * *

Такова краткая летопись основных этапов гражданского конфликта в Ливане, начавшегося в его наиболее острой форме 13 апреля 1975 года и формально закончившегося 15 ноября 1976 года. К этой последней дате относится вступление летом — осенью 1976 года в Ливан межарабских сил по поддержанию мира, общая численность которых составила около тридцати тысяч человек.

Но кровавая летопись событий продолжалась. Мне пришлось стать их свидетелем и в последующие годы.

С февраля и до конца 1977 года имели место попытки консерваторов вовлечь в вооруженные столкновения межарабские силы по поддержанию мира в стране. Да и не только межарабские силы: они пытались вновь втянуть в войну палестинцев и ливанских патриотов, чтобы подставить их под удар, подавить их в военном отношении. Они начинались с провокационных убийств сирийских солдат правохристианскими снайперами. Затем вспыхивали артиллерийские и минометные обстрелы кварталов Бейрута. Арабские силы, действующие в рамках соглашения с официальными ливанскими властями и выполнявшие миссию по поддержанию безопасности, были вынуждены давать отпор. Особенно жестокими столкновения стали в сентябре — октябре, когда лидеры консерваторов стали требовать прекращения мандата на пребывание межарабских войск (неоднократно продлевавшегося перед этим ввиду того, что новая ливанская армия еще не была сформирована и не могла взять на себя эти функции).

Кульминация этих событий последовала весной 1978 года, когда тридцатитысячная израильская армия оккупировала на три месяца юг Ливана, вплоть до реки Литани.

Гражданская война в Ливане не закончилась с вступлением на ее территорию межарабских сил по

поддержанию мира. Бурные события в этой стране продолжают. Положить конец им были не в состоянии ни правительство Ливана, ни усилия дружественных арабских стран, ни посланные по решению Совета Безопасности в 1978 году войска ООН. Главная причина — постоянное внешнее вмешательство в дела Ливана со стороны Израиля, направляемое из-за кулис правящими кругами Соединенных Штатов. Их цель — нанести удар по антиимпериалистической революции на Ближнем Востоке, сохранить и укрепить здесь свои позиции. Орудием этого вмешательства служит провоцирование междоусобных конфликтов между арабами.

Постоянные столкновения внутри страны, провоцируемые на религиозной и социально-политической основах, продолжались. Печальны и катастрофичны итоги этих событий. По оценкам ливанских экономистов, убито 6 процентов активного населения Ливана, причем большинство убитых относится к возрастной группе от 20 лет и ниже. Эти потери будут влиять на демографическую структуру ливанского населения в течение будущих двадцати лет. К тому же в годы войны страну покинуло 700 тысяч человек, из которых 350 тысяч не вернулись и пополнили ливанскую эмиграцию. Однако опасность для страны заключается не в количестве эмигрантов, а в том, что эмигрировали квалифицированные рабочие, специалисты. Произошла «утечка умов», которая вряд ли сможет быть восстановлена в обозримом будущем. Из общего числа в 125 тысяч рабочих, занятых в промышленном секторе, из страны выехало во время войны около 60 процентов.

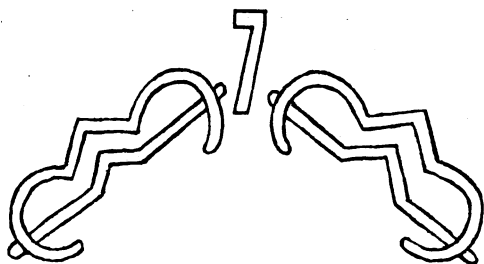
По неполным данным, эти потери в промышленности были оценены в 1,5 млрд. ливанских фунтов (0,5 млрд. ам. долл.). Разрушено 150 предприятий, на которых было занято 35 тысяч рабочих. В области торговли, которой всегда славился Ливан как важный перевалочный пункт между Востоком и Западом, потери оцениваются в 3 млрд. ливанских фунтов (1 млрд. ам. долл.). Один из самых сокрушительных ударов был нанесен по бейрутскому порту, который давал треть общего национального дохода. В цементной, нефтеперерабатывающей, обувной и других отраслях используется от 60 до 80 процентов производственных мощностей. В таких отраслях, как текстильная и деревообрабатывающая, производство продукции достигло едва половины довоенного уровня.

Большой ущерб стране наносила и постоянная внутренняя миграция населения из-за военных действий. Так, только во время израильской агрессии в марте

1978 года из южных районов в центр страны перекочевало около 200 тысяч жителей.

Все это поставило тогда сложные проблемы перед ливанским государством. Решение их возможно было только в условиях мира, стабилизации обстановки, нормализации отношений между различными религиозными общинами, укрепления единства государства, его законных институтов, устранения феодальных и религиозных пережитков из жизни ливанского общества. Это нелегкий процесс, и для его осуществления могли потребоваться многие годы. Путь к подлинной нормализации обстановки лежал через борьбу сил прогресса с лагерем империализма и реакции.

Ливанцы — жизнеспособный народ. Об этом говорит их длительная и героическая история. Все трезвомыслящие люди в стране верят в то, что, какие бы трудности ни встретились на ее пути, она будет стремиться вернуться к нормальной и мирной жизни.

В Южном Ливане

В марте 1978 года снова началась крупная израильская агрессия против Южного Ливана. В ночь на 15 марта 1978 года 30-тысячная израильская армия, погрузившись на бронетранспортеры и другие военные средства передвижения, перешла ливано-израильскую границу на всем ее 98-километровом протяжении — от мыса Рас-Накура на юге до деревни Кфар-Шуба на востоке. Формальным поводом для агрессии послужила операция палестинских партизан в центре Израиля, близ Тель-Авива. Целью агрессии было создание на территории Ливана так называемого «пояса безопасности» Израиля шириной до 25 километров (вплоть до реки Литани), то есть фактическая оккупация Южного Ливана и уничтожение Палестинского движения сопротивления.

Хотя наступление началось по давно и хорошо разработанному сценарию, агрессорам пришлось столкнуться с невиданным ранее сопротивлением. Командование объединенных национально-патриотических сил и Палестинского движения сопротивления не было захвачено врасплох. Их боевые отряды, искусно используя горные условия местности, оказывали максимум сопротивления противнику, чтобы задержать его продвижение, обескровить наступающие войска. Это давалось нелегко, ибо противник, обладая большим преимуществом в технике и живой силе, подвергал позиции национально-патриотических сил бешеной огневой и воздушной обработке. Шквал бомб и оружейного огня ровнял с землей все на своем пути, горели облитые напалмом дома. Но неприступно стояли горы. И вот под их прикрытием бойцы патриотических отрядов и палестинских партизан вели шквальный огонь по противнику. Бронетанковые части израильтян завязли в горах, вместо молниеносного броска получился крова-

вый марш, сотни израильских солдат поплатились жизнью или были тяжело ранены.

Израилем был оккупирован весь Южный Ливан вплоть до реки Литани, лишь на самом юго-западе страны осталась свободной узкая прибрежная полоса, да и она служила постоянным объектом израильских нападений как с суши, так и с моря. В результате агрессии было убито свыше тысячи мирных ливанских жителей, около двухсот тысяч лишились крова и стали беженцами.

Беспрецедентная агрессия Израиля против Ливана стала предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН, который принял резолюцию, требующую вывода израильских войск с ливанской территории. Предусматривалась и посылка войск ООН в Ливан. Вскоре эти войска начали прибывать в Южный Ливан, и постепенно их численность была доведена до шести тысяч человек. Столкнувшись с осуждением со стороны международного сообщества наций, израильтяне изменили тактику агрессии. Они были вынуждены уйти. Но ушли, чтобы остаться. В этих целях они использовали ливанских сепаратистов, возглавляемых бывшим майором ливанской армии Саадом Хаддадом, который, выполняя волю израильтян и опираясь на руководимые им банды, захватил часть территории Южного Ливана, где находились ранее израильтяне, и незаконно провозгласил на ней «государство свободный Ливан».

Что же представляло собой это «государство»? Вдоль всей линии ливано-израильской границы пролегла полоса территории шириной в десять — пятнадцать километров. Общая территория «Свободного Ливана», фактически превращенного в военный плацдарм Израиля, занимала около восьмисот квадратных километров. Под контролем сепаратистов оказалось население примерно в сто тысяч человек, из которых около сорока тысяч составляли христиане-марониты и шестьдесят тысяч мусульмане-шииты. В действительности же число как христиан-маронитов, проживающих там в семи деревнях, так и мусульман и того меньше, поскольку многие бежали оттуда уже после провозглашения этого сепаратного образования. Под командованием Хаддада оказалось в общей сложности около двух тысяч головорезов, которые терроризировали южноливанское население, побуждая его к подчинению и сотрудничеству с израильским агрессором. Все оружие и боеприпасы, а также продовольствие поставлял им Израиль. Более того, к Хаддаду были приставлены израильские военные советники. Свое пребывание в Южном Ливане сепаратисты считали своим правом.

ратисты Хаддада и их израильские наставники постоянно использовали для нападения на посты солдат ООН, обстреливали их, создавали всевозможные препятствия к выполнению ими своих обязанностей по обеспечению спокойствия в этом районе и постепенной подготовке к вступлению на юг войск законного ливанского правительства.

Таковым было положение на юге Ливана и на ливано-израильской границе.

Здесь уместно рассказать о моей поездке в Южный Ливан вскоре после израильской агрессии 1978 г. Вместе с нашей группой журналистов ехали гид, молодой человек по имени Ахмед, и увешанная фотоаппаратами девушка-палестинка Ясира с пышной копной черных волос — корреспондент палестинской газеты. Нашу небольшую колонну сопровождал джип с несколькими вооруженными бойцами. После долгого пути по приморскому шоссе мимо многочисленных пепелищ мы свернули в горы. Здесь дорогу окаймляли банановые рощи и апельсиновые сады, источавшие нежное благоухание. Ничто не напоминало о войне. У Сарафанда шоссе стало прижиматься к морю, а с другой стороны к нему подступали горы. Сарафанд — рыбацкий поселок, где не раз высаживались израильские десанты. Проехали Сур (Тир) — город-мученик, который на протяжении последних лет был непосредственной целью израильской агрессии. Танки израильтян не дошли до Тира полтора десятка километров, так как защитники города оказали сильное сопротивление агрессорам. Далее по пути к мысу Рас-Накура дорога заминирована, в ее полотне проделаны глубокие отверстия для закладки мин. Днем опасные участки отгораживают щитами от проезжей части. Через каждые два-три километра воинские патрули. Вот, наконец, и Рас-Накура — местечко и горный мыс того же названия. Видны и зеленые невысокие холмы с израильской стороны границы.

От мыса Рас-Накура граница идет на восток, к подножию горы Хермон, или, как называют ее арабы, Джебель аш-Шейх. Там сходятся границы трех стран — Ливана, Сирии и Израиля. Гора выглядит как седовласый исполин, на вершине ее в зимнее и весеннее время лежит снег. От моря вверх поначалу тянутся красивые зеленые долины и холмы. Но дальше на восток ландшафт становится суровее. В центральной части ливано-израильской границы друг другу противостоят две горные цепи, из них ливанская цепь более высокая. Кое-где ливанские населенные пункты, стоящие у

границы, почти смыкаются с израильскими кибуцами по другую ее сторону.

В свое время израильская пропаганда распространяла измышление, будто ливанская граница служит местом для перехода палестинских партизан в Израиль. Это дало повод для сооружения вдоль всей ее линии почти трехметрового забора из колючей проволоки, снабженного сигнальными устройствами. Однако эта нарочитая неприступность границы никогда не мешала израильской военщине нарушать ее столько раз, сколько она хотела. Вдоль всей границы на израильской стороне идет довольно широкое шоссе, приспособленное для переброски танков. Из специальных укрытий там ведется тщательное наблюдение за всяким передвижением по ливанской территории. Если наблюдатель сочтет, что нужно кого-то задержать, то по его сигналу израильский механизированный патруль проезжает в определенном месте через проходы, открываемые в заборе, и перекрывает дорогу, идущую по ливанской земле.

Как-то мне и моим спутникам, еще в «мирное время», пришлось проезжать мимо фруктового сада, расположенного почти у самого забора на израильской стороне. Шла уборка яблок, которой занимались девушки. Кто-то из нас в шутку крикнул: «Эй, девушки, киньте яблочко!» И какая-то девушка, вероятно из эмигранток, говорящих по-русски, неожиданно быстро отреагировала на это, метнув в нашу сторону пару яблок. Но этой забаве был так же быстро положен конец. Из-за деревьев появился какой-то мужчина и пристально посмотрел на девушку. Может быть, что-то сказал. Девушка мгновенно исчезла, затерявшись где-то в гуще деревьев.

Так, передвигаясь вдоль границы, мы приближаемся к деревне Кфар-Шуба. Пожалуй, ни одна деревня не упоминалась так часто в сводках военных действий, как эта. Обязана она этим своему стратегическому положению. Деревня расположена довольно высоко в горах, и с одного склона этих гор просматривается долина, ведущая в глубь Израиля. Многие израильские нападения на ливанскую территорию начинались именно отсюда. Деревня давно полуразрушена, и население несколько раз покидало ее, но затем возвращалось, так как ее жители, как и все крестьяне, очень привязаны к своей земле.

От Кфар-Шубы мы спускаемся вниз, чтобы проехать по местам, где недавно прошли израильские танки, сея смерть и разрушения. Район Аркуба — часть

Южного Ливана, где по каирскому соглашению 1969 года, заключенному между ливанским правительством и руководством Организации освобождения Палестины, разрешено было находиться палестинским отрядам. Еще в конце 60-х годов израильтяне пытались провоцировать тут стычки между частями ливанской армии и отрядами Палестинского сопротивления. Каирское соглашение положило на некоторое время конец этим братоубийственным столкновениям, обеспечив палестинским бойцам проход в район Аркуба и наблюдение за противником в районе границы. А наблюдение такого рода было крайне необходимо, ибо первыми под удары израильтян попадали именно палестинцы. Для палестинцев же это было единственное «окно» на родину. Именно в те годы в районе Аркуба образовалось несколько опорных пунктов палестинцев. Иногда этот район, занимающий территорию в несколько десятков километров, называли еще «Фатах-ленд» по имени крупнейшей политической организации, входящей в Организацию освобождения Палестины. Редкие деревни — Рашайя аль-Фуххар, Шебаа и упоминавшаяся нами, ставшая легендарной Кфар-Шуба — лежат среди суровых гор. На склонах их — хорошо замаскированные военные посты. В небольших домиках и палатках жили и несли свою нелегкую службу палестинские бойцы. Здесь нас встретили радушно как своих друзей. Во время скромных трапез происходили задушевные беседы о мужестве солдат революции. Население района — мусульмане-шииты и кое-где друзья. Палестинцы всегда оказывали им помощь — и в защите от нападений, и в восстановлении разрушенных домов. Тут на краю ливанской земли родилось братское единство ливанцев и палестинцев. Так, в мае 1970 года, когда израильтяне предприняли военное наступление в районе Аркуба, национально-патриотическим силам и палестинским бойцам удалось ценой больших жертв приостановить наступление. В 1972 году оно повторилось и вылилось в агрессию широкого масштаба, с участием нескольких тысяч солдат. Целью ее было не только запугать и ослабить палестинскую революцию, посорить ливанцев с палестинцами, но и добиться эвакуации населения из Южного Ливана, подготовить почву для оккупации в будущем этого района. В одной из деревень, где мне пришлось проезжать после этой агрессии, я видел подбитый ливанский танк, экипаж которого расстрелял весь свой боезапас, пытаясь задержать продвижение израильской бронеколонны, двигавшейся по горному шоссе в глубь ливанской территории. Он подбил нес-

колько вражеских бронетранспортеров, прежде чем сам не был поражен израильским снарядом. Жители рассказывали, что был подбит и тяжелый израильский танк «Центурион». Именно в ходе этих боев ливанские солдаты почувствовали, что они в состоянии противостоять агрессии.

Когда мы отправились в обратный путь, в горах уже смеркалось, нужно было успеть до наступления темноты выехать на большую дорогу и, что не менее важно, выбраться из этого района, ибо по вечерам начинались систематические артиллерийские обстрелы дорог и населенных пунктов. Мы не обманулись: когда подъезжали к шоссе, ведущему в город Набатию, позади нас послышались первые разрывы канонады. Эхо этих разрывов еще долго сопровождало нас.

У въезда в город Сайда на глаза попадает полустертый дорожный плакат «Приветствуем вас в Южном Ливане» — напоминание о прошедших лучших временах, отзывающемся в душе чувством горечи. Среди жидких деревьев на берегу моря разбит палаточный городок беженцев. Десятки, сотни людей бродят здесь словно потерянные. На пристани и на причалах сейчас немногочленно: рыбаки, обычно спящие здесь около своих лодок, и жители города опасаются появления с моря израильских военных катеров, нередко совершающих налеты на город и обстреливающих его прибрежные районы.

Сайда — довольно крупный торговый и промышленный центр, город рыболовов и табачников. Сюда стекаются товары и продукты, производимые во всем Южном Ливане. Современный город, вытянувшийся вдоль шоссе, идущего из Бейрута на юг, напоминает другие приморские города Ливана. Это третий по численности населения населенный пункт страны, в нем более ста тысяч жителей.

Сайда — древний город-порт, в свое время один из главных городов на побережье Финикии, славившихся своими торговыми традициями. На одном из саркофогов, обнаруженных там во время раскопок и попавших в Бейрутский национальный музей, изображено древнее парусное судно, очевидно, как символ одного из главных занятий граждан города. Свою портовую славу сохраняет Сайда и по сей день, хотя ее порт не идет ни в какое сравнение с бейрутским. Внешне он сохранил гораздо больше черт старинного портового города. На неглубоком рейде стоят небольшие суда и баркасы, лодки и катера. По просторной набережной, вытянувшейся вдоль берега, грузчики катят бочки и укладывают

ют их в штабеля, тут же сложены мешки с какими-то товарами, ящики с рыбой, корзины с фруктами и помидорами. Повсюду запахи моря. Вдоль набережной — старинные здания, некоторые из них еще средневековой постройки, башенки минаретов и мечети, сверкающие зеленью куполов.

Одиноко стоит на небольшом островке, соединенном с сушей каменным мостом, старинная крепость. Она была сооружена крестоносцами в XIII веке для защиты порта от нападений. При строительстве ее наружных стен использовались колонны и камни древнеримских храмов, находившихся тут же. Сейчас от нее остались две башни, связанные одной стеной. Когда-то крепость была очень красива, но затем разрушена по приказу египетских султанов мамлюков, чтобы помешать в дальнейшем крестоносцам укрепиться на побережье. Досталось ей и во время обстрела англо-французским флотом в прошлом веке. Как и другие финикийские города, Сайда славилась в древности своим некрополем, однако в XIX веке он был разворован теми, кто незаконно занимался раскопками! И поэтому большинство произведений искусства, обнаруженных там, находится в настоящее время в музеях Европы. Как в самой Сайде, так и в ее окрестностях можно увидеть ряд других замков, оставшихся со времен крестовых походов. Один из них Бофор — мощная крепость с высокими и толстыми стенами и глубокими подземными помещениями. Эта крепость в последние годы используется национально-патриотическими силами Ливана как опорный пункт обороны. Из нее открывается широкий обзор всей окружающей местности. Видны цепи гор и долины, уходящие к городу Марджаюн и дальше к израильской границе. Сквозь амбразуры толстых средневековых стен смотрят на юг пулеметы и орудия этой до сих пор неприступной крепости.

И снова мы на дороге, ведущей к Суру. Навстречу несутся зеленые кущи банановых рощ, апельсиновых и лимонных деревьев. Проезжаем через несколько разрушенных поселков. Жители покинули их. Стоят неубранные сады, созревшие плоды опали и ярко-оранжевым ковром покрывают землю. На улице валяются разбитые ящики, повозки и неубранные трупы лошадей. Вдалеке в сизой дымке вырисовываются многоэтажные дома Сура. Кажется, что он стоит нетронутым, таким же, как он предстал всегда раньше, когда мы приезжали сюда, чтобы познакомиться с древней историей этого города.

А история эта, уже упоминавшаяся нами, весьма

богата событиями. Ведь Тир был одним из главных финикийских городов, прославившихся торговлей и мореходством. Еще за несколько веков до нашей эры тиряне колонизовали остров Сицилия и северное побережье Африки, где возникли такие известные финикийские поселения, как Карфаген. В свою очередь иноземные завоеватели не раз разрушали Тир. Но некоторые постройки древности дошли до наших дней. Так, сохранились остатки римских храмов с богатой колоннадой и ипподром II века нашей эры, на котором могло собираться до двадцати тысяч зрителей. На берегу моря, на окраине современного города, видны ряды бывших греческих храмов.

Не повезло Суру и в наши дни. Расположенный близко от израильской границы, он стал постоянным объектом нападения со стороны агрессивного соседа. И та картина, которая издавна рисовалась нам при подъезде к городу, оказалась миражом. Обочины дорог были завалены сгоревшими остовами автомашин, искореженными металлическими телефонными столбами, сами дома оказались обезображенными черными подпалинами и выбоинами. Из населения города, насчитывавшего в мирное время сорок тысяч человек, осталось всего три-четыре тысячи. Въезжаем в центральную, портовую часть города. Площадь, на которую рыбаки вытаскивали для просушки и ремонта свои баркасы, разворочена ракетами, выпущенными с израильских самолетов. Здание морского вокзала и ближайшие к нему жилые дома полуразрушены.

Около нас собирается несколько человек из числа местных жителей, рыбаков, которые хотят рассказать нам о том, что произошло, поделиться своими переживаниями.

— У меня была всего одна лодка, на которой я ходил в море. То, что я вылавливал и продавал, нам едва хватало, чтобы прокормить семью. Когда израильские снаряды обрушились на порт, то среди разбитых лодок оказалась и моя. Всего в тот день в порту было уничтожено шестнадцать рыбацких барок,— рассказывает нам один из рыбаков.

— На старом базаре, вот тут, около порта, сидело несколько человек и мирно беседовало. Разорвался израильский снаряд, и семь из десяти были убиты,— говорит другой очевидец.

— А мы жили в убежище несколько дней, потому что боялись выходить на улицу. Не хватало пищи, иногда даже воды. Израильтяне беспощадно обстреливали город и порт. Только ночью мы позволяли себе

вылезти и глотнуть свежего воздуха, — делится воспоминаниями третий участник нашей беседы.

Но вот появляется наш сопровождающий, Ахмед, и мы направляемся в штаб одного из отрядов патриотических сил, несущих оборону города. Все улицы, по которым мы проезжаем на автомашинах, пустынные. Но на главных перекрестках находятся вооруженные посты бойцов национально-патриотических сил и палестинцев, совместно защищающих подступы к городу. Наконец мы у цели. Штаб размещается в первом этаже дома, в котором раньше была, наверное, школа. Проходим по коридорам, вдоль стен которых на матрасах и даже на санитарных носилках отдыхают бойцы. Вид у них утомленный, они всю ночь провели на передовой, что проходит в нескольких километрах от города. Входим в небольшую комнату, где находится начальник гарнизона. Он сидит, склонившись за столом при свете газовой лампы, и беспокойно теребит рукой свою курчавую шевелюру. Перед ним на столе небольшая карта местности.

— Вот отсюда, — говорит он, показывая на карту, — израильские агрессоры начали атаку с применением всех видов оружия. С суши ударила артиллерия, с моря обстрел вели корабли и катера. После огневой подготовки двинулись танки. Несмотря на большой перевес сил у противника, нам удалось его остановить. Один за другим с помощью ручных противотанковых гранат и противотанковых ружей были подбиты три танка.

Это сражение происходило на южных подступах к городу. А на северо-востоке в то же время враги попытались высадить морской десант, тем более что побережье здесь песчаное, удобное как для причаливания катеров, так и для продвижения десантников. Целью налета было перерезать дорогу, ведущую к городу. Но этого им сделать не удалось. Натолкнувшись на сильный заградительный огонь из пулеметов и автоматов, они вынуждены были отступить.

Воспользовавшись затишьем, мы отправились в находящийся неподалеку от Сура лагерь палестинских беженцев Рашидийя. Путь недолог. Вскоре глазам предстает полностью вымерший лагерь. Стоят пустые коробки домов, кое-где вокруг них зеленеют деревья, тянутся виноградные лозы. Раскрыты калитки и двери домов. Из двенадцати тысяч беженцев, ранее населявших лагерь, мы увидели только трех. Пожилого мужчину в типичной арабской одежде, стоявшего около небольшой мечети, и у одного из домиков старуху и

мальчика. Мужчина и старуха решили, несмотря ни на что, доживать здесь свой век.

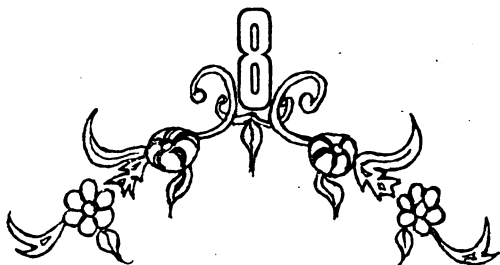
Идущий впереди нас с группой бойцов Ахмед приглашает журналистов зайти во дворик небольшого дома. Здесь у невысокого каменного пристенка поблескивают на солнце металлические корпуса пятисотфунтовых ракет израильских ВВС, которые почему-то не разорвались. Сохранились и надписи на них, говорящие о том, что они сделаны в США и что год их производства 1973-й. Такие ракеты использовались против гражданского населения городов и беженцев палестинских лагерей.

Из Рашидии направляемся в город Набатию. Довольно широкая асфальтированная дорога петляет по отрогам гор Ливанского хребта, постепенно поднимаясь вверх. Мы движемся на юго-восток, севернее реки Литани. Река эта, начинающаяся в горах северного Ливана и спускающаяся на юг, выглядит совсем небольшой, ширина ее всего два-три десятка метров. Летом она сильно пересыхает, а сейчас, весной, спокойно катит свои воды в море. У нас таких рек великое множество, и мы не всегда обращаем на них внимание. Но здесь, где каждая капля воды чуть ли не на вес золота, мимо нее нельзя проехать равнодушно.

Вскоре из-за поворота дороги показываются первые строения Набатии. Раньше этот город со смешанным христианско-мусульманским населением встречал приезжего перезвоном колоколов церквей, молитвами муэдзинов, раздававшимися с высоких минаретов, будничной деловой жизнью.

Когда мы на этот раз въезжаем в Набатию, город, в котором ранее проживало тридцать тысяч человек, казался призраком. Большинство домов стояло пустыми. Лишь кое-где в окошках был виден огонек фонаря. Быстро, как и во всех южных странах, наступили сумерки. Несмотря на то что объявлено прекращение огня, город систематически подвергается обстрелам израильской артиллерии и минометов, расположенных в нескольких километрах от него. Ехать по улицам с зажженными фарами нельзя. Мы вынуждены оставить машины и пробираемся дальше пешком.

Таковым предстал передо мной Южный Ливан в этой поездке — территория и люди, судьба которых еще не раз будет волновать мир.

Как проверяется дружба

Ливанцы, как и большинство арабов, народ от природы радушный. Это заметно, в частности, в том, как обслуживают здесь покупателя: вежливо, обходительно и быстро. Если нет нужного товара в лавке, тут же принесут из той, где он есть. Если сделка идет на лад, вам предложат и бутылку прохладительного напитка, и чашечку кофе. Нередко можно встретить продавца, смело вплетающего в интернациональный говор базара русские фразы, а иногда и прилично говорящего по-русски. В пестроте вывесок в торговых рядах наш приятно пораженный соотечественник непременно выделит названия таких магазинов, как «Пушкин» или «Одесса». Однако вряд ли эти аксессуары малого бизнеса и подкупающая предупредительность есть истинное выражение глубоких чувств.

Между народами наших двух стран действительно существуют глубокие, укрепляющиеся на протяжении десятилетий узы дружбы. Начать хотя бы с того, что Советский Союз всегда выступал в поддержку освободительной борьбы ливанского народа против французского мандатного управления, защищал еще в феврале 1946 года на заседании Совета Безопасности ООН права ливанского и сирийского народов. В период становления ливанского государства, в годы его мирного развития, а затем и в годы империалистического вмешательства, прямой израильской агрессии и внутреннего гражданского конфликта Советский Союз последовательно продолжает выступать в защиту целостности, суверенитета и независимости этой страны.

У ливанского народа есть свои глашатаи дружбы с советским народом. Одним из них еще в 50—60-х годах был видный ливанский архитектор, крупный общественный деятель Антуан Табет. Один из первых председателей ливанского Общества друзей СССР, член Президи-

ума Всемирного Совета Мира, он в 1961 году был награжден международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». После Антуана Табета международной Ленинской премии мира был удостоен другой выдающийся общественный деятель — председатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана Камаль Джумблат. Ему принадлежит особая заслуга в укреплении и развитии дружбы между двумя нашими народами. В тот день, осенью 1972 года, когда академик Блохин вручал ему Ленинскую премию в крупнейшем публичном зале ливанской столицы — зале ЮНЕСКО, на прилегающих улицах собрались тысячи людей. Все, что происходило в зале, транслировалось через репродукторы на улицу, чтобы могли услышать все собравшиеся. На сцене кумачовые знамена и приветственные лозунги в честь дружбы двух народов. Эмблема Прогрессивно-социалистической партии — кирка, серп и перо, а эмблема коммунистов — серп и молот. Уже многие годы обе партии выступают единым фронтом.

Выступая в тот памятный день, Камаль Джумблат призывал крепить дружбу и сотрудничество с Советским Союзом — верной опорой арабских народов в борьбе за свои права. «Это награда, — говорил он о присуждении ему премии, — не только мне, но и ливанскому народу, борьба которого является неотъемлемой частью борьбы всех арабских народов».

Заслуги К. Джумבלата были тем более высоки, что он сумел с молодых лет порвать с идеологией класса, к которому принадлежало его семейство, — класса друзских феодалов, крупных земельных собственников, стать в передовые ряды борцов за счастье своего народа.

Мне приходилось бывать в его родовом имени Мухтара, находящемся высоко в горах, примерно в часе езды на юг от ливанской столицы. Большая каменная лестница старинного замка Джумблатов ведет в верхний зал. Еще не так давно, когда приезжали знатные посетители, по краям парадной лестницы устраивались друзские воины, скрещивавшие сабли над головами гостей. Мухтара — это главный центр ливанских друзов, их цитадель. Здесь Камаль Джумблат любил принимать своих гостей и друзей, уединяться в часы отдыха и раздумий. Перед замком устраивались грандиозные народные митинги и празднества. Вся жизнь Джумבלата прошла в борьбе. Именно поэтому ливанские прогрессивные силы каждый год отмечают день его смерти как день памяти национального бор-

ца, отдавшего жизнь за лучшее будущее своего народа.

Дело укрепления ливано-советской дружбы продолжают ее многочисленные сторонники. В Ливане уже много лет действует Общество дружбы Ливан—СССР, насчитывающее тысячи членов и имеющее свои отделения в крупнейших городах страны, а иногда и в небольших селениях.

Ливанцы испытывают чувство признательности к Советскому Союзу за проводимую им последовательную политику, направленную на достижение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, за обеспечение суверенитета, национального единства и территориальной целостности Ливана.

К числу ведущих политических деятелей—поборников дружбы с Советским Союзом относится и бывший премьер-министр Ливана Рашид Караме, девять раз занимавший этот пост на протяжении последних двадцати лет. При частных встречах с советскими людьми, в интервью журналистам и с высокой трибуны он неоднократно отмечал ту роль, которую наше государство играет в укреплении независимости арабских стран. Умение быть принципиальным и отстаивать свои взгляды в любой сложной ситуации снискало ему заслуженную популярность среди многих ливанцев. Земляк Рашида Караме из города Триполи и видный ливанский врач, депутат парламента Хашем Хусейни вот уже много лет возглавляет общество дружбы «Ливан—СССР». Хашем Хусейни продолжает лучшие традиции, заложенные в фундамент этой дружбы Антуаном Табетом и Камалем Джумблатом.

В центре ливанской столицы стоит дом, в котором дух дружбы, связывающий два народа—советский и ливанский, ощущается особенно сильно. Здесь расположен Советский культурный центр. Ежедневно в часы его работы сюда приходят люди, интересующиеся Советским Союзом. Всевозможные экспозиции, в том числе выставки художников, регулярные просмотры наших кинокартин, диспуты, конференции, семинары, конкурсы на лучшее знание СССР—таков разнообразный круг мероприятий, проводимых Центром. Тут постоянно действуют библиотека советской литературы и курсы русского языка, на которых ежегодно занимаются по сто—сто пятьдесят человек. Часто выпускники курсов продолжают свою учебу в Стране Советов.

В многоязычном Ливане немало людей, знающих и по-настоящему любящих русский язык. Среди них можно встретить и маститого писателя, познакомивше-

гося с нашим языком еще в дореволюционные годы, как, например, классик ливанской литературы Михаил Нуайме, и архимандрита антиохийской православной церкви Нифонта, получившего образование в Загорской духовной академии, и молодого специалиста, окончившего советский вуз и свободно изъясняющегося по-русски на сложную философскую или техническую тему.

О Михаиле Нуайме, с которым мне посчастливилось беседовать, хочется рассказать подробнее. Становление этого крупного ливанского писателя, которому сейчас уже за девяносто лет, тесно связано с историей нашей страны. Еще юношей в начале века он был направлен Российским палестинским обществом на учебу в Полтавскую духовную семинарию, где учился с 1906 по 1911 год и где за участие в студенческом движении был даже на некоторое время отстранен от учебы. В то время он увлекался поэзией и сам начал писать стихи. Одно из его стихотворений этого периода называется «Замерзшая река», в нем автор пророчески воспел образ России, охваченной революционным порывом. На дальнейшее совершенствование его мастерства глубокое влияние оказали великие русские писатели. Так, одно из произведений Нуайме, опубликованное в 1918 году, называлось «Отцы и дети». В крупнейшем романе позднего периода — биографической трилогии «70 лет» — также много места уделено России, русским писателям, которым он многим был обязан. Михаил Нуайме не только хорошо говорит по-русски, любит русские и украинские песни, но и прекрасно переводит с русского на арабский язык. В 20-х годах ему пришлось провести несколько лет в Соединенных Штатах. По возвращении на родину он написал книгу «Далеко от Москвы и Вашингтона», где, рассказывая о своей жизни на фоне происходивших событий, он как бы сравнивает годы, проведенные в России и в Америке. И общий тон его повествования не оставляет сомнений в том, на чьей стороне остаются его симпатии. Нуайме — почетный председатель ливанской Ассоциации выпускников советских вузов.

Дружеские связи в литературе двух стран продолжают и молодые последователи М. Нуайме. К их числу принадлежит поэт Мишель Сулейман, работающий над выпуском антологии советской поэзии. В Ливане существует издательство «Дар аль-Фараби», занимающееся изданием на арабском языке русской и советской литературы, а также распространением через специальные магазины советских книг.

Интерес к Советскому Союзу в Ливане велик, и рамки его отнюдь не ограничиваются кругом литературных интересов. Он преломляется в творчестве ливанских художников, графиков, скульпторов. Примечательным событием в 1977 году стала, например, выставка ливанских художников, устроенная в Советском культурном центре и посвященная 60-летию Октября. Отчетливо запечатлелась в памяти картина ливанского художника Муса Тыба «Человек-Солнце». На фоне огромного оранжевого диска солнца — человек, распростерший свои руки и как бы несущий солнце. Герой картины сродни горьковскому Данко. Внизу полотна изображены народы, тянущиеся к свету вослед Человеку-Солнцу. Мне пришлось побеседовать с художником о замысле его картины. Фигура Человека-Солнца олицетворяет тягу к идеям Октября, осветившим путь к счастью всем обездоленным на земле. Муса Тыба — известный художник, его выставки экспонировались в различных странах, и он мечтает побывать в Советском Союзе, чтобы своими глазами увидеть нашу страну.

Картина другого талантливого художника и скульптора, Назима Ирани, называется «Думы о России». Своеобразна ее подача — фигура художника с мольбертом, а перед ним его картина. На голубом фоне аллегорическое изображение революции в виде огненного всадника на огненном коне. Художник — выпускник Строгановского училища в Москве. Нелегко сложилась его судьба. Вернувшись на родину, он долгое время не мог найти работу. Потом устроился учителем рисования в одну из школ в христианском районе. Постепенно скопил немного денег и открыл свою студию, которая в годы гражданской войны была разграблена и опустошена фалангистами.

Особенно запомнился на выставке написанный углем строгий портрет Ленина и надпись: «Великому вождю Октября и основателю Советского государства от художника-друга». На портрете нет подписи автора. Он предпочел остаться неизвестным, и его можно понять: в годы войны он мог бы поплатиться за это жизнью. Но инкогнито отнюдь не умаляет его гражданского мужества.

Мужество героического народа Ливана — страны «у врат Востока» вызывает истинную симпатию и находит поддержку многих государств и прогрессивных сил мира. Хочется верить, что настанет день, когда на этой «горячей точке» планеты восторжествует справедливый мир.

Содержание

О чем поведала «Скала визитных карточек»	5
Что за народ ливанцы?	10
На север в Библос—древнюю колыбель цивилизации	28
На восток—в долину Бекаа и к мраморным колоннам Баальбека	40
Многоликий Бейрут	57
Дни и ночи гражданской войны	76
В Южном Ливане	95
Как проверяется дружба	105

В69 **Вольнов Л. Л.**
У врат Востока: Очерки о Ливане.— М.: Мысль,
1982.— 110 с., 24 л. ил., 1 л. карт.
1 р. 20 к.

Автор—журналист, много лет работавший в Ливанской Республике,— рассказывает о современном облике Ливана—о его природе, обычаях и образе жизни населения, о многовековой истории страны, о мужественной борьбе ливанского народа за свободу и независимость.

В 1905020000-117 139-82
004(01)-82

ББК 26.89(5Ли)
91(И5)

Работа над книгой закончена в мае 1982 г.

56278-10.89
51229-10.89.

Леонид Леонидович Вольнов
У ВРАТ ВОСТОКА
Очерки о Ливане

Заведующая редакцией **Е. В. Лаврентьева**
Редактор **Д. Н. Костинский**
Младший редактор **В. А. Мартынова**
Редактор карт **Л. И. Ольшанская**
Оформление художника **Е. М. Омеляновской**
Художественный редактор **С. М. Полесицкая**
Технический редактор **В. Н. Корнилова**
Корректор **И. В. Равич-Щербо**

ИБ № 2039.

Сдано в набор 05.04.82. Подписано в печать 16.08.82. А 04867. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «таймс». Печать высокая. Условных печатных листов 8,4 с вкл. Учетно-издательских листов 9,27 с вкл. Усл. кр.-отт. 16,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 119. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54. Валуевская, 28.

1

Мемориальная доска
на Скале визитных карточек
с надписью о том, что 31 декабря 1946 г.
землю Ливана покинул последний французский
солдат

2, 3, 4

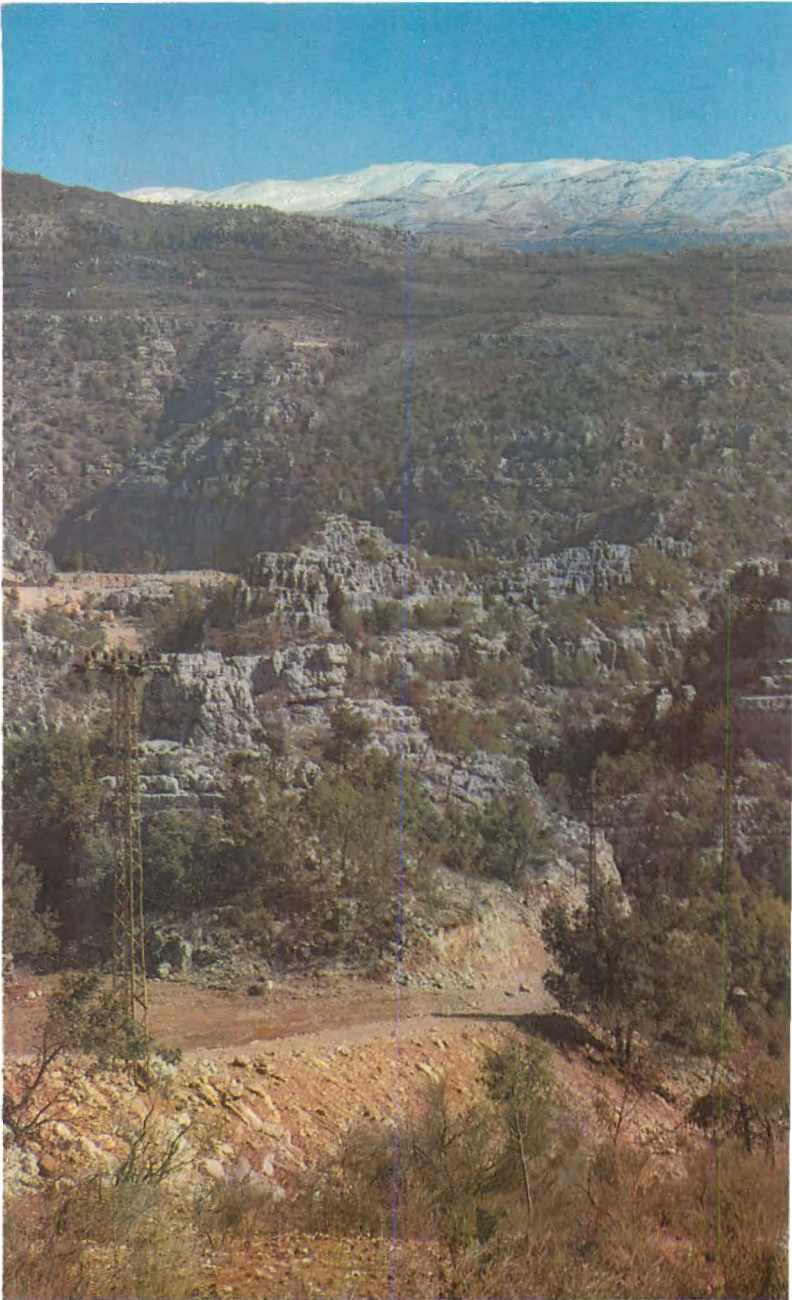
Прежде чем показать, каким живописным был Ливан в недавнем прошлом, мы помещаем три фотографии, присланные в июне 1982 г. из пылающего Бейрута, показывающие, во что превратилась эта цветущая страна в результате наглой агрессии, учиненной израильскими захватчиками.

В руины превращены города Ливана. От некогда величественных зданий Западного Бейрута остались лишь искореженные, закопченные обломки стен.

Охваченная ужасом от грохота разрывающихся снарядов, молодая ливанка, прижав к груди ребенка, бежит в укрытие.

6

На обочине дороги
крестьяне предлагают проезжим
плоды своих трудов — фрукты

7

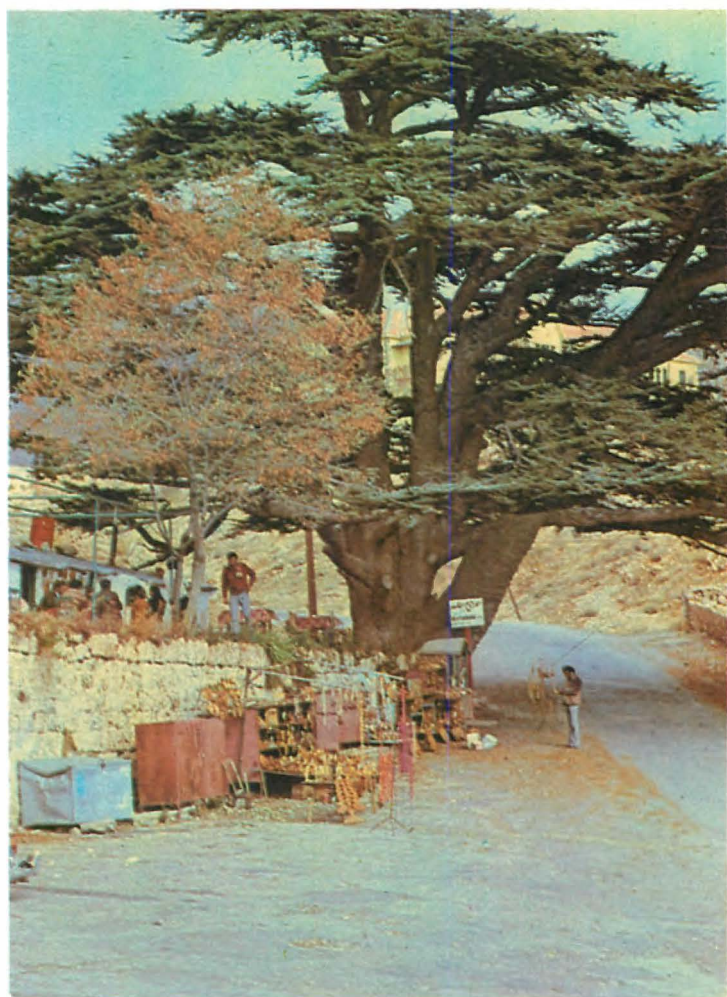
Роща сосен рядом с бесплодными выступами
горных пород

8

На горизонте — горные вершины, покрытые снегом

5
Ливанский кедр

9

Пейзаж к северу от Бейрута

10

Живописное горное ущелье

11

Начало ноября. В горах выпал снег,
а в долинах созревают фруктовые деревья

12

Пастбище в высокогорной
части Ливана

13

Долина Бекаа. Поля кукурузы

14

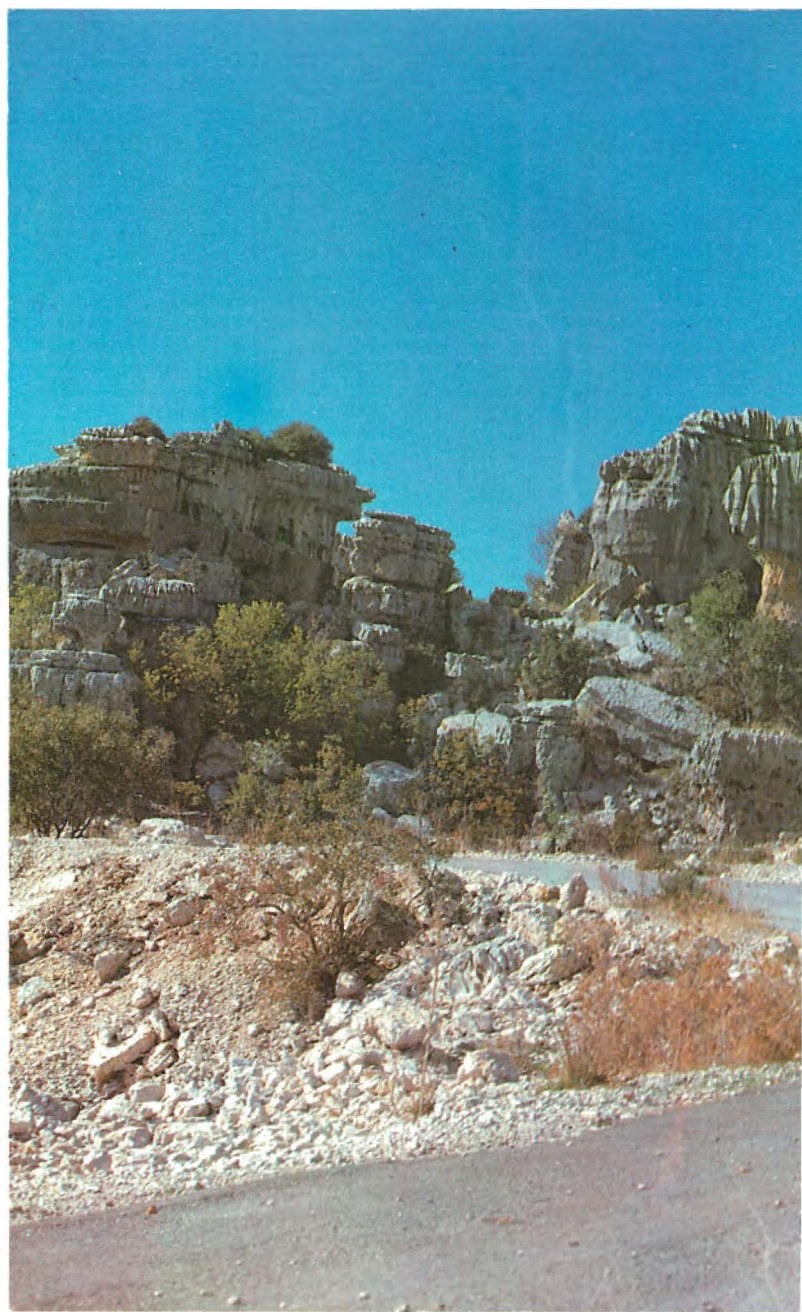
Горные террасы используются под плантации

15

«Горный замок» — результат эрозии

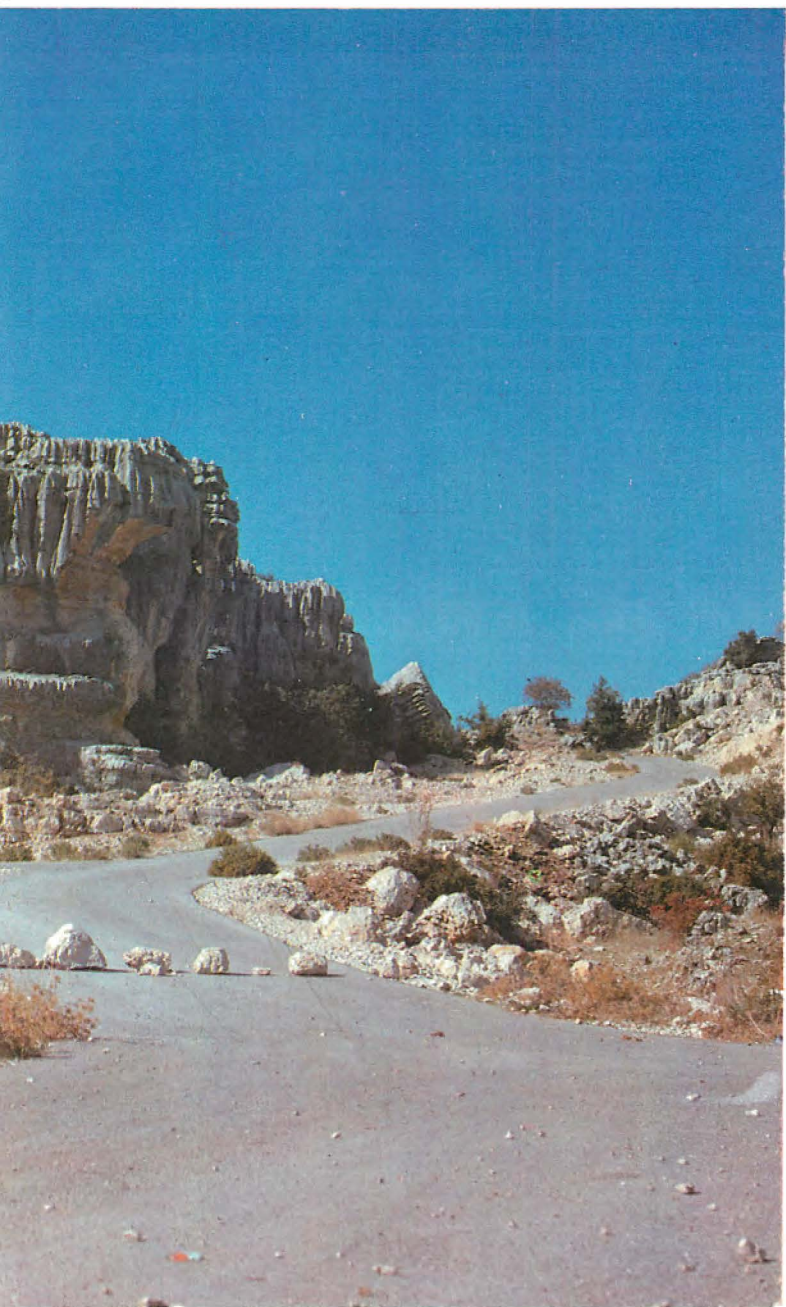

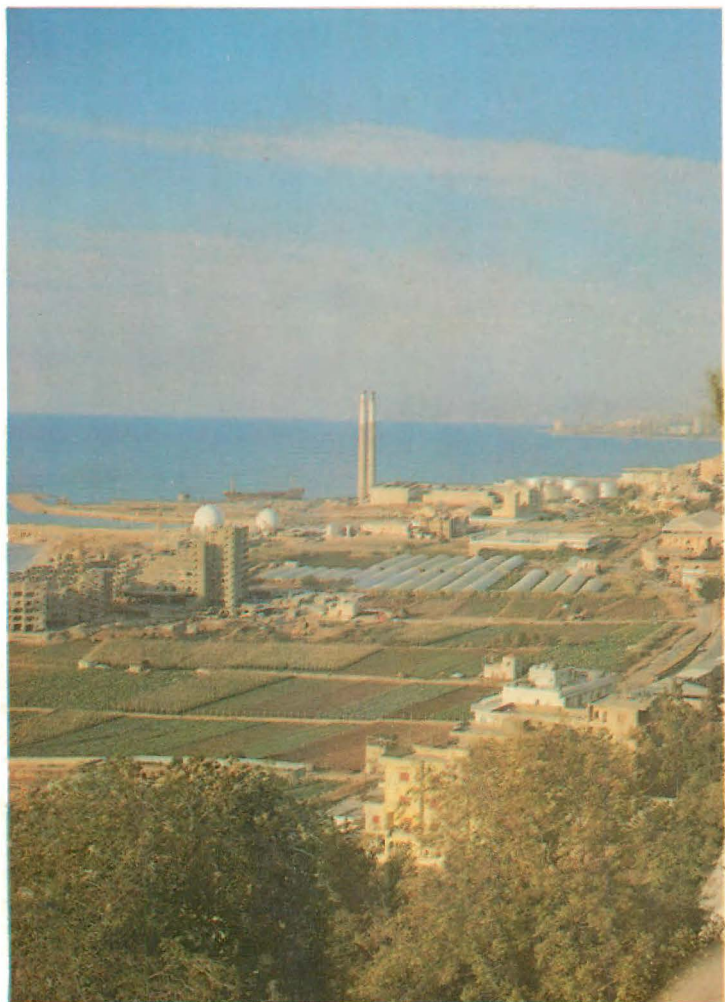

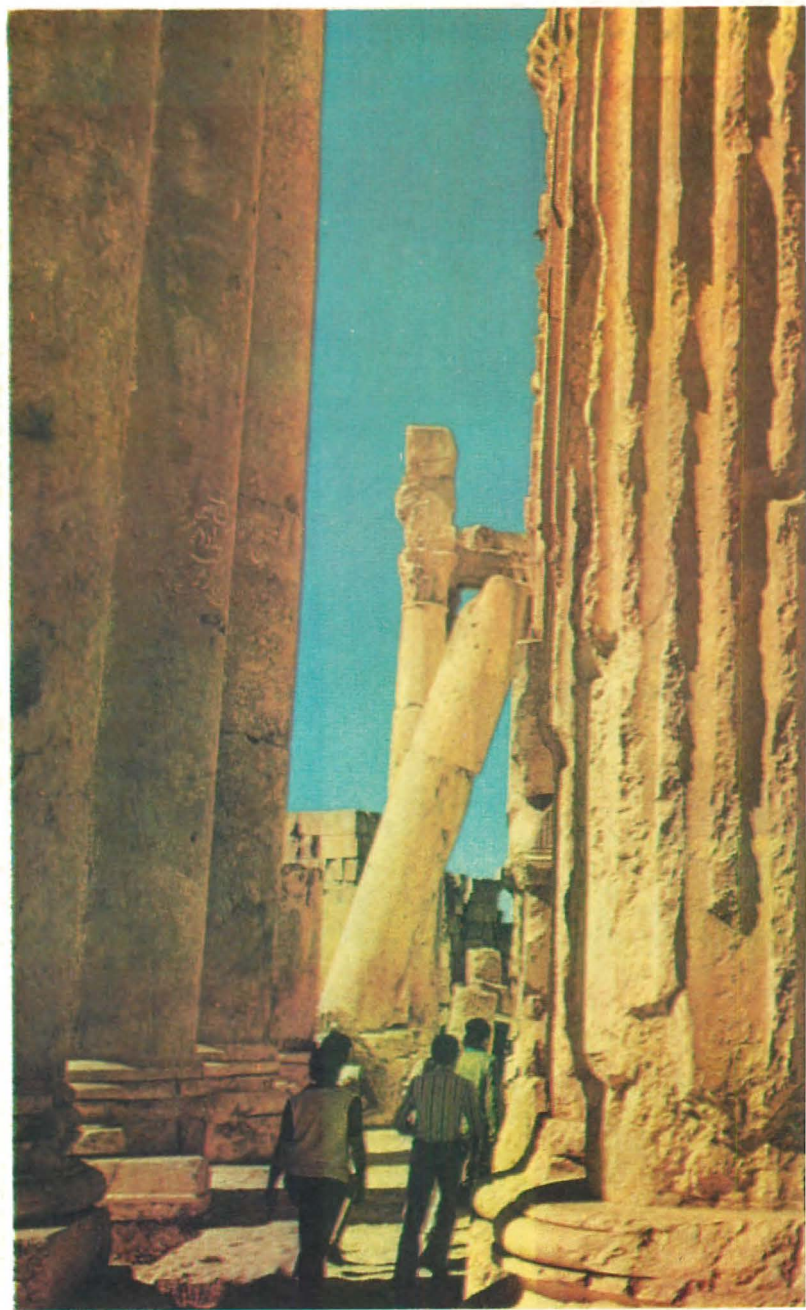

17
Город Джуния

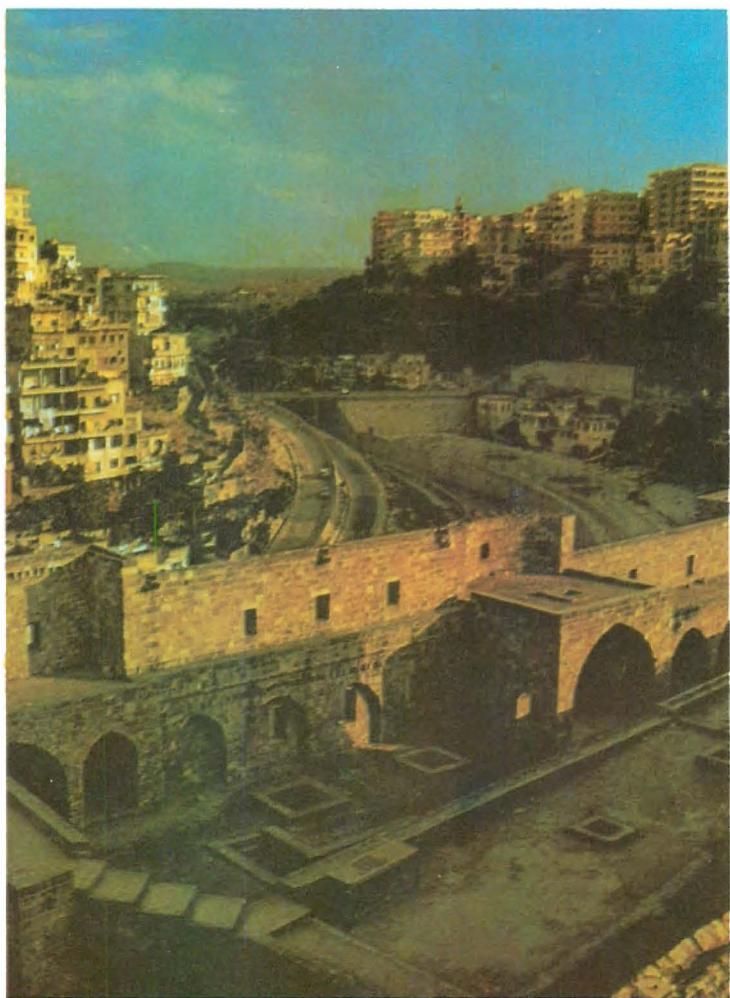
18
Величественные руины Баальбека

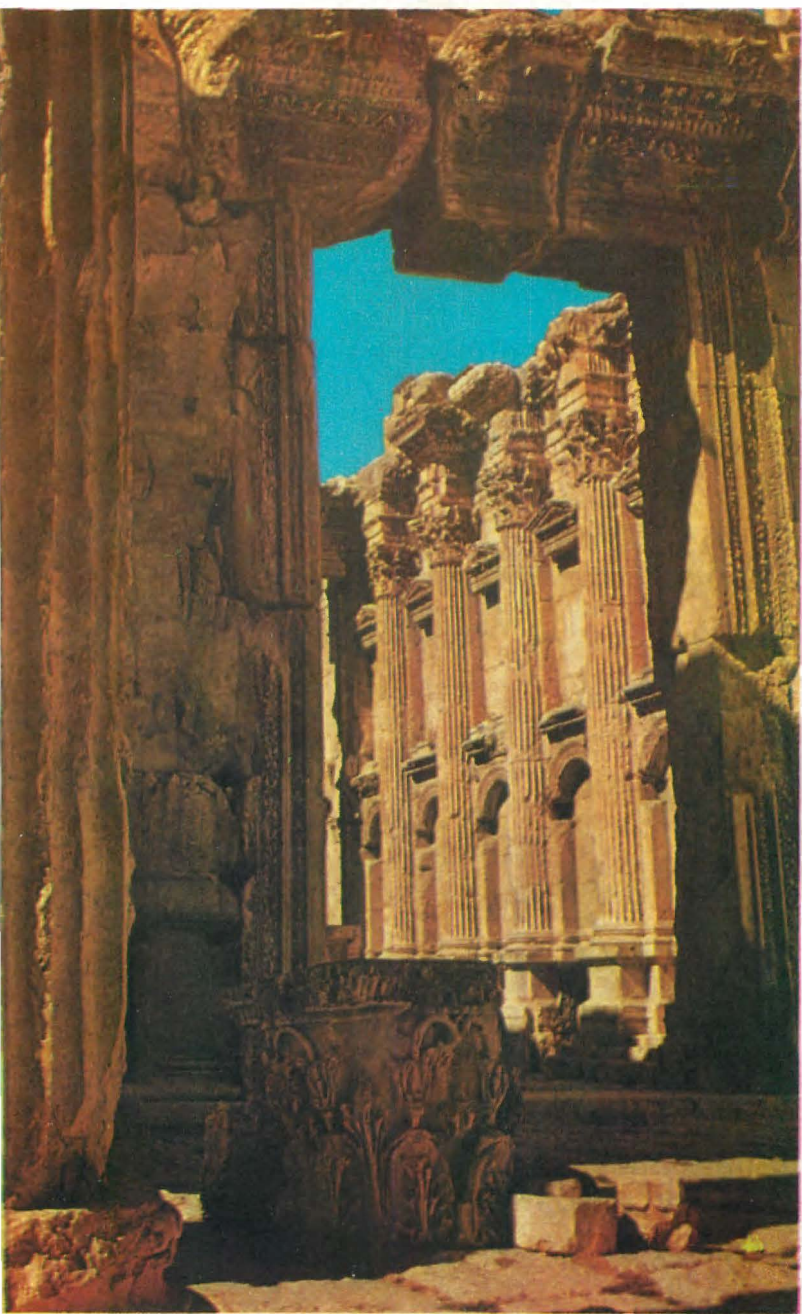

19
Город Триполи.
Вид из цитадели, построенной
в XII в.

20
Крытый рынок в Триполи

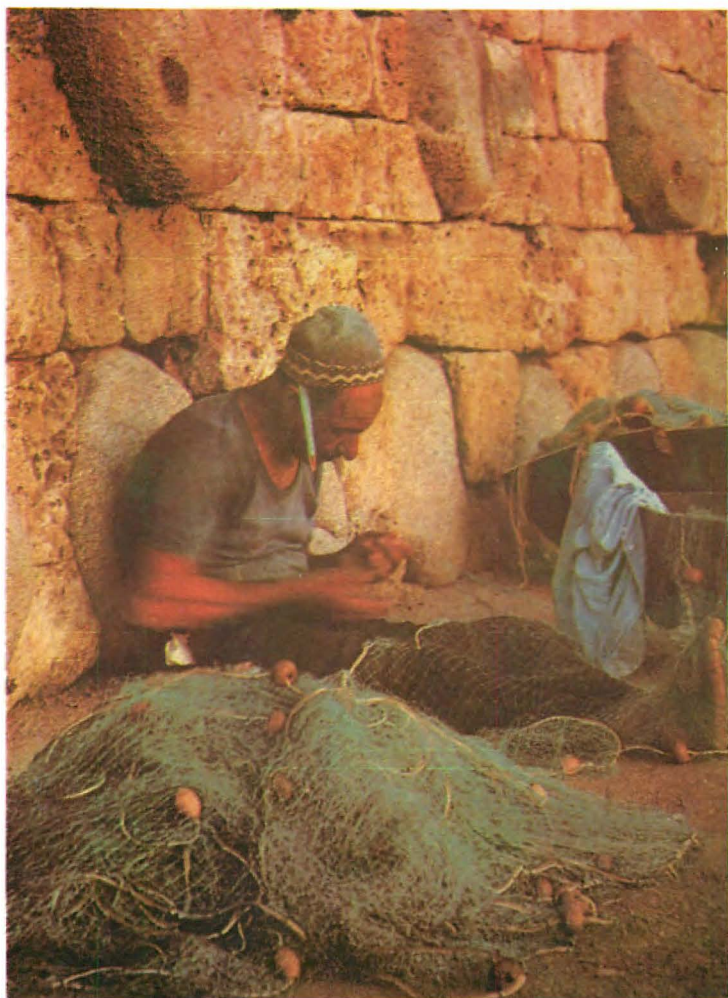

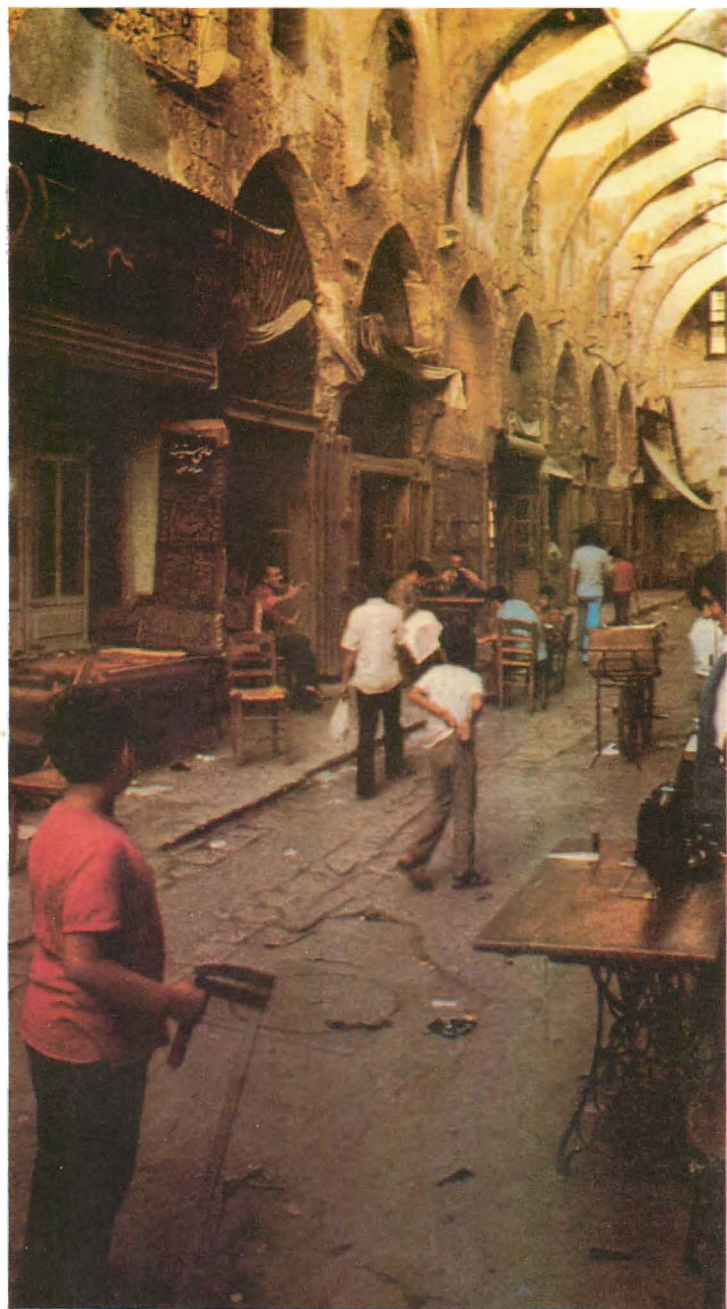

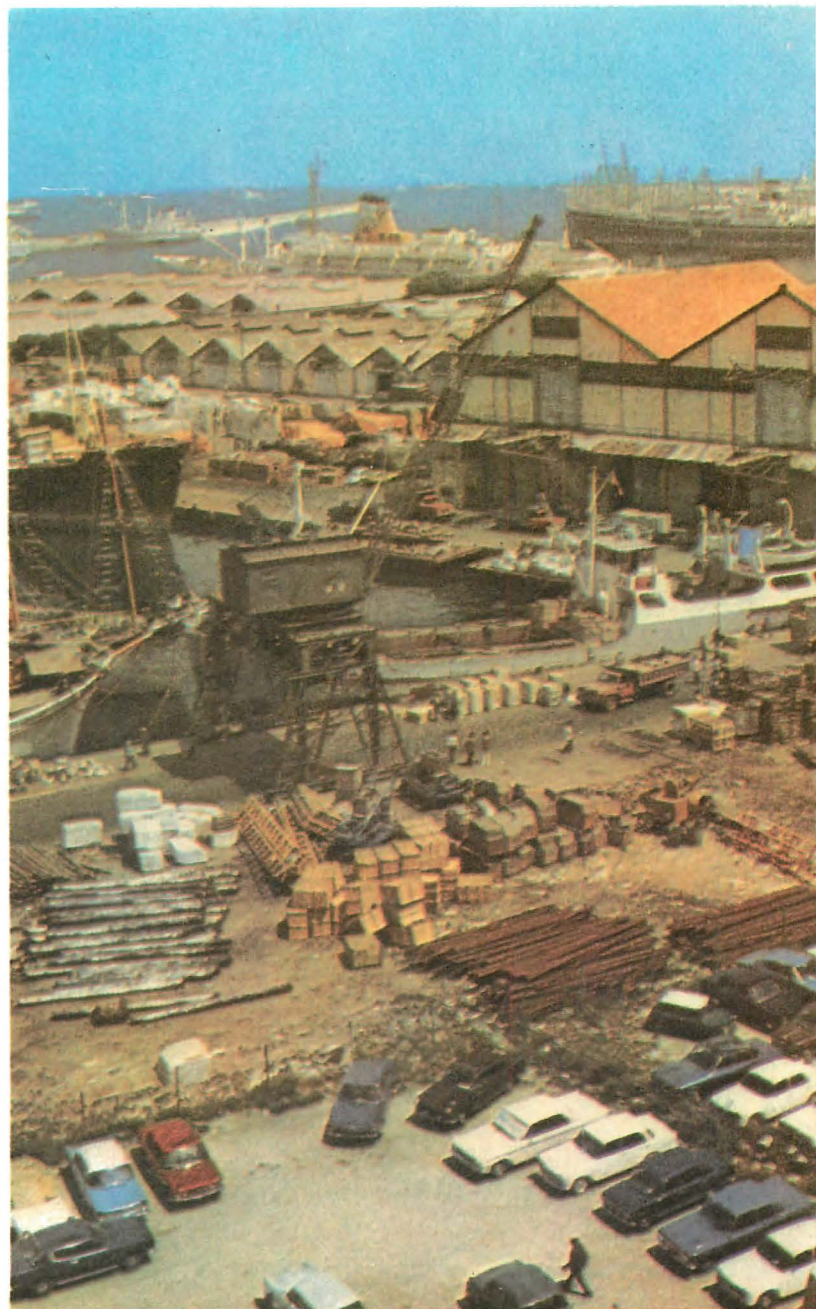
21
Рыбак из Джубейля
за починкой рыболовной сети

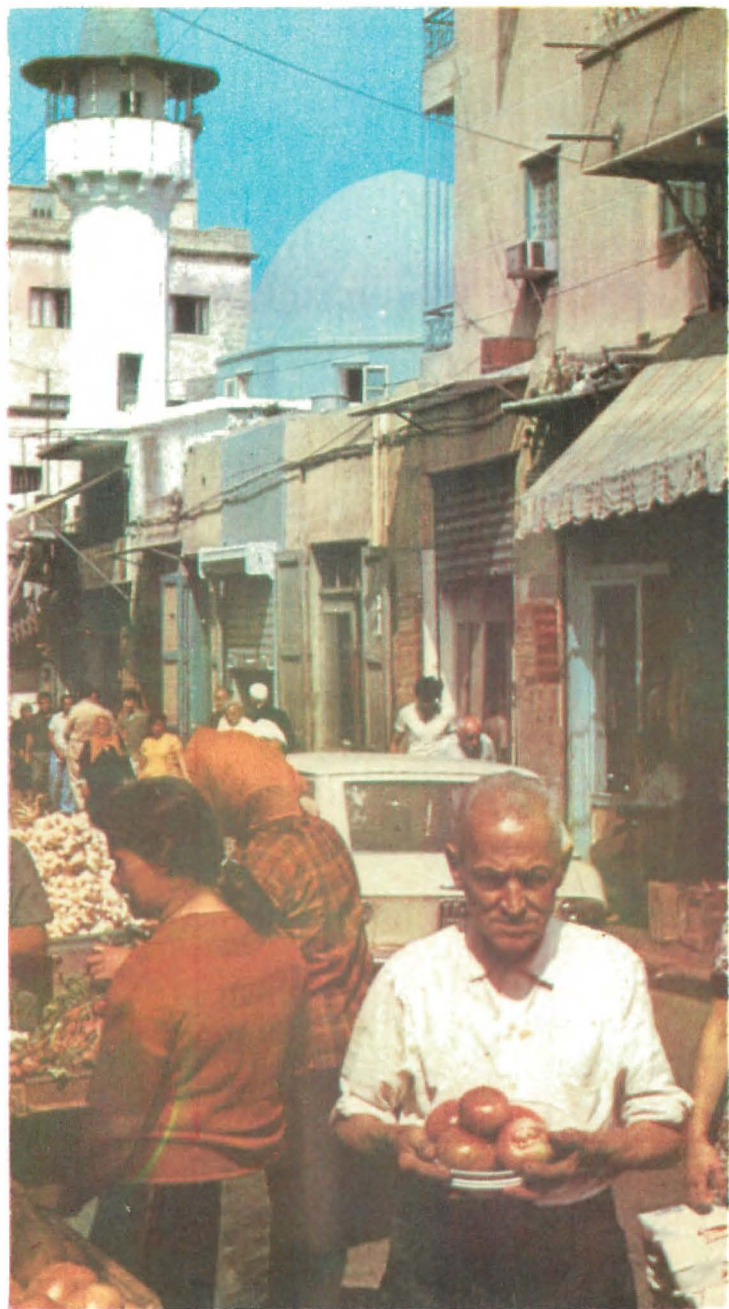
22
Южноливанский город Сайда.
Торговая улица

23
Бейрутский порт

24
Старинная мечеть,
построенная в 1291 г. в Бейруте

25
Одно из зданий Бейрута
в мавританском стиле

26
Панорама западной, приморской части Бейрута

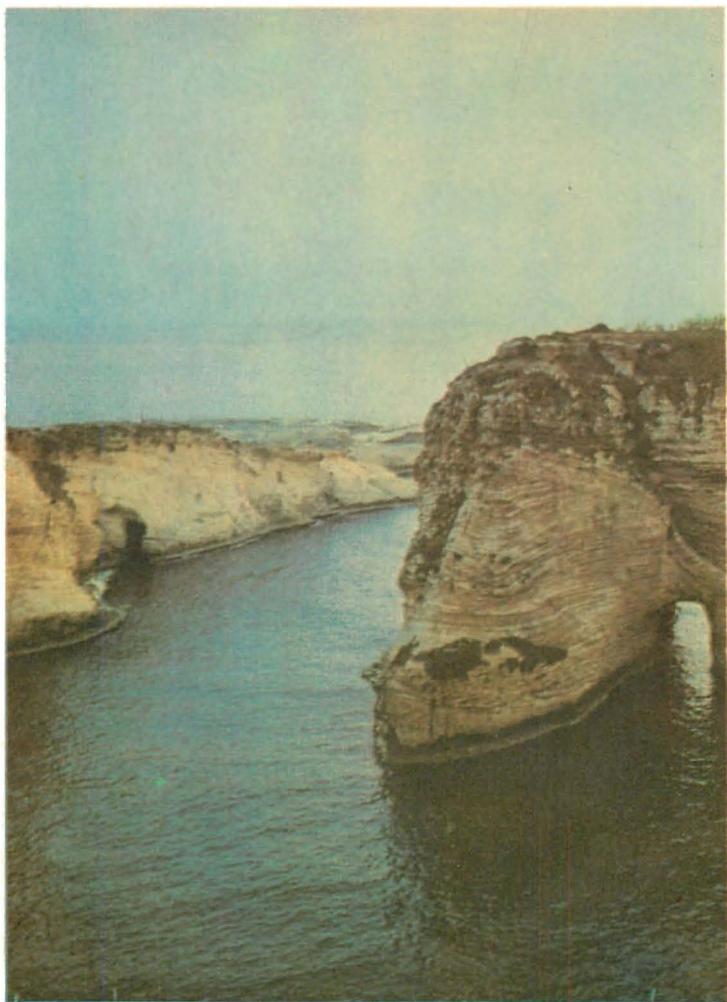

27
На горной дороге

28
Голубиный грот —
причудливый скалистый островок
близ набережной Бейрута

31

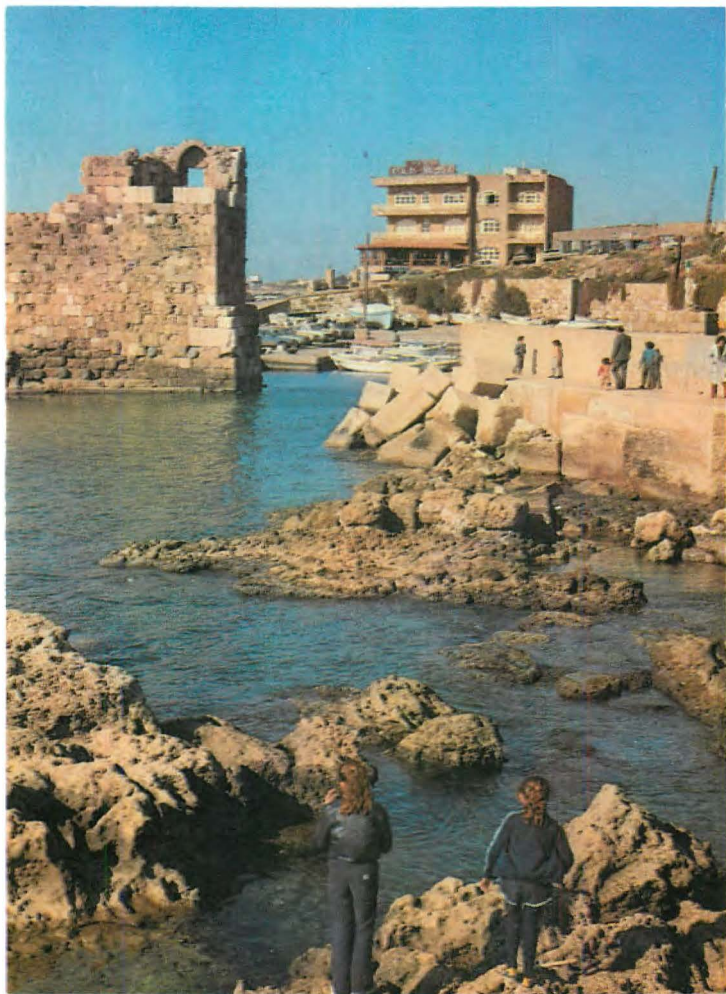
Древняя гавань Библоса.
Вдали слева — оборонительная
крепость, защищавшая вход в гавань

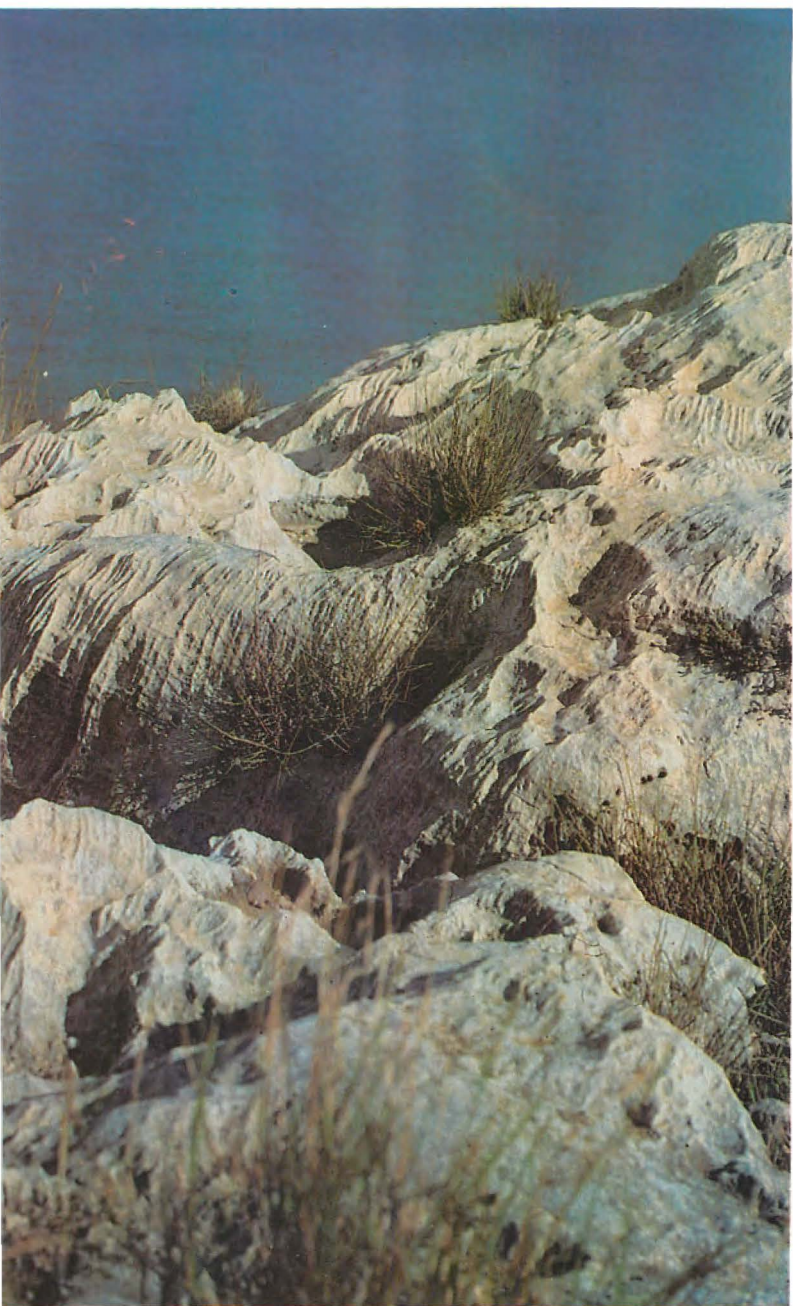
32

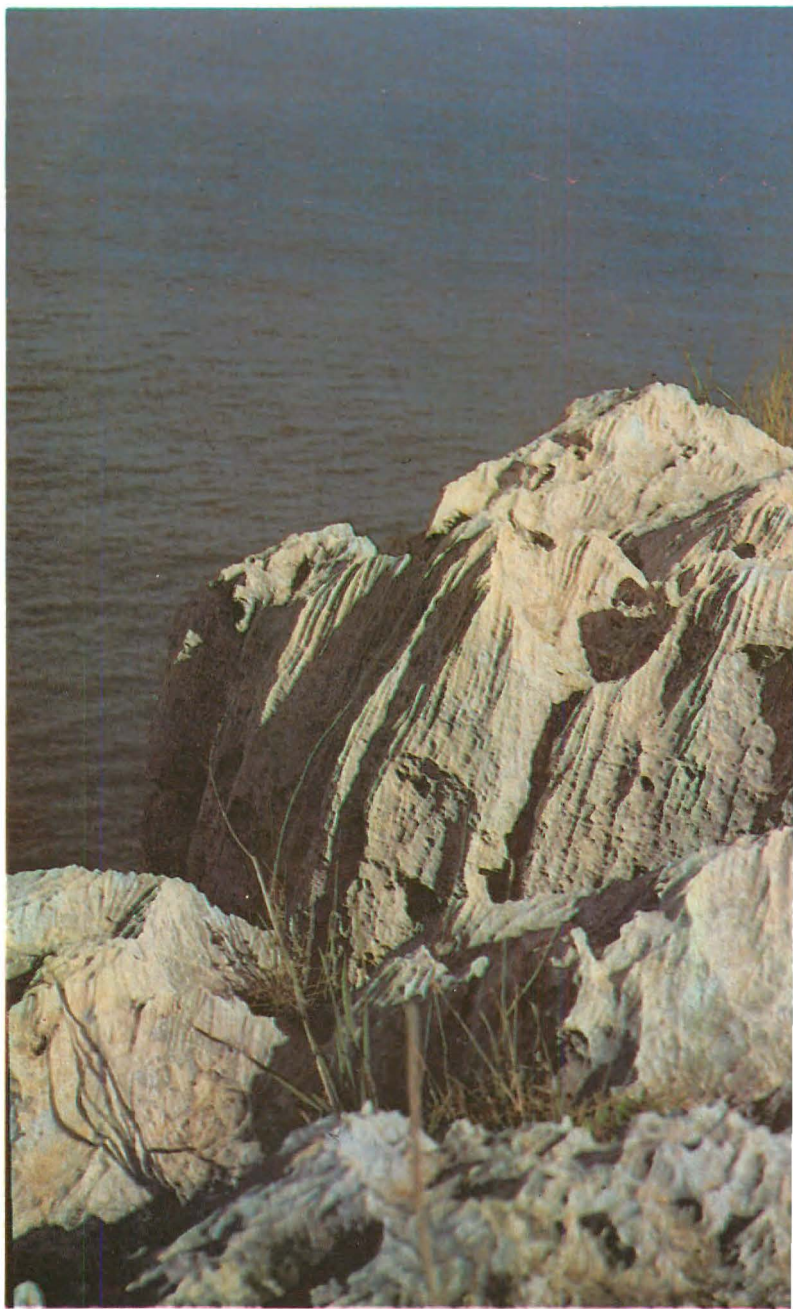
Древняя арабская мечеть в центре Библоса
(нынешнем Джубейле)

33

Кладбище царей в Библосе, возникшее около
полутора тысяч лет до н. э.

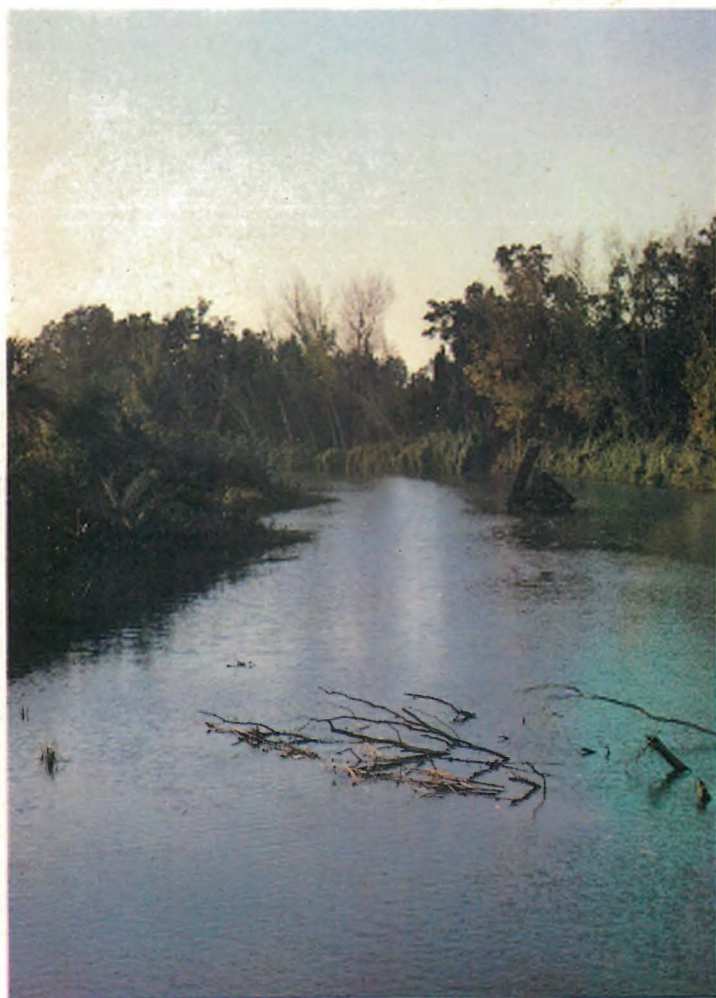

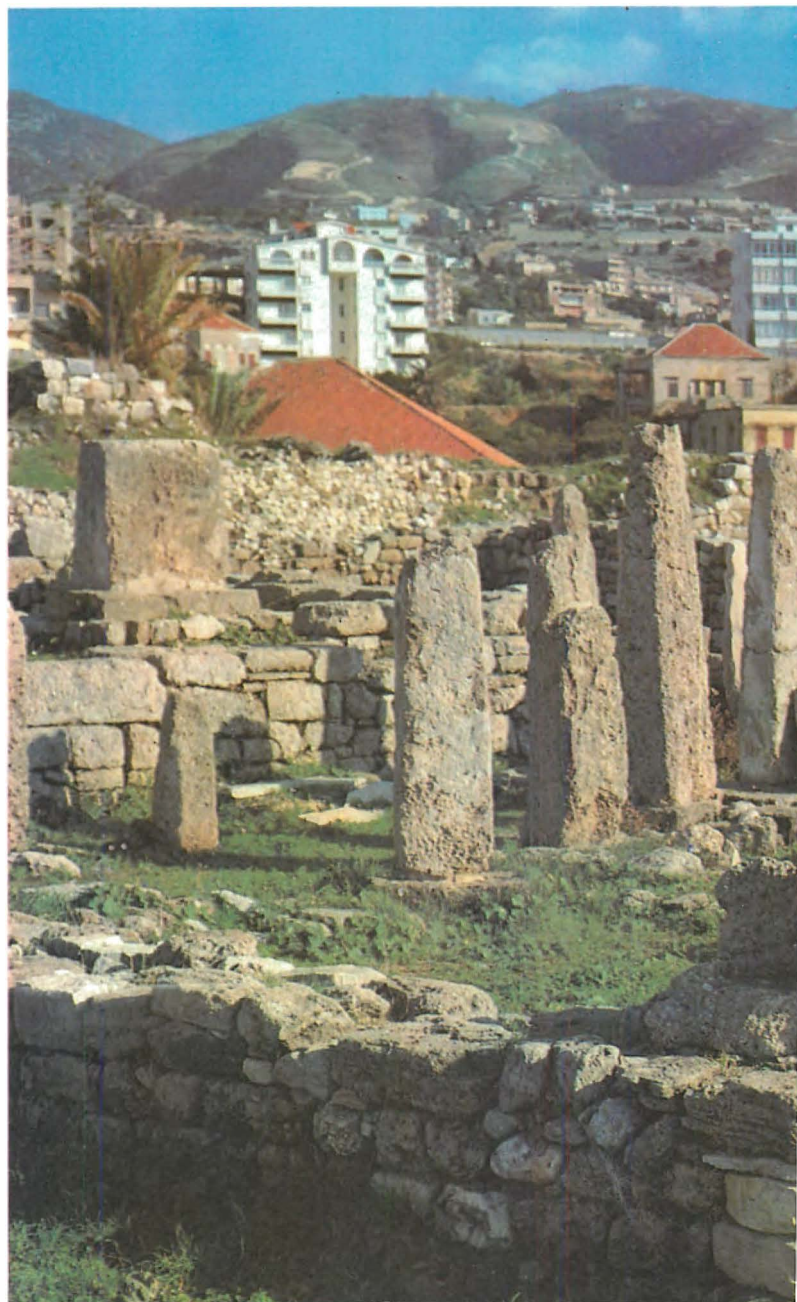
29

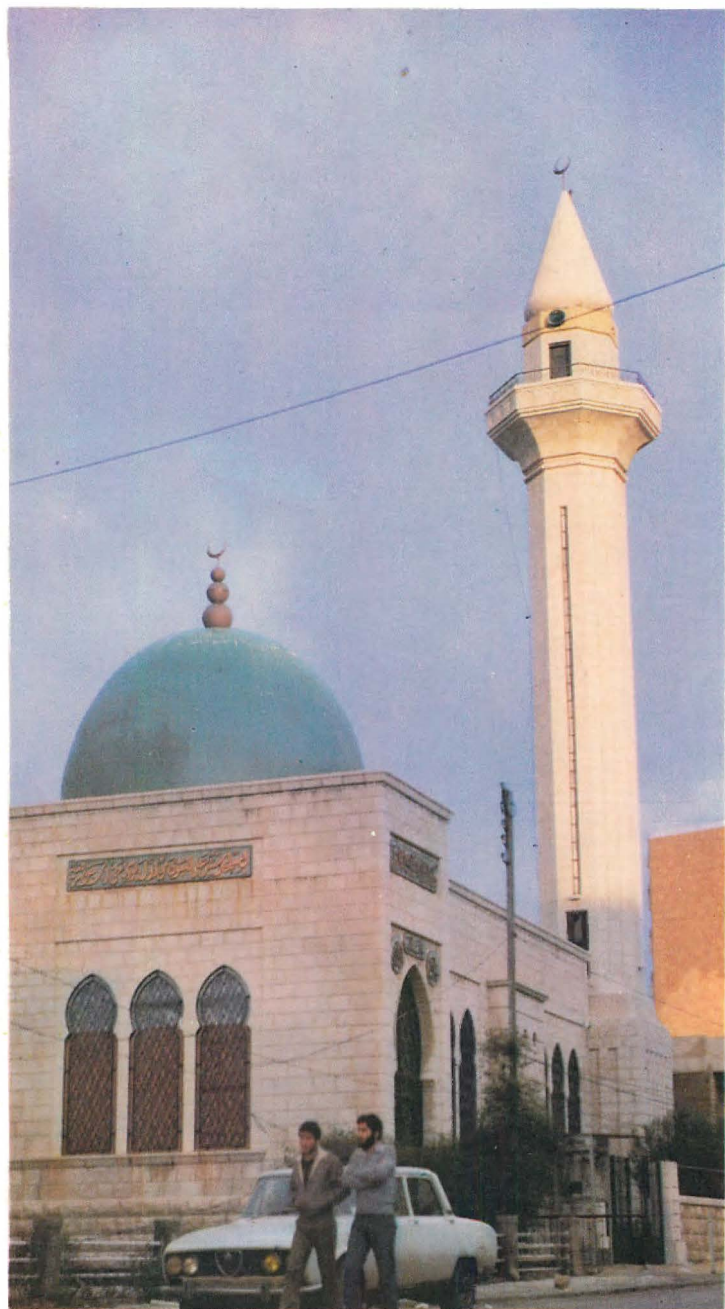
Река Литани в Южном Ливане

30

Пелельно-белые скалы, сохранившие
следы вулканических извержений,
нависают над голубыми водами
Средиземного моря.

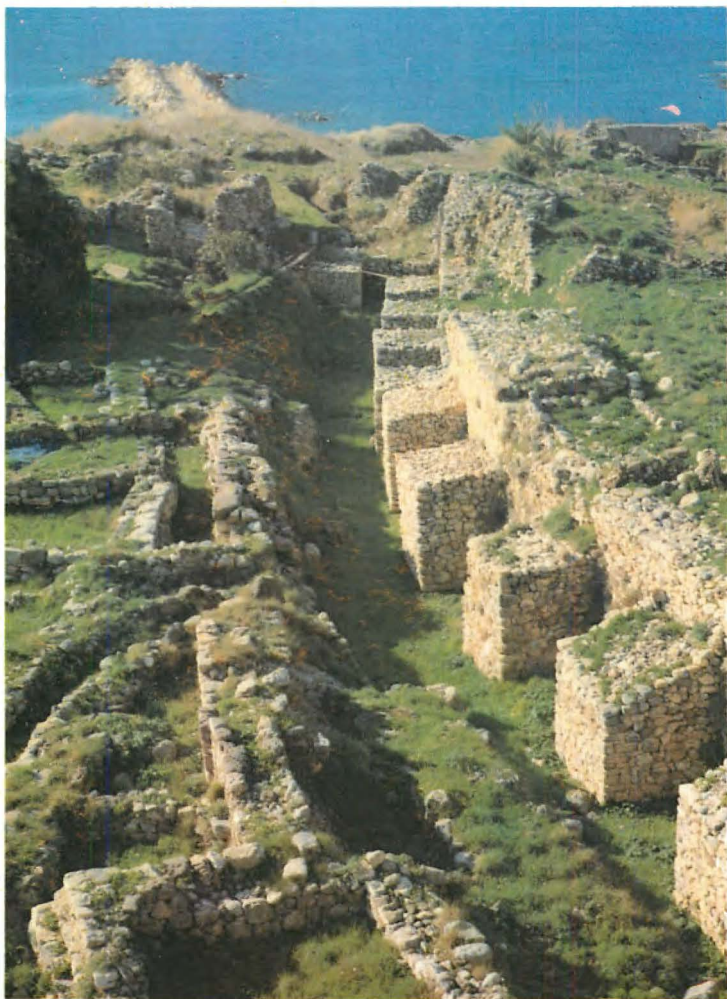

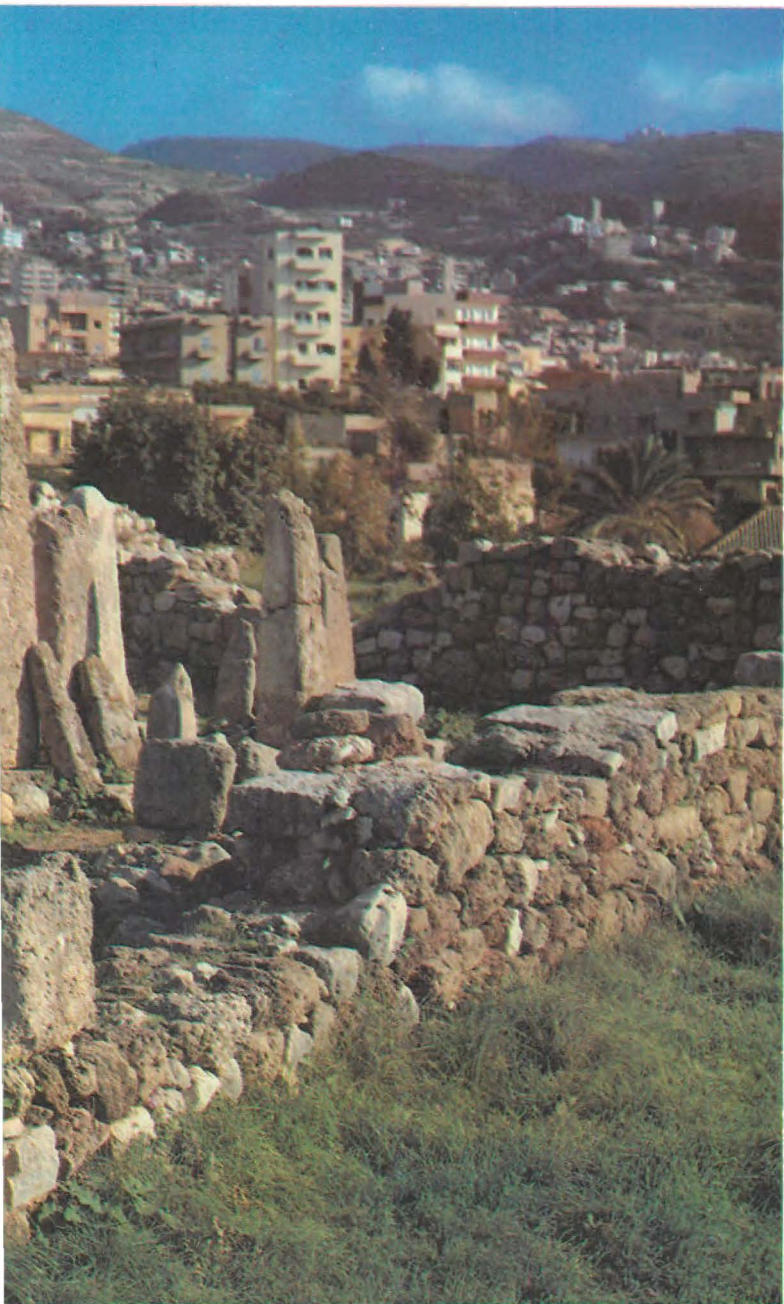
34

Во время раскопок в Библосе
(Джубейле) было обнаружено семь
рядов стен, последовательно создававшихся
одна на смену другой на протяжении
полутора тысяч лет до н. э.

35

Вход и внутренний вид Храма Бахуса
в Баальбеке (I—III вв. н. э.)

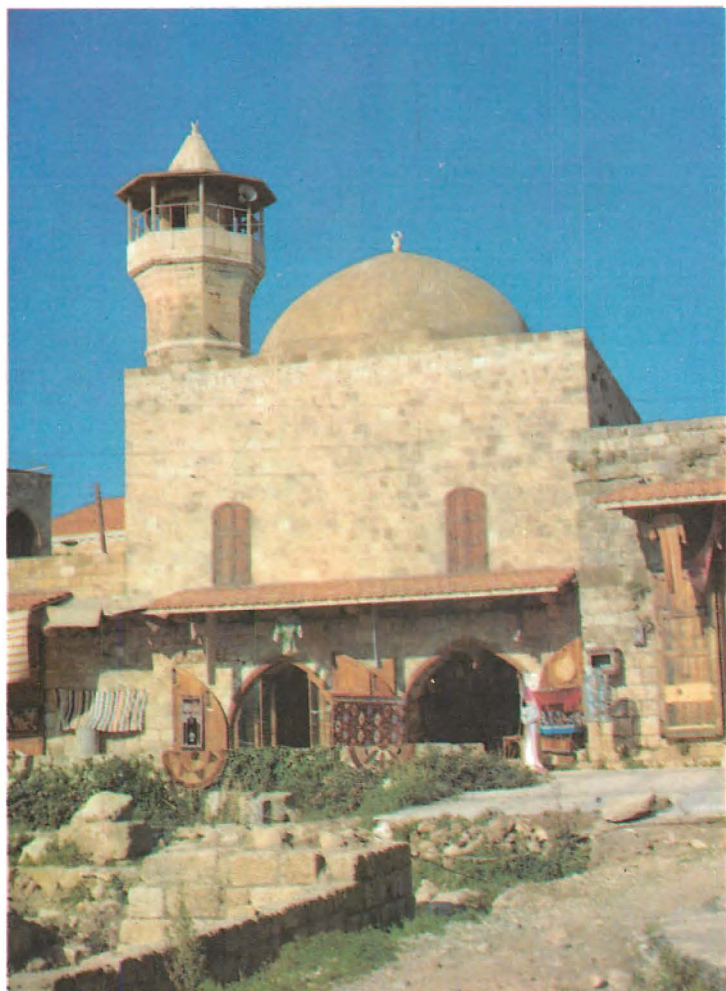

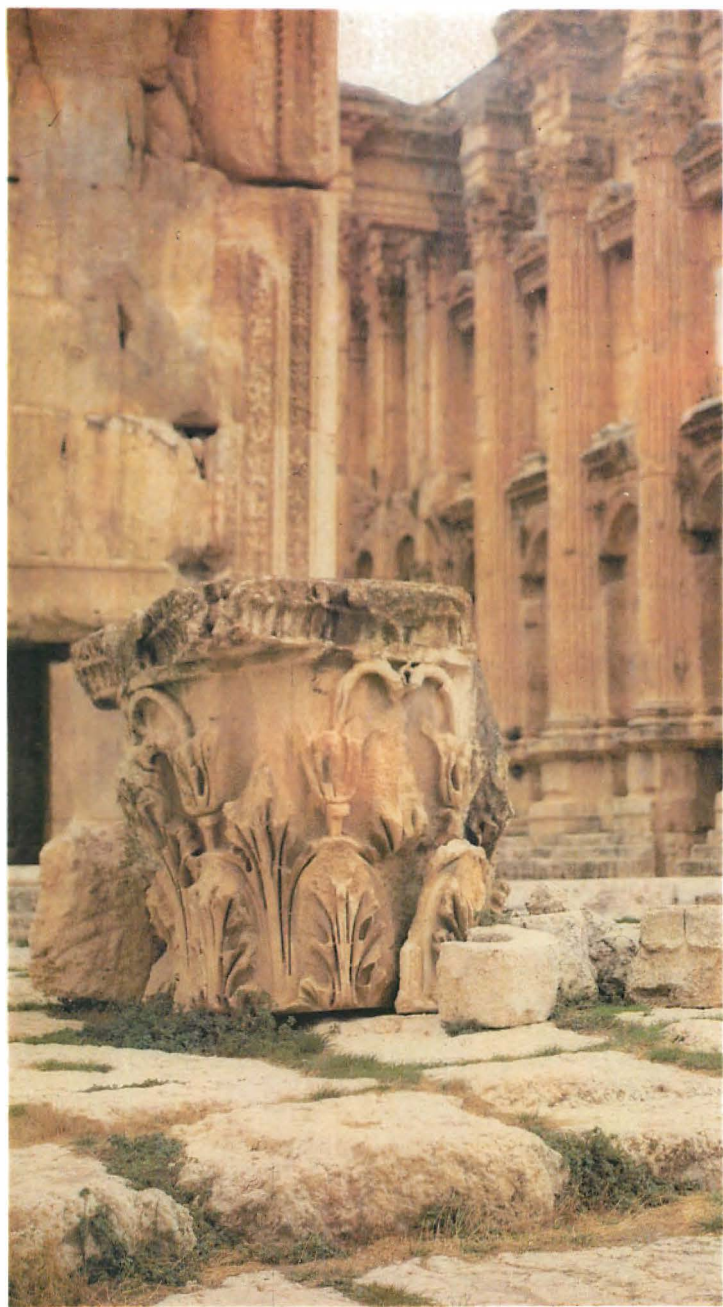
36

Храм, построенный под влиянием
египетской архитектуры полторы
тысячи лет до н. э.

37

Горные террасы в районе Бейт-эд-Дина

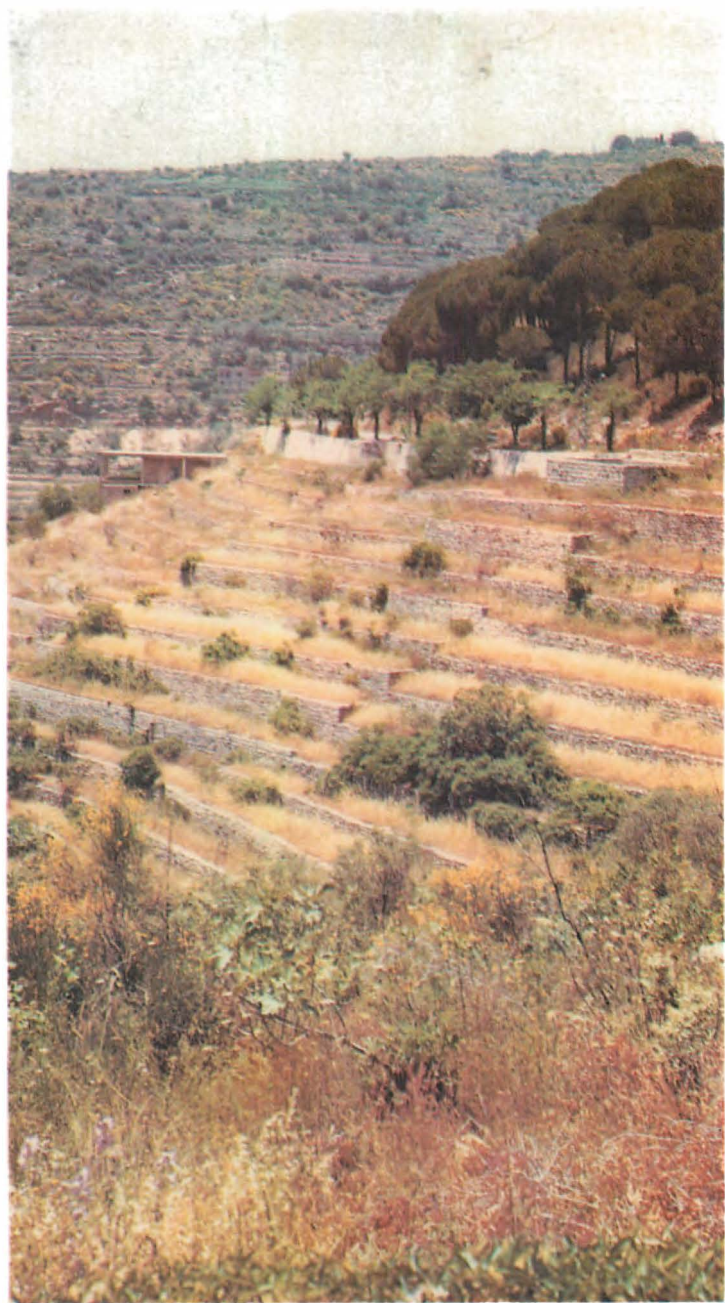
38

Старинный дворец
ливанских эмиров в Бейт-эд-Дине

39

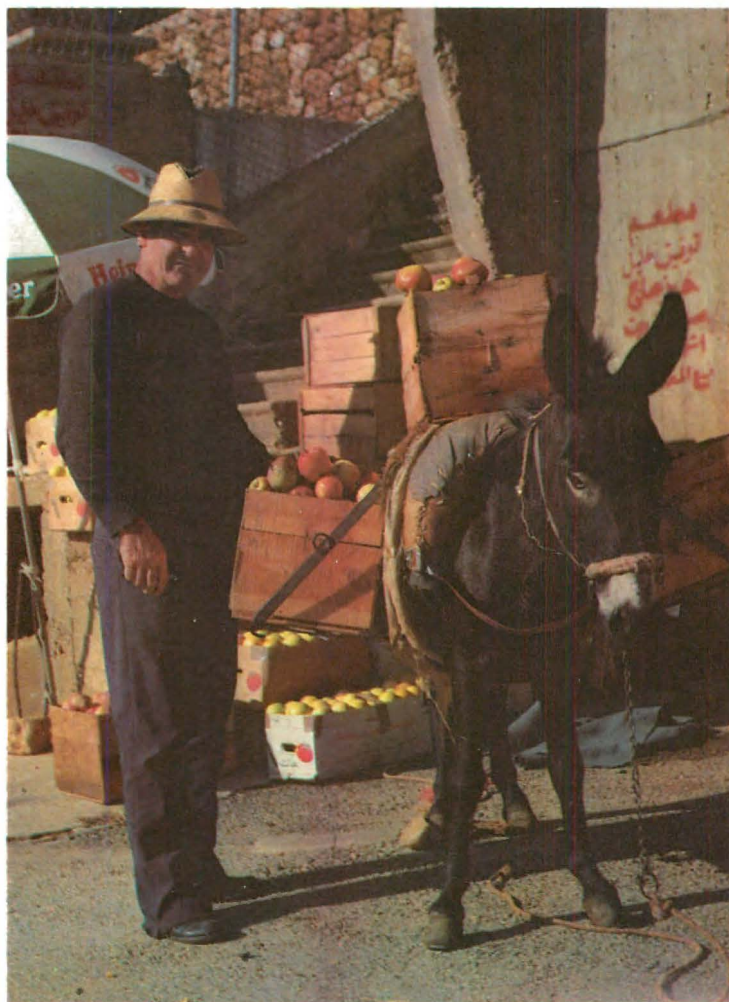
Крестьянка в поле. Южный Ливан

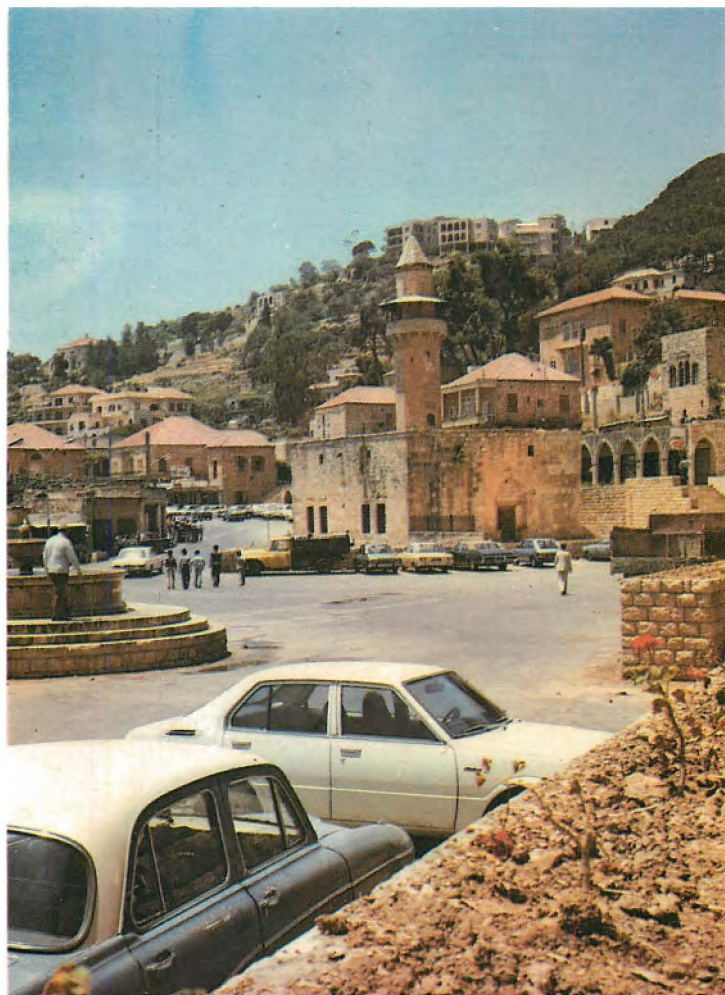
40
Бейрут. Уличный торговец

41
Дорога в Южный Ливан

42
Площадь в Бейт-эд-Дине

Л. Л. ВОЛЬНОВ

У ВРАТ ВОСТОКА

